
А 191/629
Не копировать

И. П. Ювачевъ
(И. П. Миролюбовъ).

Шлиссельбургская крѣпость.

№ 639. Изданіе книгоиздательства „ПОСРЕДНИКЪ“.

И. П. Ювачевъ
(И. П. Миролюбовъ).

Шлиссельбургская крѣпость.

Изданіе книгоиздательства „Посредникъ“.
№ 639.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовск. ул., с. д.
МОСКВА—1907

Нѣсколько словъ отъ издателя.

Если бы кто-нибудь сказалъ автору этой книги въ его дѣтствѣ, что настанетъ день, когда найдутся такіе люди, которые запрутъ его, Ивана Павловича Ювачева, въ страшную клѣтку въ четыре шага шириною и пять длиною, изъ которой ему не будетъ видно ни земли, ни солнца, и въ этой клѣткѣ будутъ держать его года,—онъ не повѣрилъ бы въ такую страшную сказку; онъ не повѣрилъ бы, что найдутся люди, которые могутъ это сдѣлать не съ выдуманнымъ, сказочнымъ существомъ, а съ нимъ, съ живымъ, настоящимъ человѣкомъ, братомъ всѣхъ этихъ людей. Онъ не повѣрилъ бы, что его могутъ заживо замуровать въ каменный склепъ, оторвавъ его отъ всѣхъ дорогихъ ему людей, отъ земли, отъ солнца, отъ звѣздъ, отъ всей природы, которую онъ безконечно любилъ.

А еще менѣе онъ могъ бы представить себѣ, что приведетъ его въ этотъ каменный гробъ, по жестокой ироніи судьбы, именно то глубокое увлеченіе природой—наблюденіями надъ живой природой и книгами о ея красотахъ,—которое было его отличительной чертой съ ранняго дѣтства.

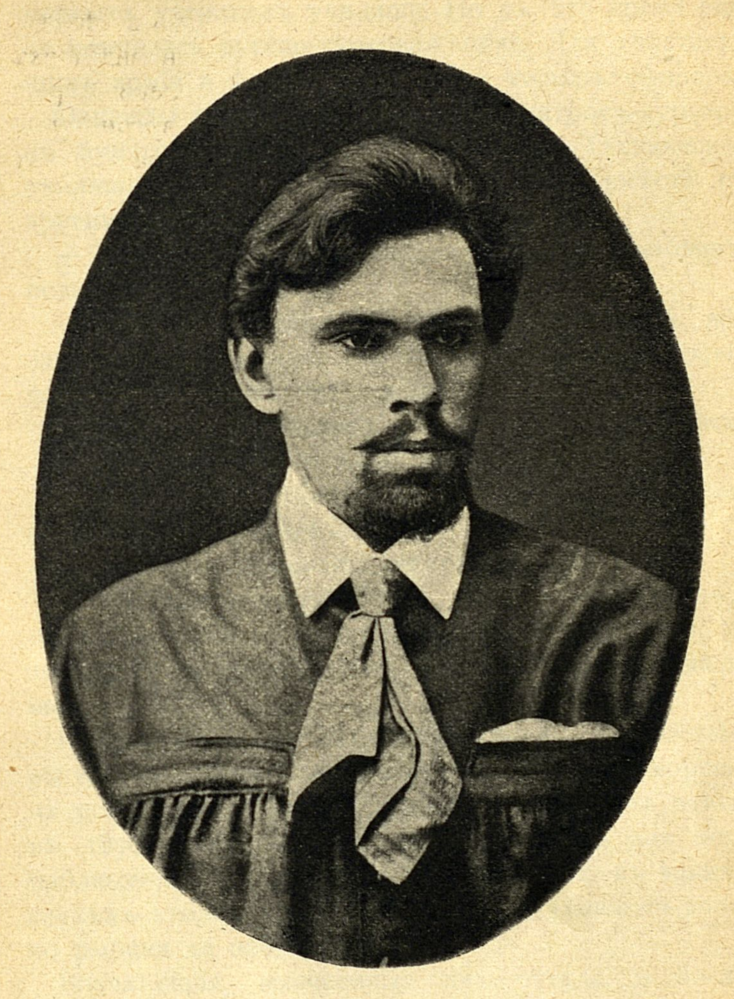
Разсказы о природѣ, путешествія, разсказы объ удивительныхъ странахъ, о необыкновенныхъ явле-

ніяхъ и приключеніяхъ въ нихъ были любимѣйшимъ его чтеніемъ. Его страстнымъ желаніемъ съ дѣтства было сдѣлаться мореплавателемъ. Въ сновидѣніяхъ ему, городскому мальчику, грезились далекія моря и величественно бушующіе океаны, а наяву онъ утѣшалъ себя оснащиваніемъ и пусканіемъ маленькихъ корабликовъ, а потомъ—прогулками по петербургскому взморью.

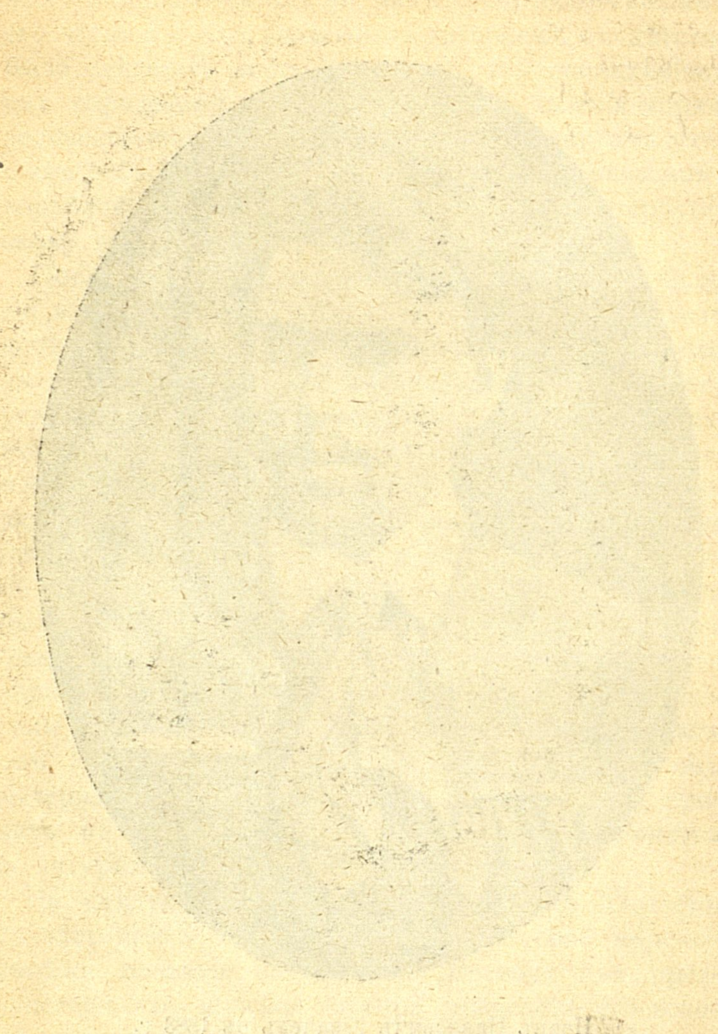
Послѣ окончанія владимирскаго уѣзднаго училища въ С.-Петербургѣ, въ 1874 году, И. П. Ювачевъ хотѣлъ быть поближе къ природѣ и потому выразилъ желаніе сдѣлаться лѣсничимъ; родные же его усиленно совѣтовали ему поступить въ морское техническое училище. Его тянула къ себѣ мирная, невоенная жизнь, но перспектива, ставъ ученымъ мореплавателемъ, увидѣть то, о чемъ онъ грезилъ еще ребенкомъ, соблазнила его, и онъ сталъ готовиться къ конкурсному экзамену. Тогда пріемный экзаменъ былъ довольно трудный. На двѣсти экзаменующихся было всего сорокъ вакансій. Но мысль о морской карьерѣ воодушевила и напрягла всѣ его юношескія силы. „Не выдержу,—убѣгу въ Америку“, думалъ онъ. Но убѣжать ему не пришлось: экзаменъ онъ выдержалъ отлично и осенью 1874 г. былъ принятъ въ техническое училище морского вѣдомства по штурманскому отдѣленію.

На слѣдующее лѣто пятнадцатилѣтній Ювачевъ съ восторгомъ отправился въ первое свое морское учебное плаваніе на корветѣ „Воевода“, не предчувствуя, что морская карьера приведетъ его вскорѣ къ преддверью эшафота.

По окончаніи курса въ 1878 г., онъ могъ вполнѣ осуществить свою завѣтную мечту—ѣхать въ загра-

Иванъ Павловичъ Ювачевъ въ 1883 г.

ничное плаваніе, такъ какъ онъ вышелъ однимъ изъ первыхъ учениковъ училища. Но въ это время еще не кончилась русско-турецкая война. Для дѣйствующихъ армій и флота нужны были молодые офицеры.

Однажды рано утромъ приходитъ матросъ-курьеръ съ бумагою изъ Морского штаба въ Техническое училище, гдѣ еще проживалъ Ювачевъ вмѣстѣ съ другими товарищами по выпуску.

— Что такое?—спрашиваетъ Иванъ Павловичъ, подымаясь съ постели.

— Штабъ приглашаетъ молодыхъ офицеровъ, желающихъ перевестись на войну, въ Черноморскій флотъ,—отвѣчаетъ ему товарищъ-сосѣдъ.

— А ты,—спрашиваетъ его Ювачевъ,—записался?

— Да. Запишись и ты: Россію увидимъ.

— А, Россію!.. Пиши и меня! — вдругъ рѣшительно заявляетъ Ювачевъ.

И вотъ его переводятъ въ г. Николаевъ.

На Черномъ морѣ Ивану Павловичу пришлось принять участіе въ занятіи Батума. Онъ плавалъ въ это время на шхунѣ „Казбекъ“ вахтеннымъ начальникомъ.

Погрузившись, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, въ тихую работу съемокъ и промѣровъ по морскому побережью, Иванъ Павловичъ произвелъ здѣсь, въ 1879—80 гг., множество интересныхъ для него наблюденій надъ черноморскою природою въ такихъ глухихъ уголкахъ, куда изрѣдка заглядываютъ только рыбаки да охотники.

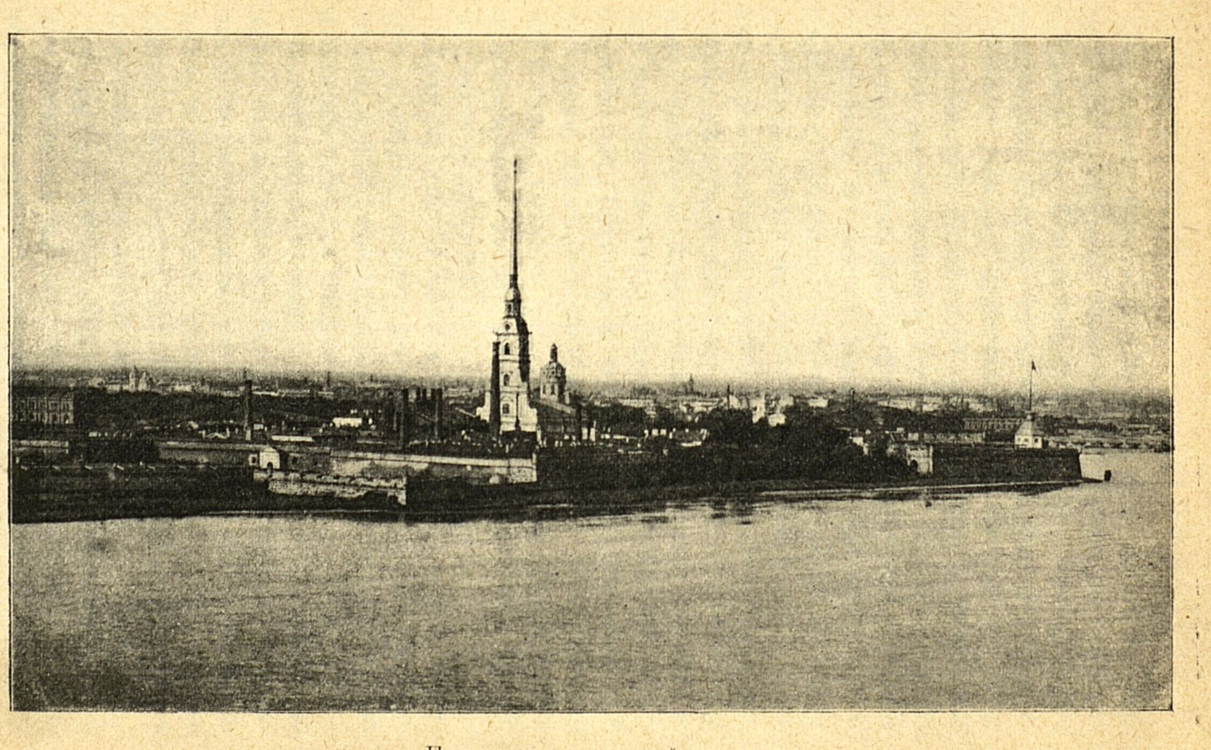
Впечатлѣнія, вынесенныя имъ оттуда, и послѣ многихъ лѣтъ его крѣпостныхъ и каторжныхъ мытарствъ, остались у него чрезвычайно живы и ярки. Изъ нихъ мнѣ особенно врѣзался въ память раз-

сказъ его о посѣщеніи имъ, въ тѣ времена невозмутимо тихаго, не знавшаго совершенно человѣческаго жилья, островка Березани, который сталъ теперь могилой разстрѣляннаго лейтенанта Шмидта.

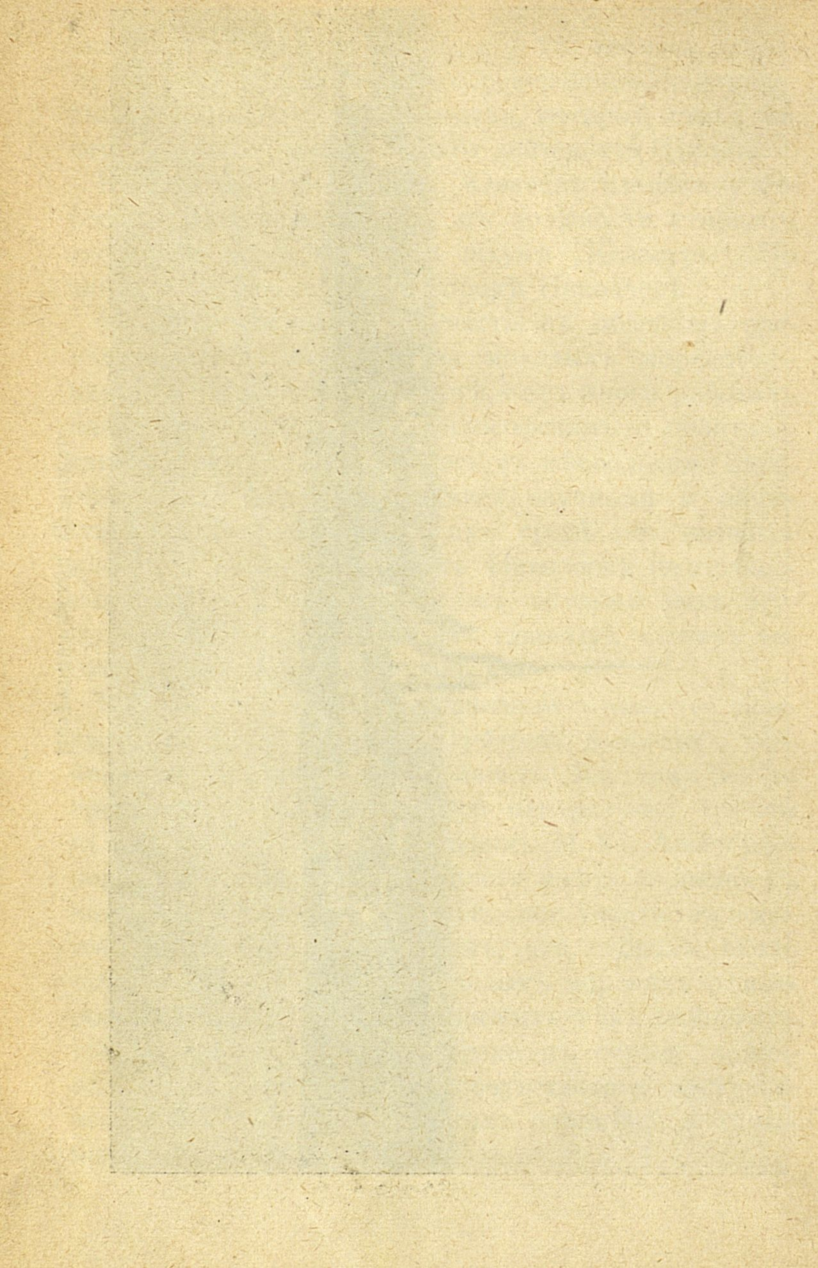
Въ періодъ 1881—1882 г. Ювачевъ плавалъ у береговъ Крыма и Кавказа въ должности старшаго штурманскаго офицера на шхунѣ „Келасуры". По зимамъ же онъ жилъ въ городѣ Николаевѣ.

Не принимая никакого участія въ обычномъ времяпровожденіи большинства молодыхъ моряковъ—картахъ, выпивкахъ и флиртѣ,—онъ много работалъ надъ своимъ научнымъ, философскимъ и политическимъ образованіемъ, общаясь съ нѣсколькими лишь офицерами, интересовавшимися научными и общественными вопросами. Въ ихъ средѣ онъ познакомился съ жившимъ тогда въ Николаевѣ подполковникомъ М. Ю. Ашенбреннеромъ, который былъ осужденъ потомъ какъ одинъ изъ главныхъ членовъ военно-революціонной организаціи.

Въ то время военная организація только-что складывалась въ Херсонской губерніи и ничѣмъ особеннымъ не успѣла себя заявить. Къ тому же, за арестомъ главныхъ дѣятелей центральной группы въ С.-Петербургѣ, подполковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ былъ лишенъ возможности имѣть сношенія съ ними. Самъ Ювачевъ проявилъ свое участіе въ военной организаціи только тѣмъ, что собралъ около себя небольшую группу молодыхъ морскихъ офицеровъ. Они были просто одними изъ тѣхъ немногихъ тогда военныхъ, которые близко къ сердцу принимали народные интересы и сочувствовали наступленію всѣхъ тѣхъ либеральныхъ перемѣнъ, которыя могли улучшить народное положеніе.

Петропавловская крѣпость.

Въ концѣ 1882 года Ювачевъ, опоздавъ къ началу лекцій, поступилъ вольнослушателемъ въ морскую академію въ С.-Петербургѣ. Въ это время былъ арестованъ бывшій артиллерійскій офицеръ С. П. Дегаевъ, хорошо извѣстный впослѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ инспектора петербургской секретной полиціи подполковника Судейкина. Дегаевъ, имѣвшій списки всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ военной организаціи и такихъ лицъ, какъ Ювачевъ и его товарищи, которые, съ точки зрѣнія дѣятелей революціонной партіи, могли быть полезны вообще какъ мыслящіе военные, выдалъ ихъ Судейкину и самъ сдѣлался агентомъ тайной полиціи. Въ результатѣ была масса арестовъ. Арестованъ былъ 13 августа 1883 г. и Ювачевъ на дачѣ родныхъ въ Шуваловѣ и заключенъ въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости. Тамъ онъ пробылъ больше года до суда надъ нимъ. Осенью слѣдующаго года его осудили одновременно съ М. Ю. Ашенбреннеромъ, В. Н. Фигнеръ и другими.

Хотя по дѣлу Ювачева не имѣлось налицо никакого состава преступленія, онъ былъ все же осужденъ, какъ организаторъ морского военнаго кружка и приговоренъ къ смертной казни.

Послѣ окончательнаго приговора, когда смертная казнь была замѣнена безсрочною каторгой, Ювачева, какъ и другихъ, одновременно судившихся съ нимъ, перевезли въ срединѣ октября 1884 года въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тамъ онъ провелъ въ одиночномъ заключеніи еще два года.

30 августа 1886 г. Ивану Павловичу объявили, что для отбыванія назначенной ему пятнадцатилѣтней каторги онъ долженъ отправиться на островъ Сахалинъ.

Незадолго до этого его посѣтилъ тогдашній шефъ жандармовъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ Оржевскій. Онъ слышалъ, что Ювачевъ дѣлаетъ въ тюрьмѣ новый переводъ Евангелія съ греческаго языка.

— Если у васъ религіозное настроеніе,—сказалъ генералъ Ювачеву,—то я предлагаю вамъ самый подходящій выходъ отсюда: постригитесь въ монахи. Это вамъ будетъ разрѣшено.

— Я не чувствую призванія къ монашеству. Мой патронъ, Іоаннъ Предтеча, сказалъ: „Не можетъ человѣкъ ничего принимать на себя, если не будетъ дано ему съ неба“. А я такого призванія свыше не чувствую.

— Но вѣдь я вамъ предлагаю лучшій способъ выйти изъ тюрьмы!—воскликнулъ генералъ.—На что вы надѣетесь?

— Моя надежда только на одного Бога,—спокойно отвѣтилъ ему Ювачевъ.

Генералъ пожалъ плечами и вышелъ изъ камеры.

Нѣчто подобное случилось вскорѣ по пріѣздѣ Ювачева на о. Сахалинъ. Другой генералъ, сахалинскій губернаторъ Кононовичъ, предлагалъ ему иной выходъ изъ его тяжелаго положенія.

— Не желаете ли,—спрашиваетъ онъ,—снова поступить въ военный флотъ?

— Нѣтъ, не желаю.

— Имѣйте въ виду, я вамъ дѣлаю это предложеніе не только отъ себя лично. Мнѣ дали понять въ Петербургѣ, что, если вы пожелаете, васъ могутъ перевести въ военный флотъ.

— Разъ меня нашли нужнымъ уволить, я ужъ

больше не хочу вернуться въ военную среду,—окончательно отказался Иванъ Павловичъ.

Родные Ювачева съ своей стороны убѣждали его поступить на военную службу. Они указывали на примѣръ Ѳ. М. Достоевскаго, прослужившаго въ ней послѣ каторги немного лѣтъ и затѣмъ вышедшаго въ отставку офицеромъ, сдѣлавшись совершенно свободнымъ и возстановленнымъ во всѣхъ правахъ человѣкомъ. Но Ювачевъ не соглашался. Не сразу послѣ Шлиссельбурга перевели его на о. Сахалинъ. Сперва его нѣкоторое время держали въ казематѣ Петропавловской крѣпости, затѣмъ — въ домѣ предварительнаго заключенія, и только 27 мая 1887 года его отправили по желѣзной дорогѣ въ Одессу. По дорогѣ пришлось ему еще провести нѣсколько дней въ московской пересыльной тюрьмѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1887 года Ювачевъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками былъ заключенъ въ ужасномъ трюмѣ парохода Добровольнаго флота „Нижній Новгородъ“. Ровно черезъ четыре года послѣ ареста онъ вступилъ въ мѣсто ссылки, въ Рыковское селеніе на островѣ Сахалинѣ.

Какъ ни тяжка была жизнь среди отверженнаго каторжнаго міра, она не сравнима была съ шлиссельбургской могилой для живыхъ: на Сахалинѣ люди видѣли все же солнечный свѣтъ, дышали воздухомъ полей и лѣсовъ, какъ и всѣ существа, могли двигаться, передавать другимъ свои мысли, чувства,—словомъ, сознавать себя, хотя и глубоко попраннымъ, но все же человѣкомъ, а не тѣнью его, какой казались иногда себѣ шлиссельбургскіе страдальцы.

Здѣсь Иванъ Павловичъ даже могъ заняться вновь своими научными наблюденіями надъ природой. Ему

разрѣшили быть завѣдующимъ тамошней метеорологической станціей.

По манифесту 1891 года срокъ каторги Ювачева былъ уменьшенъ на одну треть. Пробывъ на островѣ Сахалинѣ восемь лѣтъ до окончанія срока каторжныхъ работъ, онъ переѣхалъ въ 1895 г. въ городъ Владивостокъ, гдѣ ему предложили поступить въ управленіе по постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги въ качествѣ техника. Потомъ онъ командовалъ пароходомъ министерства путей сообщенія.

Работая въ мѣстныхъ органахъ печати, Иванъ Павловичъ принималъ дѣятельное участіе въ Пріамурскомъ отдѣлѣ русскаго географическаго общества, печатая свои статьи по метеорологіи и лоціи. Еще будучи на Сахалинѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько работъ по геодезіи и по составленію записокъ, описывающихъ условія плаванія въ Охотскомъ и Японскомъ моряхъ.

Представитель мѣстнаго отдѣла географическаго общества, генералъ-губернаторъ Н. И. Гродековъ, хлопоталъ о разрѣшеніи Ювачеву вернуться въ Россію. Оно и было дано въ 1897 году. Оставивъ командованіе пароходомъ, онъ немедленно отправился на родину черезъ Японію, Сандвичевы острова, Америку и Англію. Такимъ образомъ теперь, при такихъ, не грезившихся ему прежде, условіяхъ, сбылись, наконецъ, его юношескія мечты.

Въ Россіи Иванъ Павловичъ засталъ еще въ живыхъ своихъ стариковъ. Но такъ какъ ему запрещено было проживать въ столичныхъ губерніяхъ, то всѣ родные съѣхались къ нему въ Любань, въ Новгородской губерніи. Черезъ годъ Ювачеву позволи-

ли жить въ столицѣ, а въ 1899 году ему были возвращены всѣ права, утраченныя по суду.

Въ С.-Петербургѣ Иванъ Павловичъ занялся литературными работами. Онъ описалъ въ рядѣ статей въ „Историческомъ Вѣстникѣ", подписанныхъ его псевдонимомъ—И. П. Миролюбовъ, свои сахалинскія впечатлѣнія. Статьи эти вышли отдѣльной книгой: „Восемь лѣтъ на Сахалинѣ", и вскорѣ появились въ переводѣ на другіе языки съ краткой біографіей автора.

Интересуясь религіозными вопросами, Ювачевъ совершилъ въ 1900 году поѣздку въ Грецію, Сирію, Египетъ и Палестину, описанную имъ потомъ въ большомъ его трудѣ: „Паломничество въ Палестину". Изъ области религіозныхъ вопросовъ у него составился еще другой сборникъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Между міромъ и монастыремъ". Кромѣ того, въ русскихъ и заграничныхъ журналахъ въ разное время напечатано болѣе сотни его статей по различнымъ вопросамъ: „Борьба съ хунхузами на манчжурской границѣ", „Русскія школы въ Сиріи", „Сестра Варвара", „Закавказскіе сектанты", „Черезъ два океана", „Исканіе вождя Михаила", „Монастырь-тюрьма", „Распечатанные алтари", „Пророкъ конца" и другія, вышедшія отдѣльными брошюрами.

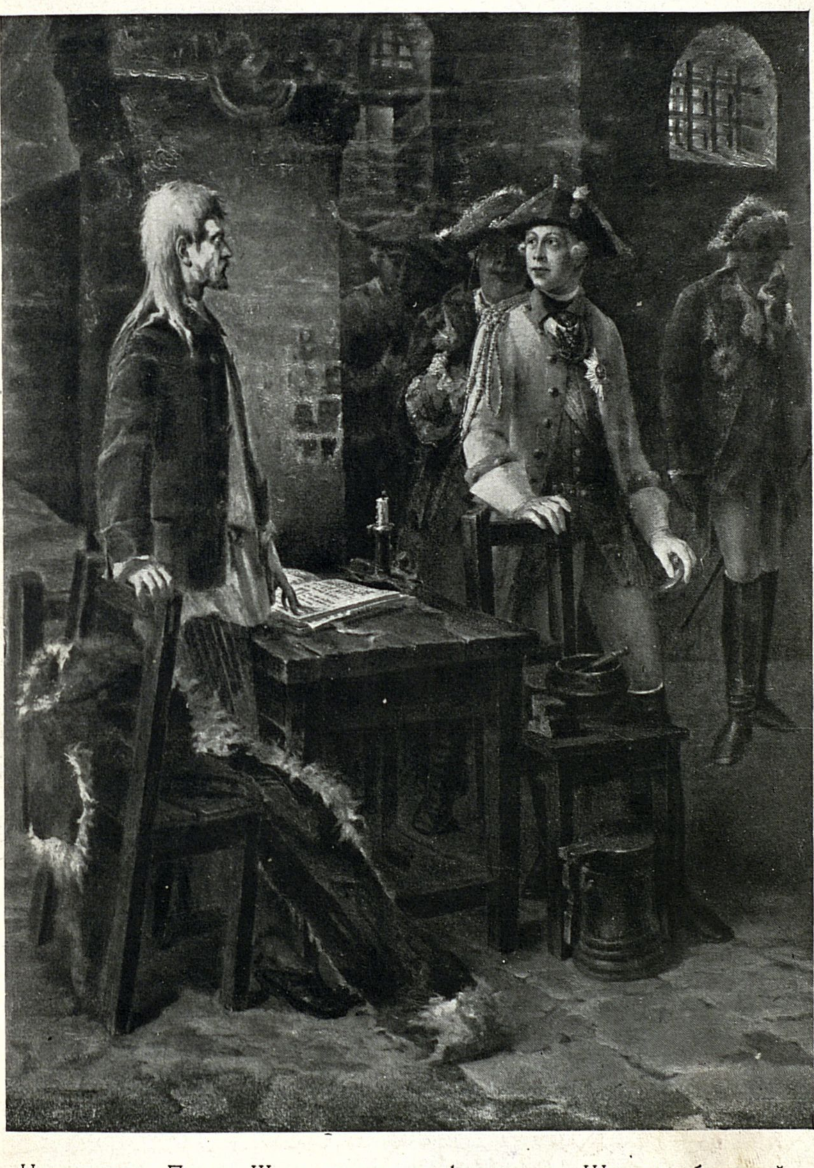
За работы по метеорологіи конференціей Академіи Наукъ въ 1899 г. И. П. Ювачевъ утвержденъ корреспондентомъ Николаевской главной физической обсерваторіи.

Въ 1900—1901 г. Иванъ Павловичъ находился въ экспедиціи по изслѣдованію судоходности рѣки Сыръ-Дарьи и выбора пристаней на Аральскомъ морѣ въ

связи съ постройкою Оренбурго-Ташкентской желѣзной дороги.

Въ самое послѣднее время Иванъ Павловичъ напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" рядъ статей, содержащихъ въ себѣ его шлиссельбургскія воспоминанія. Собраніе ихъ, въ обработанномъ и дополненномъ видѣ, и составляетъ предлагаемую книгу.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Императоръ Петръ III со свитою посѣщаетъ въ Шлиссельбургской крѣпости заключеннаго императора Іоанна VI (Іоанна Антоновича).
(Съ картины Ѳ. Е. Бурова).

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРѢПОСТЬ.

* * *

> То страшный міръ какой-то былъ,
> Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
> Безъ времени, безъ дней и лѣтъ...
>
> *„Шильонскій узникъ“.*

Осенью 1883 г., черезъ мѣсяцъ послѣ моего ареста, когда я находился въ одиночномъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, меня посѣтила моя сестра. Свиданіе происходило въ спеціальной комнатѣ, разгороженной посрединѣ двумя параллельными рѣшетками, въ разстояніи одна отъ другой около двухъ аршинъ. Мы вошли въ комнату разными дверями и стали у оконъ рѣшетокъ, между которыми сидѣлъ смотритель тюрьмы въ военномъ мундирѣ, высокаго роста.

Послѣ первыхъ привѣтствій и слезъ сестра спросила меня:

— Я себѣ представить не могу, что ты здѣсь дѣлаешь въ четырехъ стѣнахъ! Какъ ты можешь жить въ этомъ каменномъ гробу?

— Разсказать тебѣ...

— Объ этомъ нельзя говорить! — рѣзко перебиваетъ меня смотритель.

Сестра взглянула на него и заплакала.

Съ тѣхъ поръ прошла не одна десятилѣтняя давность... За это время я побывалъ въ еще болѣе

страшной Шлиссельбургской крѣпости, побывалъ и въ каторжныхъ тюрьмахъ на островѣ Сахалинѣ... И это все опять покрылось цѣлымъ рядомъ годовъ медленнаго возвращенія изъ ссылки въ родной городъ. Въ настоящее время мое тюремное заключеніе стало для меня уже далекимъ воспоминаніемъ. Но нѣкоторые моменты того ужаснаго положенія еще настолько мнѣ памятны, настолько ярко стоятъ въ моемъ воображеніи, что я теперь попытаюсь дать въ краткомъ очеркѣ отвѣтъ, какъ живутъ люди въ каменномъ гробу.

I.

Идеи христіанства, которыя съ колыбели безсознательно и сознательно прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоропреходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

(*В. Н. Фигнеръ*).

Вечеромъ 1 октября 1884 г., предсѣдатель военно-окружнаго суда въ С.-Петербургѣ читаетъ окончательный приговоръ.

Изъ четырнадцати осужденныхъ за государственныя преступленія восемь приговорены къ смертной казни. Преступленія каждаго резюмируются отдѣльно. Дошла очередь до меня.

— За сношенія,—читаетъ предсѣдатель,—съ государственными преступниками, бывшимъ лейтенантомъ флота Буцевичемъ и Вѣрою Филипповою-Фигнеръ...

Я такъ и замеръ. Ни Буцевича, ни Фигнеръ никогда не видѣлъ, даже по фотографіи, и никакихъ сношеній съ ними не имѣлъ.

Единственный знакомый мой изъ подсудимыхъ офицеровъ, М. Ю. Ашенбреннеръ, сидѣвшій на пер-

вой скамейкѣ, повернулъ лицо ко мнѣ и грустно улыбнулся. Въ отвѣтъ ему я только пожалъ плечами.

Предсѣдатель прочелъ еще о моей принадлежности къ тайному сообществу и участіи въ кружкѣ офицеровъ Черноморскаго флота, но это обвиненіе я пропустилъ мимо ушей. Считать ли за преступленіе, что мы, молодежь-офицеры, вечеромъ за самоваромъ поговоримъ относительно послѣднихъ событій въ Россіи нѣсколько свободнѣе, чѣмъ они трактуются въ печати? Вѣдь тотъ жандармскій офицеръ, который везъ меня въ каретѣ по Петербургу, не скрывалъ своего сочувствія къ либеральнымъ стремленіямъ того времени. Даже товарищъ прокурора, подъ присмотромъ котораго велось слѣдствіе по нашему дѣлу, признался мнѣ, что и онъ въ университетѣ считался „краснымъ“ среди товарищей. Да и сами судьи, вѣроятно, не удовлетворены были составомъ моего преступленія, считая его совершенно ничтожнымъ, если имъ нужно было притянуть хоть такой неважный поступокъ, какъ неопредѣленное сношеніе съ государственными преступниками. Я увѣренъ, они сдѣлали эту ошибку совершенно неумышленно. Слѣдователь, жандармскій майоръ, зналъ, что я никогда не встрѣчался съ В. Н. Фигнеръ, и онъ въ сущности первый познакомилъ меня съ ея біографіей. А судьи, не справившись съ многочисленными томами по нашему дѣлу, рѣшили, что я долженъ быть знакомъ съ Буцевичемъ и Фигнеръ, разъ они пріѣзжали въ г. Николаевъ, гдѣ зимой обыкновенно проживали моряки.

Послѣ окончательнаго приговора подсудимые не имѣютъ права что-либо говорить суду, и потому я

не могъ доказать ему, что его обвиненіе на этотъ разъ совершенно ложно.

Я не помню хорошо рѣчи военнаго прокурора на судѣ, но у меня осталось такое впечатлѣніе отъ нея, какъ будто онъ все время выражалъ сожалѣніе, что ему приходится обвинять меня. Чувствовалось, какъ у него было мало данныхъ требовать для меня смертной казни.

Кстати о другомъ прокурорѣ-слѣдователѣ. Однажды онъ вызываетъ меня изъ Петропавловской крѣпости въ жандармскій домъ, напротивъ церкви св. Пантелеймона.

— Относительно вашихъ товарищей, — говоритъ онъ мнѣ, — я уже рѣшилъ [1]. Вотъ только не знаю, что сдѣлать съ вами?..

Я посмотрѣлъ ему въ глаза и подумалъ про себя: „Ты колеблешься: предать ли меня военному суду, то-есть, смертной казни, или подвести меня къ административному наказанію — къ высылкѣ въ какую-нибудь Архангельскую губернію. Ты сейчасъ чувствуешь свою власть надо мной и хочешь поиграть со мною, какъ кошка съ мышкой. Чего тебѣ надо? Чтобы я просилъ тебя, униженно умолялъ?"

Я отвернулся отъ него.

А онъ, который хвасталъ мнѣ, что въ мои годы былъ тоже „краснымъ", представилъ заключеніе въ своемъ слѣдствіи, что меня надо предать военному суду.

Еще маленькая подробность. Насъ судили, какъ судятъ религіозныхъ „преступниковъ".

---

[1]) Знакомыхъ мнѣ офицеровъ, арестованныхъ вмѣстѣ со мною, онъ представилъ къ административному наказанію: ихъ безъ суда уволили со службы.

— Вы—штундисты.

— Нѣтъ, мы - баптисты,—отвѣчаютъ подсудимые.

— Штундисты вы!—настаиваетъ судъ.

— Ужъ позвольте намъ лучше знать, что мы готовы исповѣдывать.

Такъ и съ нами, офицерами, на военномъ судѣ.

— Вы принадлежите къ партіи „Народной Воли".

— Мы составляемъ особую военную организацію, ничего общаго не имѣющую съ террористическимъ направленіемъ этой партіи.

— Нѣтъ, вы принадлежите къ партіи „Народной Воли",—настаиваетъ судъ.

Лейтенантъ флота, баронъ Штромбергъ, хотѣлъ объяснить значеніе военной организаціи и привелъ въ параллель декабристовъ 1825 г. Его лишили слова и приговорили къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Повели насъ по камерамъ Дома предварительнаго заключенія. Каждаго сопровождали два жандарма съ обнаженными палашами. Мы, осужденные, идя по лѣстницѣ, все время оберегались, какъ бы впереди идущій жандармъ не задѣлъ грубо размахиваемымъ палашомъ. Нѣкоторые изъ насъ по дорогѣ перекликивались между собою короткими фразами. Особенное оживленіе проявили тѣ, которые были осуждены въ каторжныя работы. Быструю казнь на эшафотѣ имъ замѣнили медленною пыткою, растянутою на долгіе годы въ тюрьмѣ. Они еще надѣялись встрѣтиться гдѣ-нибудь въ Сибири. Бѣдные! они и не подозрѣвали, что имъ грозитъ медленное умираніе въ каменныхъ гробахъ Шлиссельбурга! Немногіе вышли изъ него.

Вскорѣ приходятъ ко мнѣ на свиданіе братъ и сестра. Они знаютъ, что меня приговорили къ смерт-

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

ной казни, и сквозь слезы стараются поддержать во мнѣ увѣренность, что меня не казнятъ.

— Вѣдь ты не участвовалъ ни въ какихъ убійствахъ или покушеніяхъ, такъ за что же тебя убивать?—спрашиваютъ они.

Я разсказалъ, какъ судъ обвинилъ меня въ сношеніи съ лицами, которыхъ я не только не зналъ, но и никогда не видалъ.

— И ты молчишь! Что же ты не протестуешь?— удивленно спрашиваетъ сестра.

Братъ ее поддерживаетъ и совѣтуетъ обжаловать приговоръ суда.

— Оставьте мнѣ,—говорю я имъ,—немного сократовскаго утѣшенія.

— Какое это утѣшеніе?

— А помните, когда Сократъ взялъ въ руки чашу съ ядомъ, ему сказалъ одинъ изъ его учениковъ: „Ты умираешь невиннымъ!"—„А развѣ ты хотѣлъ,— отвѣтилъ ему Сократъ,—чтобы я умеръ виновнымъ?" Пусть и у меня будетъ сознаніе, что меня осудили неправильно.

На другой день меня перевезли въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости, гдѣ я находился и раньше до суда. Мѣсто то же самое, но условія уже перемѣнились. Отъ меня взяли мой морской костюмъ, въ которомъ меня арестовали. Не дали мнѣ и больничнаго бѣлья и синяго халата изъ какого-то офицерскаго лазарета, какъ это полагается здѣсь для лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ. Теперь на мнѣ грубое толстое бѣлье, сѣрые суконные штаны, такая же сѣрая короткая курточка и круглая арестантская шапка. За обѣдомъ вмѣсто жаренаго блюда даютъ кашу и вмѣсто чая—горячую воду. Все сдѣлано такъ,

чтобы заключенный почувствовалъ разницу положенія до суда и послѣ.

Проходитъ нѣсколько мучительныхъ дней со дня объявленія приговора. Еще не разрѣшенъ былъ страшный вопросъ: быть или не быть?

„Если они, — думалъ я про себя, — находятъ нужнымъ казнить меня, то тогда надо казнить въ Россіи сотни, тысячи, десятки тысячъ людей! Нѣтъ, этого они не сдѣлаютъ“.

Ко мнѣ вернулись спокойствіе и увѣренность, что меня сошлютъ въ Сибирь.

— Хоть на край свѣта готовъ я ѣхать. Можно жить всюду, гдѣ люди есть. Только бы не въ одиночное заключеніе!

Въ субботу, вечеромъ, 6 октября, когда я прислушивался къ благовѣсту петербургскихъ церквей ко всенощной и думалъ о „судьбахъ человѣческихъ“, вдругъ послышался стукъ открываемыхъ и запираемыхъ дверей и шумъ многочисленныхъ шаговъ.

„Обходъ камеръ. Кто бы это могъ быть?“—гадаю про себя.

Стукъ дверей и шумъ шаговъ все ближе и ближе ко мнѣ.

Я сталъ посреди камеры и жду. Вотъ подходятъ къ моей двери, отпираютъ ее...

Генералъ!

„Вѣстникъ царя“,—мелькнуло у меня въ умѣ.

Сѣдой, полный, невысокаго роста, въ аксельбантахъ, генералъ-адъютантъ подходитъ ко мнѣ и коротко спрашиваетъ:

— Морякъ?

— Морякъ,—отвѣчаю.

— Государь Императоръ всемилостивѣйше замѣ-

няетъ вамъ смертную казнь ссылкою въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ,—проговорилъ старикъ и сочувственно положилъ свою руку на мое плечо. Потомъ онъ сильно вздохнулъ, крякнулъ, сдѣлалъ выразительный жестъ рукою съ явнымъ сочувствіемъ на лицѣ и, не сказавъ болѣе ни слова, вышелъ изъ камеры въ сопровожденіи солдатъ и смотрителя тюрьмы.

Наконецъ-то разрѣшилось тягостное чувство ожиданія! Когда же отправятъ?

II.

> Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.
>
> (*В. Н. Фигнеръ*).

Проходитъ день, другой, третій... Никакой перемѣны! Ужъ не забыли ли? Можетъ быть, ожидаютъ весны?

Неизвѣстность иногда страшно мучительна. Что теперь происходитъ вокругъ меня? Можетъ быть, нѣкоторые изъ осужденныхъ со мною казнены уже? Когда и какимъ образомъ насъ повезутъ въ дальніе края? Полная неизвѣстность! Какъ личность, насъ игнорируютъ. Мы стали вещью или скотомъ для нихъ: въ какое стойло поставить или какимъ кормомъ накормить, насъ не спросятъ.

Меня охватило предчувствіе чего-то страшнаго.

Наступила ночь 16 октября. Мнѣ не спится. Прилягу не раздѣваясь на кровать, потомъ опять вскочу и хожу изъ угла въ уголъ камеры. Тяжелыя минуты! Наконецъ, я раздѣлся и легъ. Сна нѣтъ. Въ тюрьмѣ тихо. Освѣщенная лампой камера съ небольшимъ

окномъ подъ сводами потолка не даетъ для глазъ ни одной точки, на которой можно бы было остановиться. Повернулся къ двери и сталъ смотрѣть на потайное маленькое отверстіе,—не покажется ли въ немъ глазъ стражника. Но и съ этой стороны никакой перемѣны. Рядъ мучительныхъ мыслей не даетъ мнѣ покоя. Я опять поднялся, чтобы выпить немного воды изъ вдѣланнаго въ стѣну крашенаго желѣзнаго ящика. Открылъ кранъ—одна темно-желтая муть со дна ящика.

Вдругъ послышались спѣшные шаги въ коридорѣ тюрьмы и стукъ открываемой двери камеры. Прислушиваюсь. Чрезъ минуту опять стукъ сапогъ и шлепанье туфель.

Повели кого-то!

Куда? Зачѣмъ? И въ такой часъ? Пожалуй, теперь часъ или два ночи.

Опять тишина. Я легъ. Только за окномъ слышится шумъ вѣтра.

Вдругъ снова громкіе спѣшные шаги и опять стукъ открываемой двери, но значительно ближе къ моей камерѣ.

Повели другого!

Что это значитъ?

Мысль сильно заработала. Я сталъ строить всевозможныя догадки...

Вотъ идутъ ко мнѣ. Открываютъ дверь и быстро входятъ два солдата. Одинъ изъ нихъ бросаетъ предо мною туфли и арестантскій халатъ.

— Накиньте на плечи халатъ да на босу ногу надѣньте туфли, и пойдемте!

Надѣлъ. Спускаемся по лѣстницѣ внизъ, выходимъ на внутренній дворъ бастіона, гдѣ мы обыкновенно

гуляемъ. Страшно темно! Едва различаешь дорожку къ небольшому зданію посреди двора. Это—баня.

У меня сжалось сердце.

„Зачѣмъ въ такой часъ итти въ баню, въ это совершенно изолированное зданіе отъ тюрьмы и отъ всякаго жилья? И почему въ такой холодъ меня ведутъ съ постели въ одномъ бѣльѣ съ накинутымъ на плечи тоненькимъ халатикомъ?“

Жандармъ открылъ дверь, и я остолбенѣлъ отъ страшной картины, освѣщенной сильнымъ огнемъ лампы. На полу стояла наковальня, лежали молоты, цѣпи, еще какіе-то инструменты. Два мужика въ красныхъ рубахахъ съ засученными рукавами напоминали мнѣ палачей. Въ сторонѣ—высокая фигура смотрителя. Я искалъ глазами жаровни съ раскаленными углями.

Первая мысль у меня мелькнула: застѣнокъ, палачъ, пытка!

— Сядьте на полъ!—приказалъ смотритель.

Не успѣлъ я опуститься, какъ подхватили мою оголенную ногу и стали ее стягивать желѣзомъ.

„Должно быть, кандалы“,—догадался я, и моментально прошелъ страхъ отъ ожиданія пытки.

Но пытка была. Когда положили мою ногу на наковальню и стали молотомъ заклепывать кандалы, т.-е. расплющивать заклепку на желѣзномъ кольцѣ, я съ трудомъ переносилъ это истязаніе. Каждый ударъ по желѣзу рѣзко и болѣзненно отзывался на тѣлѣ.

— Что за варварскій способъ!—волновался я про себя.—Толстое съ острыми краями желѣзо бить на человѣческой ногѣ! Казалось, можно бы придумать было что-нибудь поделикатнѣе грубаго и грязнаго

желѣза. Судя по работѣ, эти кандалы, которые клепались на моихъ ногахъ, вѣроятно, имѣли происхожденіе со временъ Петра Великаго, если не раньше. Припоминается русская поговорка: „Богъ далъ вольный свѣтъ, а чортъ кандалы сковалъ“.

Долго и мучительно клепали болтикъ кандаловъ и на другой ногѣ.

И вотъ мои ноги связаны желѣзною цѣпью!

Раньше я никогда не видѣлъ и представить себѣ не могъ ни устройства кандаловъ, ни способа заковки въ нихъ, хотя частенько вспоминалъ ихъ въ студенческой пѣснѣ:

Выпьемъ мы за того,
Кто сидитъ въ кандалахъ,
Кто свободы лишенъ,
Кто теперь въ рудникахъ...

„Вотъ и я причисленъ“,—подумалъ я,—„къ ордену узниковъ, страждущихъ за идею. Разные есть орденскіе знаки на свѣтѣ! Есть цѣпи, которыя возлагаются на шею, есть орденъ „Подвязки“, полагаемый на ногу. Но если гдѣ, то именно на желѣзной цѣпи нашихъ кандаловъ надо написать извѣстный девизъ: „Honni soit qui mal y pense“.

Принесли тоже невиданные мною раньше штаны сѣраго сукна. Особенность ихъ та, что гдѣ полагается шовъ, тамъ они застегиваются на пуговицахъ. Это сдѣлано, чтобы можно было надѣвать ихъ на ноги, связанныя кандалами. Надѣли на меня куртку, коты съ подвертками, овчинный полушубокъ, арестантскій халатъ и сѣрую шапку безъ козырька.

— Въ дальнюю дорогу отправляютъ,—догадываюсь я.

Къ срединѣ желѣзной цѣпи привязали ремень и дали его мнѣ въ руки. Этимъ ремнемъ сдерживаются кандалы, чтобы они не волочились по землѣ. Но когда повели къ выходу изъ бастіона, у меня по дорогѣ звякнули кольца цѣпи.

— Подтяните ремень, чтобы кандалы не звенѣли,— приказалъ смотритель.

Въ тюрьмѣ—и такая таинственность!

Неуклюже передвигая закованныя ноги, въ непривычномъ грубомъ нарядѣ, я вошелъ въ кордегардію и сѣлъ около двухъ жандармовъ гигантскаго роста. Смотритель скрылся.

Въ такомъ ожиданіи я просидѣлъ около часа. Жандармамъ тоже скучно. Они зѣваютъ, потягиваются. По выговору и по виду—малороссы. Трудно подобрать другую такую парочку: высокіе, плотные, здоровые! Природа такъ и претъ наружу! Кожа на щекахъ натянута до послѣдней степени—вотъ-вотъ лопнетъ!

Вдругъ опять приходитъ смотритель съ жандармскимъ офицеромъ и двое стражниковъ съ узломъ платья, въ которомъ меня арестовали.

Развернули узелъ и стали передавать мои вещи жандармамъ, провѣряя ихъ по списку.

Пересчитывая деньги въ портмонэ, смотритель увидѣлъ небольшую свернутую бумажку. Онъ осторожно развернулъ ее. Въ ней какой-то темный порошокъ.

— Что это? — въ недоумѣніи спрашиваетъ онъ меня.

Я тоже сначала удивился присутствію невѣдомаго порошка въ портмонэ, но, приглядываясь къ нему, вспомнилъ, что иногда приходилось мнѣ носить съ

собою два-три кристаллика kali hypermanganicum для полосканія рта.

— Да это, должно быть, марганцово-каліева соль,— сказалъ я ему.

Для удостовѣренія я послюнилъ палецъ и опустилъ его въ темный порошокъ, чтобы видѣть, дастъ ли онъ свою характерную окраску. Смотритель быстро схватилъ мой палецъ и сталъ опасливо его обтирать: не ядъ ли это?

III.

> Вѣдь Іисусъ не сопротивлялся, когда Его поносили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже профанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...
>
> (*В. Н. Фигнеръ*).

Меня повели къ выходу. У воротъ стояла четырехмѣстная карета. Со мной рядомъ сѣлъ офицеръ, напротивъ—два жандарма.

По соображенію былъ четвертый часъ утра. Темно, да и занавѣси кареты задернуты.

Дума не выходитъ изъ головы: куда везутъ меня? Спрашивать не стоитъ: все равно не скажутъ.

Не прошло двухъ-трехъ минутъ, какъ карета остановилась. Что такъ скоро?!

Гиганты выскочили первыми и, сдѣлавъ честь какому-то генералу, ожидавшему насъ съ небольшой свитой, подхватили меня подъ мышки. Пахнуло сырымъ холоднымъ воздухомъ.

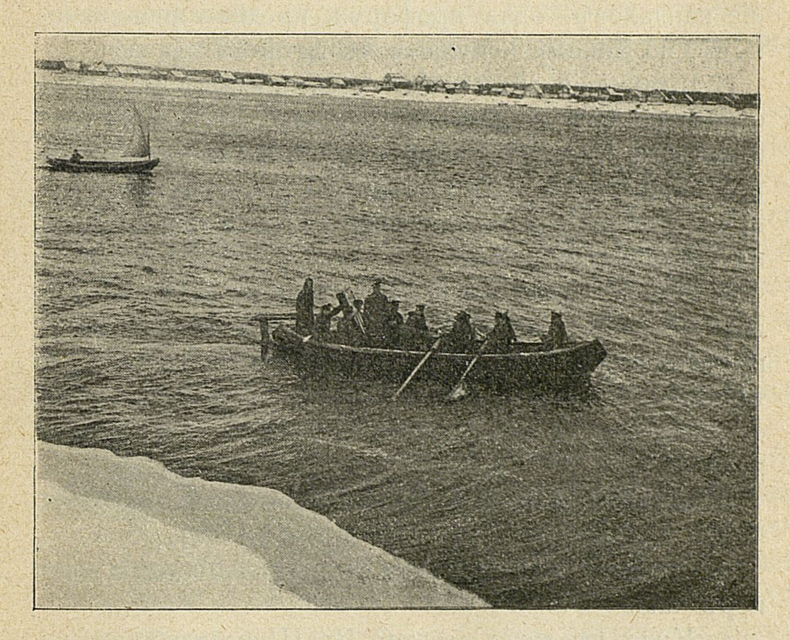
— Нева!—сообразилъ я въ темнотѣ—Да неужели меня въ Шлиссельбургъ повезутъ?!

Страшнымъ холодомъ охватило мою душу это сознаніе. Чего я больше всего боялся, то и случилось.

Маленькій казенный пароходъ („Мойка“ или „Фонтанка“, что-то въ родѣ этого) стоялъ у пристани

Петропавловской крѣпости, куда случалось раньше приходить мнѣ въ дни Преполовенія.

Жандармы-верзилы буквально волокли меня и по пристани, и на пароходѣ, пока не спустили въ кормовую каюту.

Лодка съ жандармами подъѣзжаетъ къ острову Шлиссельбургской крѣпости.

Желѣзныя кольца кандаловъ мучительно впились въ тѣло, и я поспѣшилъ сѣсть на диванъ.

Торопясь меня отправить, мнѣ не надѣли кожаныхъ подкандальниковъ, защищающихъ тѣло отъ тренія желѣза. Это тоже вѣрный признакъ, что мое путешествіе будетъ недолго. Тогда зачѣмъ же насъ заковывать въ глухіе кандалы?

Я попробовалъ протянуть ногу, и кольцо кандаловъ съѣхало на ступню. Мнѣ казалось, при небольшомъ усиліи можно было бы его совсѣмъ снять съ ноги. Только присутствіе жандарма помѣшало мнѣ сдѣлать этотъ опытъ. Значитъ, мучительное надѣваніе кандаловъ—одна проформа, предписанная закономъ, но никому ненужная въ данномъ случаѣ.

Жандармскій офицеръ въ капитанскомъ чинѣ спустился ко мнѣ въ мою каюту, и мы тотчасъ же тронулись въ путь. Я заглянулъ въ иллюминаторъ. Городъ еще спалъ. Кое-гдѣ видны непотушенные фонари. Теперь у меня сомнѣнія не было: меня везутъ въ Шлиссельбургъ!

— Это несправедливо!—протестуетъ душа моя.— Мнѣ объявилъ генералъ, какъ волю государя, ссылку въ каторжныя работы, а они хотятъ замѣнить ее тюремнымъ заключеніемъ. Должны спросить моего согласія на это; иначе не имѣютъ права. Это произволъ!

Жандармы принесли самоваръ, чайный приборъ, булки и масло.

— Пожалуйста, кушайте!—предлагаетъ мнѣ офицеръ чаю.

— Куда вы меня везете? Въ Шлиссельбургъ?— спрашиваю его.

Капитанъ развелъ руками и пожалъ плечами, показывая мимикой, что онъ не можетъ сказать. Однако за чаемъ онъ очень подробно распространился о самомъ себѣ, о своихъ симпатіяхъ. Часто подчеркивалъ, что онъ—истинно русскій человѣкъ, коренной москвичъ и до того любитъ все московское, что чай и калачи выписываетъ непосредственно изъ Москвы. Сѣверную столицу ненавидитъ.

— Такъ зачѣмъ же вы въ Петербургѣ?

— Жить надо въ Москвѣ, а служить—въ Петербургѣ. Здѣсь порядка больше и не такъ халатно относятся къ службѣ, какъ въ Москвѣ.

По тому, какъ онъ отдавалъ приказанія жандармамъ и самъ нѣсколько разъ отлучался отъ меня, я понялъ, что въ носовой каютѣ были еще обреченные на шлиссельбургское заточеніе.

Развѣло. Погода была сѣренькая. Сквозь тусклое стекло я разсмотрѣлъ берега Невы. Еще такъ недавно, въ прошломъ году, я гулялъ на дачѣ въ „Островкахъ".

Вотъ мелькнула старая сосна Петра Великаго, значитъ, Шлиссельбургъ близокъ. Опять потянулись по обѣ стороны рѣки лѣса. Показалась кладбищенская церковь на Преображенской горѣ [1]). Нѣсколько ниже—большая фабрика, а за нею и весь городъ. Крѣпость на островѣ впереди, и мнѣ не видно ея изъ кормовой каюты.

Машина остановилась, и пароходъ присталъ къ берегу. Лишь только я показался на трапѣ люка, какъ опять подхватили меня дюжіе жандармы и повлекли по палубѣ парохода. Мелькнули фигуры флотскаго офицера и матросовъ. Съ парохода потащили меня по сходнѣ на пристань, на берегъ, гдѣ стояла группа жандармскихъ офицеровъ и солдатъ. Мои ноги едва касаются земли. Меня влекутъ подъ руки дальше вдоль высокой стѣны крѣпости. Вотъ и ворота въ башнѣ, извѣстной подъ названіемъ Государевой. Въ это время кандалы отвисли, и желѣзныя кольца своими острыми краями врѣзались въ мои

---

[1]) На этой горѣ погребены скончавшіеся здѣсь шлиссельбургскіе узники. Съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ оказывать свое вниманіе имъ, стали погребать казненныхъ узниковъ на островѣ крѣпости.

ноги. Боль едва выносимая! Меня уже не занимали ни внутренность крѣпости, ни церковь, ни Братская могила, ни офицерскіе флигеля. Жандармы какъ бы чувствовали, что я едва терпѣлъ, еще болѣе ускорили шагъ, чуть не бѣжали. Зачѣмъ это? Чтобы сдѣлать скорѣе разгрузку парохода и освободить комиссію офицеровъ?

Но вотъ вошли въ желѣзныя ворота тюрьмы, огороженной красной кирпичной стѣной, и меня поставили на ноги.

Слава Богу! Не знаю, могъ ли я вытерпѣть еще минуты двѣ такой пытки?

Тутъ подскочили стражники и стали разрубать зубиломъ болты кандаловъ. Новая пытка! Сильные удары молота рѣзко отражались на тѣлѣ. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ при каждомъ ударѣ мышечное движеніе на моемъ лицѣ, велѣлъ жандарму придерживать кольцо руками. Сразу я почувствовалъ облегченіе. Еще пріятнѣе было, какъ упали желѣзныя оковы на землю. Радость освобожденія отъ нихъ на моментъ заглушила горечь сознанія, что я вступаю въ каменный гробъ на неопредѣленное заточеніе... Мнѣ казалось, я освободился отъ узъ, а не попалъ въ узы.

Пройдя мимо кордегардіи, мы вступили въ зданіе тюрьмы, недавно построенной и только что обновленной первымъ транспортомъ заключенныхъ изъ Петропавловской крѣпости (3 августа 1884 г.). Когда входишь въ эту тюрьму, поражаешься оригинальностью ея внутренняго устройства. Въ длину зданія, въ обоихъ этажахъ его расположено около сорока камеръ. Всѣ двери ихъ выходятъ въ одно общее пространство внутри зданія, какъ въ одинъ высокій (отъ земли до крыши) коридоръ, освѣщаемый по концамъ

Общій видъ города и крѣпости Шлиссельбурга.

окнами. Такимъ образомъ, въ какой бы точкѣ этого коридора ни стоялъ стражникъ, онъ всегда видитъ сразу всѣ сорокъ дверей. Во второмъ этажѣ, вдоль дверей всѣхъ верхнихъ камеръ обходитъ легкій балконъ. Къ нему ведетъ витая желѣзная лѣстница въ правомъ концѣ коридора. Чтобы не было покушенія броситься внизъ, на высотѣ второго этажа протянута сплошная сѣть.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ меня при входѣ въ зданіе тюрьмы сейчасъ же повернули въ одну изъ камеръ. Тутъ была толпа офицеровъ и жандармовъ, должно быть, комиссія по пріему арестантовъ.

Началась оскорбительная циничная процедура тѣлеснаго осмотра. Сперва раздѣли догола. Потомъ жандармы своими грязными руками стали залѣзать во всѣ мѣста, куда имъ вздумается, съ розыскомъ въ волосахъ, въ складкахъ тѣла, во рту... Стыдно и обидно было ужасно! Грубое, варварское, унизительное правило! Оскорбительнѣе этого я ничего не помню за все время моего пребыванія въ тюрьмахъ.

Я удивлялся равнодушію офицеровъ и доктора, присутствующихъ при этой нравственной пыткѣ. Какъ они могли стоять и спокойно смотрѣть на это возмутительное издѣвательство надъ человѣкомъ?!

Одѣли меня въ неуклюжіе сѣрые штаны и въ такую же короткую куртку съ черными рукавами и съ чернымъ тузомъ на спинѣ. Вспомнилась мнѣ дѣвочка Достоевскаго, замѣтившая ему относительно арестантскаго платья: „Фу, какъ неславно: и сѣраго сукна недостало, и чернаго сукна недостало!“

Два жандарма, одинъ впереди, другой позади, повели меня въ камеру во второй этажъ. Безъ словъ, довольно грубо они направляли меня руками.

IV.

Душно подъ низкимъ, запачканнымъ
сводомъ,
Силы слабѣютъ сильнѣй годъ за годомъ,
Давитъ собой этотъ каменный полъ,
Этотъ желѣзный прикованный столъ,
Эта кровать, этотъ стулъ, что прибиты
Къ стѣнамъ, какъ будто могильныя
плиты.—
Въ вѣчномъ молчаньи суровомъ, нѣ-
момъ,
Даже себя сознаешь мертвецомъ!

(*Н. А. Морозовъ*).

Еще въ Петропавловской крѣпости у меня былъ рѣшенъ вопросъ, какъ мнѣ держаться съ тюремщиками. Если протестовать всѣми имѣющимися средствами, то это значитъ вступить въ борьбу съ этими грубыми, маловоспитанными людьми и вызвать ихъ на еще болѣе жестокія оскорбленія. Этотъ путь, при настойчивости со стороны заключеннаго, быстро приводитъ къ концу—къ насильственной смерти, чему и были многочисленные примѣры. Мнѣ казалось, чѣмъ вести эту неравную борьбу съ вѣрнымъ проигрышемъ для себя, лучше стать на недосягаемую высоту для нихъ. Надо по возможности прекратить всякое общеніе съ ними: самому ничего не просить, не вступать съ ними въ разговоры, отвѣчать кратко и толь-

ко тогда, когда это необходимо, не входить въ препирательства, не протестовать, безмолвно выносить все, что бы ни случилось, а главное—никогда не жаловаться имъ. Теперь, оглядываясь назадъ, я вижу, что это, пожалуй, единственный способъ оградить себя отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и насилій жандармовъ.

Меня ввели въ камеру № 23, четвертую съ края, въ юго-восточномъ углу зданія.

Камера показалась послѣ казематовъ Петропавловской крѣпости очень маленькою. Желѣзный столикъ, желѣзная табуретка, придѣланные наглухо къ стѣнѣ, желѣзная кровать, закинутая къ противоположной стѣнѣ и запертая на замокъ, ватерклозетъ да раковина съ краномъ—вотъ и все убранство камеры. Окно съ матовыми стеклами—подъ самымъ потолкомъ, такъ что едва достаешь рукою его круто покатый подоконникъ. На стѣнѣ въ углу маленькая деревянная икона Рождества Божіей Матери, а пониже, на самомъ видномъ мѣстѣ, объявленіе отъ тюремной администраціи, что всякая попытка заключеннаго оскорбить тюремщиковъ влечетъ за собою смертную казнь. Повѣсить это единственное печатное слово въ одиночной камерѣ—верхъ непониманія человѣческой души! Постоянно находясь предъ глазами заключеннаго, оно назойливо заставляетъ работать его мозгъ все на одну и ту же тему, и часто кончается тѣмъ, что загипнотизированный узникъ бросается на смотрителя или на доктора и требуетъ себѣ „по закону“ смертную казнь, указывая на вывѣшенную бумагу. За-границей въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ это давно поняли и замѣнили подобныя объявленія большими картонами со стихами Евангелія.

Смотритель — пожилой жандармскій капитанъ — обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Я обязанъ здѣсь всѣмъ заключеннымъ говорить *ты*. Такъ предписано закономъ. А потому прошу не обижаться, если я буду говорить ты. Итакъ, хочешь обѣдать?

Посмотрѣлъ я на еврейскаго типа лицо смотрителя, прочелъ по нему его прошлое, его служебный формуляръ и сразу все понялъ. А все понять, говорятъ, значитъ все простить.

Я понялъ, что предо мною, вытянувшись „во фрунтъ", стоитъ солдатъ-служака въ офицерскомъ мундирѣ. На видъ ему лѣтъ пятьдесятъ. Судя по Георгіевскому кресту, онъ былъ на войнѣ. Можетъ быть, усмирялъ поляковъ во время возстанія 1863 г. Вѣроятно, изъ солдатъ онъ перешелъ въ жандармы, показалъ свою ревность къ службѣ, строго исполнялъ, не уклоняясь ни на іоту ни направо, ни налѣво, всѣ приказанія начальства. Должно быть, приходилось дѣлать много обысковъ и арестовъ, не щадя своего живота, за что и былъ произведенъ въ офицеры и поставленъ смотрителемъ политической тюрьмы. Вѣроятно, и теперь онъ продолжаетъ также строго выполнять всѣ предписанія своего начальства. На него надѣются, какъ на каменную гору, вѣрятъ въ его неподкупность и непреклонность и въ благодарность довели его до капитанскаго чина.

Можно ли на такого человѣка обижаться? Вѣдь онъ упоенъ сознаніемъ исполненія долга службы и по своему разумѣнію продолжаетъ стараться изо всѣхъ силъ заслужить вниманіе начальства! Что для него арестанты? Безличныя деревяжки, безъ голоса, безъ чувствъ, безъ желаній! Онъ можетъ похвастаться,

какъ нѣкій евангельскій сотникъ: „Скажу арестанту: иди!—Онъ и идетъ.—Стой!—Стоитъ.—Раздѣнься!—Раздѣвается.—Ложись!—Ложится. Что прикажу, то и должны они исполнять. Къ тому же, какъ каторжные, они лишены всѣхъ правъ состоянія. Если я своимъ унтеръ-офицерамъ говорю *ты*, то этимъ арестантамъ у меня и языкъ не поворачивается сказать *вы*!“

И сколько горя было въ стѣнахъ Шлиссельбургской тюрьмы изъ-за этого *ты*!

Вотъ тутъ-то и сказалась ошибка администраціи, когда она ставитъ необразованнаго солдата-жандарма въ начальники надъ группою интеллигентныхъ людей, часто горячихъ натуръ и нервно-разстроенныхъ ненормальными условіями жизни. Можно ли требовать отъ солдата, связаннаго буквою предписаній и законовъ, чтобы онъ входилъ въ психологію каждаго заключеннаго, приспособлялся бы къ состоянію души его? Подъ ранжиръ всѣхъ не поставишь! И палкой дисциплины не навяжешь людямъ, которые не щадили своей жизни за идею освобожденія отъ всякаго насилія.

Впрочемъ, администрація, года черезъ четыре, сама убѣдилась въ своей ошибкѣ и убрала идеально исполнительнаго служаку.

Можно прогнать смотрителя и замѣнить его другимъ, но воскресить погибшихъ при немъ заключенныхъ нельзя.

V.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой
сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный;
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой—
Стѣной теперь,—а послѣ тайной.

(*Лермонтовъ*).

Меня оставили въ камерѣ одного. Съ шумомъ захлопнули толстую дубовую дверь съ желѣзными набивками. Щелкнулъ замокъ. Небольшая камера, шаговъ пять въ длину и четыре въ ширину, вдругъ показалась еще меньше, еще тѣснѣе.

Въ дверяхъ была знакомая уже мнѣ по первой тюрьмѣ запирающаяся заслонка, или форточка, чрезъ которую подаютъ пищу, а надъ нею „глазокъ"—небольшое, копейки въ двѣ, отверстіе для надзора за заключеннымъ.

Мѣсто новое, но все такъ знакомо, старо. Такой же сводчатый потолокъ, тотъ же холодный жесткій полъ, такія же оштукатуренныя бѣлыя стѣны... Есть, пожалуй, только разница моихъ отношеній къ этимъ тюрьмамъ: раньше, до суда, я изрѣдка имѣлъ въ Петропавловской крѣпости свиданія съ родными и позволялъ себѣ мечтать, что вотъ-вотъ скоро выйду изъ тюрьмы, опять увижу свѣтъ Божій, зеленыя поля,

лѣсъ, воду... А теперь, изолированному отъ всего міра, мнѣ остается сѣсть и замереть на нѣсколько лѣтъ... „И все покинуть, все забыть!..“

Раздались за дверью гулкіе шаги по каменному полу. Должно быть, уходятъ жандармы, которые привели меня сюда. Тяжело стукнула выходная желѣзная дверь, въ видѣ массивной рѣшетки, какъ я успѣлъ разглядѣть при входѣ въ тюрьму. Зашумѣли засовы и громадные замки. Хлопнула внѣшняя деревянная дверь. Ушли. Сразу все стихло. Вотъ она, ужасная гробовая тишина!

Я сѣлъ на прикрѣпленную къ полу желѣзную скамейку и сталъ прислушиваться къ внѣшнимъ звукамъ. Черезъ окно съ двойными рамами ничего не проникаетъ. Да откуда и притти звукамъ, когда передъ тюрьмою высится гигантская стѣна, а за нею—развѣ только „море плещетъ“. Только черезъ дверь время отъ времени доносится тихій скрипъ сапогъ подкрадывающихся часовыхъ. Я уныло сталъ посматривать на отверстіе въ двери, въ которое непрестанно заглядывалъ глазъ часового.

И вотъ тоже удивительнѣйшее сочетаніе! Казалось бы, одиночное заключеніе, ты всегда одинъ, страдаешь отъ одиночества, а въ то же время ты никогда не чувствуешь себя наединѣ. Ты ничего не можешь сдѣлать безъ свидѣтеля, всегда вдвоемъ съ незнакомымъ для тебя жандармомъ, ты непрестанно мучишься отъ его неотвязчиваго глаза.

Волей-неволей здѣсь приходится вести себя такъ, какъ если бы смотрѣлъ на тебя весь міръ.

На первыхъ порахъ,—сказалъ я себѣ,—вотъ программа: дѣлай здѣсь все такъ, чтобы не пришлось тебѣ ни передъ кѣмъ краснѣть за свои поступки.

Когда живешь среди людей, довольно часто приходится входить въ сдѣлку со своею совѣстью; но здѣсь ты одинъ, не зачѣмъ тебѣ приспособляться къ условностямъ общественной жизни, къ характерамъ людей, и потому отдохни теперь и умомъ, и сердцемъ.

Я хотѣлъ подняться, чтобы походить, какъ вдругъ, слышу, раздался осторожный стукъ изъ сосѣдней камеры, а одновременно въ отверстіи двери показался глазъ часового.

„Ну, вотъ,—подумалъ я,—сразу и испытаніе!“ Вводя меня въ камеру, смотритель предупредилъ, что перестукиваться съ сосѣдями безусловно запрещается, и заключенный, пойманный въ перестукиваніи, строго наказывается; а тутъ какъ разъ вызываютъ меня на отвѣтъ. Что дѣлать? Обманывать часового и украдкою отвѣчать сосѣду! Но вѣдь ты только что рѣшилъ вести себя такъ, чтобы не краснѣть за свои поступки? Неужели унижаться передъ солдатами, нисходя до обмана и притворства?!

Въ прежней тюрьмѣ сначала я перестукивался, но подъ конецъ вынужденъ былъ бросить такой способъ переговариванія. Помню, это было такъ. Зоветъ меня стукомъ сосѣдъ съ правой стороны и спрашиваетъ мое имя самымъ примитивнымъ способомъ: выражая а—однимъ ударомъ, б—двумя, тридцатую букву въ азбукѣ—тридцатью ударами и т. д. Такой пріемъ можетъ отбить всякую охоту у нервнаго субъекта. Все-таки мы столковались. Оказывается, этотъ молодой человѣкъ не былъ мнѣ знакомъ, но онъ очень интересовался другимъ моимъ сосѣдомъ. И вотъ они сдѣлали меня своимъ посредникомъ для сношеній между собою. Случалось, что во время переговоровъ вдругъ врывался сторожъ и дѣлалъ гру-

бые замѣчанія съ различными угрозами. Чтобы избѣгнуть всего этого, надо было перестукиваться воровскимъ образомъ, крадучись, т.-е. выжидать время, когда отойдетъ сторожъ отъ двери, и согнутымъ пальцемъ стучать въ стѣну до новаго его прихода. Но чуть только заслышишь скрипъ подкрадывающихся шаговъ его, быстро отскакиваешь въ сторону и начинаешь ходить изъ угла въ уголъ, дѣлая самое невинное лицо. Эти продѣлки для меня были невыразимымъ нравственнымъ мученіемъ. Но оно еще усугублялось моимъ правымъ сосѣдомъ. Онъ никогда не спрашивалъ меня просто о предметѣ, а всегда съ предварительными словами:

— Будьте добры, спросите, пожалуйста, вашего сосѣда и т. д.

Ждешь, ждешь, когда онъ окончитъ свои вѣжливыя прелюдіи, а онъ, какъ нарочно, выколачиваетъ буквы по двадцати да по тридцати ударовъ:

— Простите меня, пожалуйста, я васъ еще попрошу спросить вашего сосѣда...

Я выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, а тутъ еще сторожъ со своимъ глазомъ и скрипомъ подкрадывающихся шаговъ!

Правда, другой, лѣвый сосѣдъ, не терзалъ меня длинными фразами; напротивъ, онъ научилъ меня болѣе простому, общепринятому способу перестукиванія [1]); но зато онъ имѣлъ удивительную способность каждый день сообщать невѣроятныя ужасающія новости и тѣмъ немало разстраивалъ мои нервы.

---

[1]) Раздѣливъ всю азбуку на четыре строки, надо выстукивать номеръ строки и номеръ буквы въ ней.

Имѣя въ прошломъ такой опытъ, собственно для себя я не хотѣлъ украдкой перестукиваться черезъ стѣнку. Но, можетъ быть, это нужно для моего сосѣда? Быть можетъ, онъ страдаетъ отъ одиночества и жаждетъ услышать хоть два-три слова отъ живого человѣка? Неужели не поддержать страдальца, который, можетъ быть, наканунѣ сумасшествія? Вѣдь тотъ молодой человѣкъ, терзавшій меня длинными фразами, сошелъ съ ума не дольше, какъ черезъ три недѣли!

На меня нашло тяжелое раздумье. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ этого положенія. Препираться и браниться съ часовыми, обманывать ихъ, лгать, притворяться—это такъ унизительно, это такое бремя для совѣсти! Нѣтъ, я подожду отвѣчать сосѣду: потомъ виднѣе будетъ, насколько я необходимъ ему.

Сосѣдъ и не настаивалъ. Скоро я услышалъ его стукъ въ другую камеру.

VI.

Голыя стѣны, тюремныя думы,
Какъ вы унылы, темны и угрюмы!..
Скверно въ неволѣ безъ дѣла лежать,
Цѣлые годы о волѣ мечтать...

(*Н. А. Морозовъ*).

И вотъ я добровольно обрекъ себя на абсолютное одиночество. Впрочемъ, я надѣялся, что найдутся и здѣсь мои неизмѣнные друзья, умные и талантливые,—книги.

„Подожду день-другой,—рѣшилъ я про себя,—и если самъ смотритель не догадается дать мнѣ книгу, то придется попросить его. Ахъ, какъ здѣсь тяжело просить!..“

Никогда не забуду, какъ я, будучи еще въ первой тюрьмѣ, нѣсколько дней подъ рядъ просилъ какую-нибудь книгу для чтенія. Наконецъ, мнѣ подали съ ехидной улыбочкой крошечное засаленное евангеліе и потомъ долго любовались въ отверстіе двери, какое впечатлѣніе произведетъ на меня эта запачканная книжечка съ вырванными страницами.

Послѣ многихъ попытокъ я рѣшилъ по возможности ничего не просить, безмолвно терпѣть, выжидать и не жаловаться. Холодно ли, протоптались ли подошвы въ башмакахъ, не хватаетъ ли хлѣба, — я молчалъ. И это, оказалось, самый лучшій способъ обращенія съ грубыми сторожами. Тогда они стано-

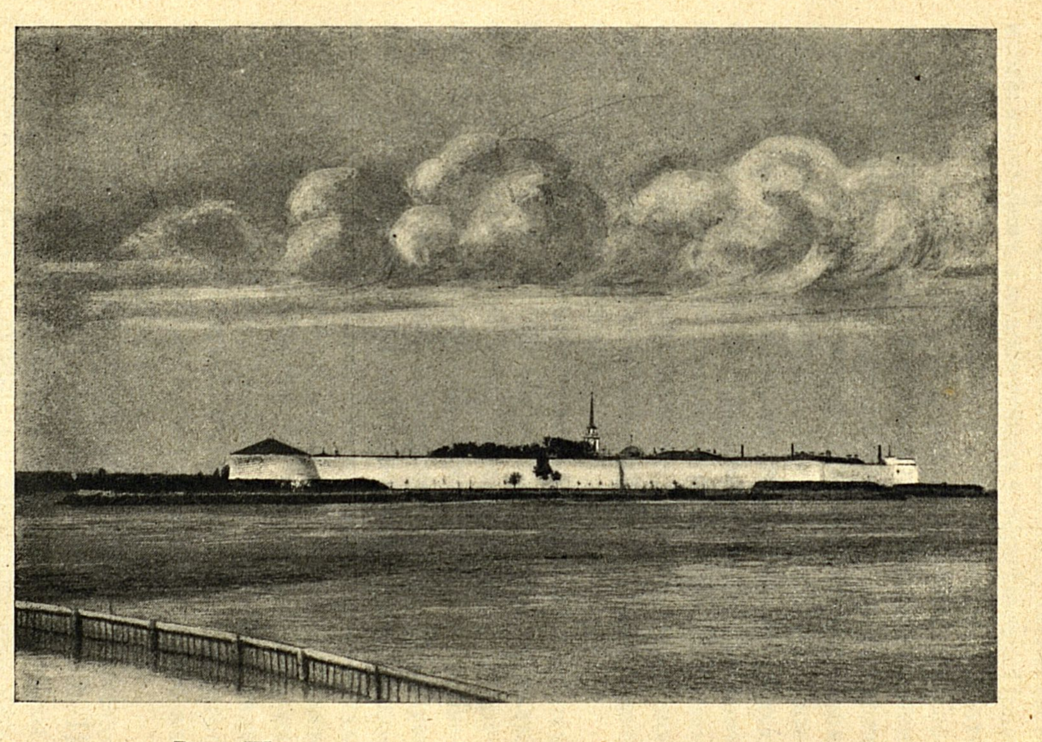
вились болѣе внимательны, вѣжливы и сами соображали, что мнѣ надо.

Сначала они привязывались ко мнѣ съ малѣйшими пустяками. Увидятъ, напримѣръ, на выбѣленной известью стѣнѣ небольшую черточку, можетъ быть, случайно сдѣланную на ходу ими же самими,—и сейчасъ же оскорбительные допросы и грубыя замѣчанія.

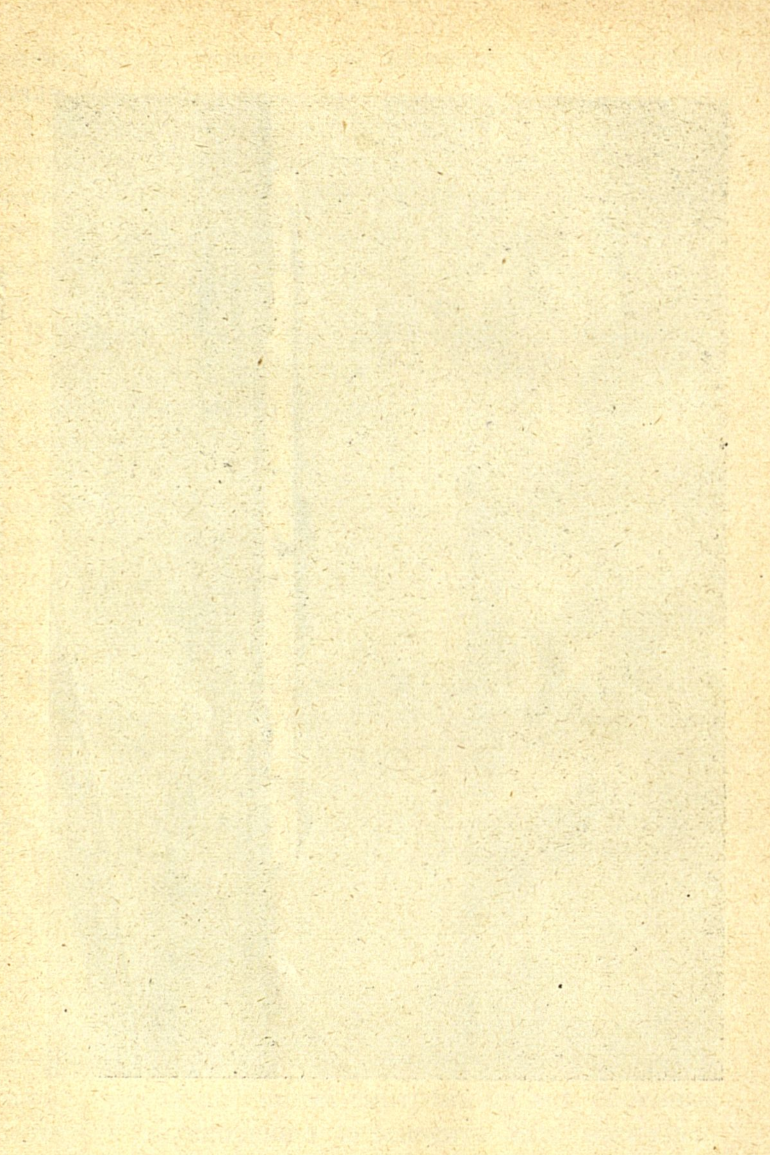
Въ новой тюрьмѣ съ этой стороны оказались другіе порядки. Здѣшній смотритель никогда не выпускалъ ключа изъ своихъ рукъ. Надо ли раздать узникамъ чай, обѣдъ, ужинъ, обойти ли ихъ съ докторомъ, или вывести ихъ на прогулку, въ ванну,—всегда во всѣхъ случаяхъ отворялъ и запиралъ камеры самъ смотритель, а потому сопровождающіе его солдаты постоянно были подъ надзоромъ своего начальника. Это, конечно, мѣшало имъ переходить человѣческія границы.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ предпочитали другой способъ обращенія съ тюремщиками. Они постоянно входили съ ними въ пререканія, требовали, настаивали и въ то же время оборонялись, защищались всевозможными путями отъ ихъ грубостей и дерзостей. Иногда это приводило ихъ къ крайне прискорбнымъ столкновеніямъ.

Можетъ быть, такой образъ поведенія такъ или иначе разнообразилъ дни заключеннаго, давалъ ему участвовать въ маленькой драмѣ, а слѣдовательно давалъ сознаніе, что онъ еще борется, значитъ, живетъ, еще не умеръ нравственно; но мнѣ лично казалось, что лучше молча смотрѣть на всѣ тюремныя мелочи и великодушно переносить ихъ, насколько хватаетъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Я пред-

Видъ Шлиссельбургской крѣпости со стороны города.

почиталъ оградить себя, какъ Христосъ, божественнымъ молчаніемъ и невозмутимымъ терпѣніемъ. Правда, сначала было довольно трудно великодушничать съ тюремщиками, но зато впослѣдствіи я пользовался относительнымъ миромъ и спокойствіемъ души.

Весь первый день я проходилъ изъ угла въ уголъ камеры, раздумывая о предѣлахъ нашего мышленія. Удивительно, еще недавно, какая была масса впечатлѣній отъ суда, который продолжался цѣлую недѣлю, отъ свиданія съ знакомыми, отъ переѣздовъ изъ одной тюрьмы въ другую,—и все это какъ ножомъ отрѣзано. Теперь мнѣ не хотѣлось ихъ вспоминать, и умъ готовъ былъ заняться совершенно отвлеченными предметами.

Полтора года прошло, какъ меня оторвали отъ родныхъ и друзей. Сначала только о нихъ и думалъ, а потомъ какъ будто они стали для меня погружаться въ какую-то нирвану, какой-то туманъ забвенія мало-по-малу сталъ застилать мою прошлую жизнь... Все болѣе и болѣе освобождаясь отъ воспоминаній, въ это время мой умъ жадно искалъ новыхъ идей. Никогда ни раньше, ни послѣ я не замѣчалъ въ себѣ такой способности къ мышленію, какъ въ тюрьмѣ. Можетъ быть, голова и сердце работали сильнѣе оттого, что здѣсь тѣло было мало занято? Какъ бы то ни было, но я готовъ признать, что въ заключеніи умъ освобождается отъ узъ.

Когда-то въ дѣтствѣ учили меня, что отличительное свойство животныхъ — свобода передвиженій. И вотъ въ настоящее время я лишенъ этой свободы. Въ этомъ смыслѣ я теперь не животное, или ужъ очень ограниченное — на пространствѣ двадцати квадратныхъ аршинъ.

Если заключенный лишенъ движенія, зато у него есть время! Но зачѣмъ оно въ тюрьмѣ? Не лучше ли здѣсь не знать и его, не чувствовать?

Къ сожалѣнію, этого нельзя. Каждый часъ, каждые полчаса, даже каждыя четверть часа, въ тюрьмѣ, какъ нарочно, подчеркиваются или боемъ часовъ, или смѣною часовыхъ.

Люди прикладываютъ разную мѣрку ко времени; но несчастный узникъ, главнымъ образомъ, измѣряетъ его степенью своего терпѣнія. Онъ не проводитъ время въ тюрьмѣ, онъ терпитъ время, какъ вообще терпятъ или переносятъ что-нибудь непріятное, скучное, тяжелое.

Приблизилось время спать. Солдаты быстро вошли въ камеру, открыли замокъ у кровати и отвалили ее отъ стѣны. Тутъ было все необходимое для постели, и я поспѣшилъ улечься.

Мѣшалъ ли сильный свѣтъ лампы, или мои нервы были возбуждены переѣздомъ въ новую тюрьму, или же, наконецъ, на мнѣ оправдалась извѣстная примѣта—не спится на новомъ мѣстѣ,—только я на самомъ дѣлѣ долго не могъ заснуть. Невольно я сталъ слѣдить за часовымъ, какъ онъ подкрадывается къ двери и тихонько заглядываетъ въ мою камеру. Но это мнѣ скоро надоѣло, и я, закрывъ глаза, умышленно, чтобы утомить свой умъ, сталъ вычислять, сколько дней и часовъ прошло съ момента моего ареста. Наконецъ, я сталъ забываться...

— Ааааа!!—вдругъ раздался сильный долгій крикъ, полный ужаса.

У меня волосы стали дыбомъ, и я затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ. Когда крикъ прекратился, наступила подавляющая тишина, даже скрипъ шаговъ

затихъ. Очевидно, кого-нибудь изъ заключенныхъ давилъ кошмаръ.

Подобные крики мнѣ изрѣдка приходилось слышать и въ первой тюрьмѣ, но тамъ они раздавались не такъ громко, не такъ страшно, какъ здѣсь.

Я плотнѣе завернулся въ одѣяло и долго не могъ успокоиться. Сонъ совершенно отлетѣлъ отъ меня. Раздирающій крикъ все еще стоитъ въ ушахъ и возбуждаетъ въ моемъ представленіи одну картину страшнѣе другой.

Дощечка, прикрывающая глазное отверстіе въ двери, опять зашмыгала, опять время отъ времени сталъ появляться глазъ часового.

„Какъ это несносно!..“

Но вотъ застучали желѣзные запоры входной двери въ тюрьму, послышался громкій стукъ сапогъ о каменный полъ.

„Должно быть, смѣна часовыхъ“, подумалъ я.

Вдругъ хлопнула дверь отдаленной камеры.

„Что это? Неужели смотритель пришелъ? Зачѣмъ же онъ еще ночью обходитъ?“

Я сталъ прислушиваться. Да, это онъ двигается вдоль камеръ, не скрывая своихъ шаговъ. Вотъ подходитъ къ моей двери, открываетъ „глазокъ“ въ ней и заглядываетъ ко мнѣ. Отошелъ. У моего сосѣда открылъ дверную форточку и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Да, это голосъ смотрителя.

— Однако же и служитъ онъ! Цѣлый день на ногахъ, да еще и среди ночи дѣлать обходъ!

Прошло еще около часу прежде, чѣмъ я погрузился въ сонъ; но это былъ не сонъ, а, правильнѣе сказать, длинный рядъ тяжелыхъ сновидѣній, съ частыми просыпаніями.

Кто-то вдали истерично рыдаетъ. Сначала были прорывающіеся негромкіе звуки: очевидно, страдалецъ сдерживалъ свой плачъ; потомъ они стали раздаваться все громче и громче, и наконецъ бѣдный человѣкъ не выдержалъ и зарыдалъ во всю силу своей тоски и боли. У меня у самого сердце болѣзненно сжалось, и я готовъ былъ тоже расплакаться.

— Ахъ, какъ тоскливо! Неужели никто не придетъ успокоить несчастнаго страдальца?

Я то приподымаюсь съ постели, какъ бы желая чѣмъ-нибудь помочь ему, то безсильно опять валюсь на подушку. Пробовалъ закутаться въ одѣяло съ головой, но и это не мѣшало мнѣ слышать продолжающіяся истерическія рыданія.

Проходитъ еще часъ, другой, а плачъ не только не прекращается, но, мнѣ кажется, еще болѣе усиливается. Эта истерика совершенно женскаго характера.

До которыхъ же поръ это будетъ!

Я долго метался на постели, какъ бы въ агоніи, и только подъ утро затихъ и забылся на короткое время.

VII.

Все здѣсь такъ тихо, безжизненно, блѣдно...
Годы проходятъ, безплодно, безслѣдно,
Тянутся долго недѣли и дни,—
Скуку тупую наводятъ они...

(*Н. А. Морозовъ*).

Меня разбудилъ стукъ камерныхъ дверей. Разсвѣтало. Лишь только я успѣлъ натянуть на ноги толстые сѣрые штаны да на плечи накинуть такой же халатъ, какъ быстро влетѣли ко мнѣ солдаты, закрыли кровать, положили кусокъ хлѣба на столъ и такъ же быстро исчезли.

Мнѣ, измученному безсонницею и ночными ужасами, было не до ѣды, и я грустно опустился на скамейку. Сегодня нѣтъ у меня вчерашняго настроенія думать объ отвлеченныхъ вопросахъ. Голова болитъ, какъ отъ угара. Хочется снова лечь и заснуть, но кровать на замкѣ.

— Что мнѣ дѣлать?!.

Меня охватила душевная слабость, отчаяніе; я не выдержалъ и, склонившись на руки, заплакалъ.

Чтобы не дѣлать часового свидѣтелемъ моихъ слезъ, мнѣ оставалось только одно—прижаться въ уголъ камеры около двери.

Вдругъ громкій стукъ въ дверь. Этимъ часовой

даетъ знать, чтобы я не прятался и былъ все время на виду его.

„Странные люди! — подумалъ я: — они боятся и стерегутъ, какъ бы заключенный не наложилъ на себя рукъ. Но кому нужна его жизнь, когда онъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ?"

Оберегая заключенныхъ отъ попытки къ самоубійству, въ тюрьмѣ не даютъ имъ въ руки ни ножа, ни ножницъ, такъ что ногти на рукахъ и ногахъ стригутъ имъ послѣ бани сами солдаты, а мясо за обѣдомъ приносятъ уже нарѣзаннымъ на куски.

Къ самоубійству у меня не было никакого намѣренія, но отъ естественной смерти я не отказался бы, особенно въ такую минуту, когда часовой не позволяетъ стоять въ углу въ своей камерѣ заключенія.

А онъ, какъ нарочно, все чаще и чаще заглядываетъ ко мнѣ къ моему негодованію. Къ счастью, скоро послышался стукъ камерныхъ дверей.

Значитъ, новый обходъ смотрителя. Съ чѣмъ это?

Дошла и до меня очередь. Входитъ смотритель съ солдатами и докторомъ.

— Какъ здоровье? — спрашиваетъ послѣдній.

Я хотѣлъ разсказать о своемъ состояніи, о безсонной ночи, о безпомощныхъ рыданіяхъ заключеннаго, которыя мѣшали мнѣ заснуть, но, взглянувъ на смотрителя и солдатъ, запнулся и коротко выпалилъ:

— Здоровъ!

Докторъ ушелъ.

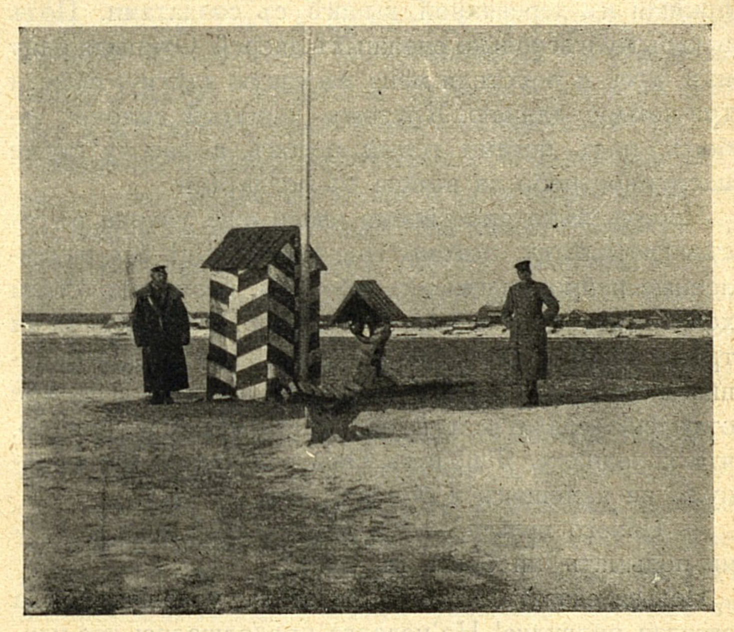
Я вспомнилъ свою первую ночь въ прежней тюрьмѣ, какъ я измученный на другой день попросилъ доктора, съ виду очень почтеннаго старичка, помочь мнѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ:

— А вы когда сюда приведены?

— Вчера.

— Вчера! Ну, это понятно. Первое время всегда такъ бываетъ! Погодите, дня черезъ три-четыре поправитесь.

Повернулся и ушелъ. Я тогда же про себя далъ слово никогда къ нему не обращаться.

Шлиссельбургская крѣпость. Сторожевой постъ на югозападномъ бастіонѣ, противъ башни Головина.

Пожалуй, и этотъ также утѣшитъ меня тремя днями, а то, чего добраго, и недѣлю положитъ. Ну, ужъ Богъ съ ними!

Лишь только обошелъ докторъ тюрьму, какъ снова захлопали двери камеръ и послышались шаги солдатъ. Какъ-то неожиданно, минуя сосѣдніе номера,

смотритель открылъ мою дверь и предложилъ пойти погулять. Я взялъ сѣрую шапку безъ козырька, съ большимъ чернымъ крестомъ на тульѣ, и съ любопытствомъ вышелъ изъ камеры. Солдатъ впереди, другой позади меня, а самъ смотритель замыкалъ наше шествіе на дворъ. Обогнувъ зданіе тюрьмы, мы пришли къ деревянной вышкѣ съ солдатами. Подъ нею было нѣсколько смежныхъ дверей. Открыли одну изъ нихъ и впустили меня въ узкую клѣтку, сажени три-четыре длиною. Кругомъ дощатый высокій заборъ, подъ ногами голый песокъ, а вверху сѣрое пасмурное небо да вышка съ солдатами.

Черезъ нѣкоторое время ввели еще узника въ сосѣднюю клѣтку, потомъ еще и еще. Всѣ мы, раздѣленные непроницаемыми заборами, безмолвно стали ходить изъ одного конца въ другой. Подъ ногами ни травинки. Я наклонился и поднялъ бѣленькій камешекъ меньше горошинки. Вдругъ врывается въ мое отдѣленіе солдатъ и грубо требуетъ отъ меня то, что я поднялъ. Я подалъ. Онъ разочарованно взглянулъ на камешекъ и бросилъ его.

— Ничего нельзя, — строго замѣтилъ онъ мнѣ, — ни подымать, ни брать въ руки!

Нельзя сказать, чтобы при этихъ условіяхъ была веселая прогулка! Но недолго продолжалось это удовольствіе. Не прошло пятнадцати минутъ, какъ смотритель повелъ меня подъ охраною двухъ солдатъ опять въ тюрьму.

Боже мой! Что за убійственный запахъ въ камерѣ, когда придешь со свѣжаго воздуха! Неужели можно жить въ такой ужасной атмосферѣ?!

Въ отвѣтъ раздался только стукъ запирающейся двери.

Скучно. Пусто. Тяжело и нравственно и физически...

— Какое безцѣльное существованіе! Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать: еще мнѣ рано умирать, — вспомнилъ я „Узника“ Жуковскаго.

Походивъ немного изъ угла въ уголъ камеры, я сѣлъ на скамейку, положилъ руки на столъ, а на нихъ голову. Такъ я просидѣлъ до времени обѣда, которое обозначилось похлопываніемъ дверныхъ дощечекъ. Когда смотритель подошелъ къ моей форточкѣ и открылъ ее ключомъ, она тяжело со стукомъ отвалилась назадъ, изображая собою маленькій столъ около семи вершковъ длины и пяти ширины. На нее поставили оловянную чашку со щами, покрытую тарелкою съ кашей. Я беру все это въ руки и переношу на свой желѣзный столъ. Любителямъ горячаго надо скоро ѣсть тюремный обѣдъ: металлическая посуда и желѣзный столъ быстро охлаждаютъ пищу. А ужъ кашу приходится ѣсть чуть тепленькою.

Въ началѣ своего пребыванія въ первой тюрьмѣ я много занимался пищей. Разбираешь, бывало, составъ ея, смакуешь, комбинируешь ее, много разсуждаешь о ея приготовленіи, мечтаешь о болѣе вкусныхъ вещахъ. Каждый день ждешь обѣда съ особеннымъ интересомъ. И не я одинъ увлекался столомъ въ тюрьмѣ. По разспросамъ другихъ, побывавшихъ въ одиночномъ заключеніи, я узналъ, что это общее правило для всѣхъ новичковъ заключенныхъ. Потомъ ужъ, черезъ годъ, ѣшь машинально, безсознательно. Да и то надо сказать: не велики разносолы подаются, чтобы разбираться въ нихъ съ особеннымъ усердіемъ. Помню, въ первый день моего ареста я не обѣдалъ. Вечеромъ за ужиномъ подаютъ мнѣ чашку буквально пустыхъ щей. Я попробовалъ ихъ и запла-

калъ. Мнѣ вспомнилось тогда пророческое замѣчаніе дежурнаго штабъ-офицера въ корпусѣ, когда мы кадетами перебрасывались за столомъ хлѣбными шариками.

— Господа,—говорилъ онъ,—относитесь внимательнѣе къ пищѣ, особенно къ хлѣбу. Богъ знаетъ, не придется ли вамъ испытать такое положеніе, когда вы оцѣните все значеніе куска хлѣба...

Къ моему удивленію, я скоро привыкъ и къ кашѣ, и къ щамъ. А черный хлѣбъ по утрамъ казался мнѣ несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ, которыя я ѣлъ когда-то на свободѣ. Мнѣ надо было проявлять особенное усиліе надъ собою, чтобы не сразу съѣсть всю дневную порцію хлѣба, фунта въ полтора, и оставить хоть немного на обѣдъ. Какъ все относительно на свѣтѣ! Въ тюрьмѣ это лучше всего познается.

Покончилъ съ обѣдомъ—значитъ, прожилъ половину дня. Надо прожить, провести еще другую половину!

Головная боль чуть-чуть унялась, но общее состояніе тягостное. Ничего не хочется ни дѣлать, ни думать. И смотрѣть не на что.

— Можетъ быть, почиталъ бы, если бы была сейчасъ книга. Надо попросить сегодня смотрителя. Самъ онъ, видно, не догадается.

Оказалось, я былъ неправъ. Часа черезъ три послѣ обѣда смотритель открываетъ мою дверную форточку и подаетъ книгу: „Иллюстрированная исторія искусства“ Любке. Въ данный моментъ я и ей обрадовался. Какъ бы желая подавить меня своимъ вниманіемъ, смотритель еще принесъ мнѣ „Библію“ гражданской печати и маленькій молитвенникъ съ мѣсяцесловомъ.

Экое сразу богатство! Тутъ вѣдь все оцѣнишь.

Отъ радости я забылъ и про головную боль, и часового съ его недремлющимъ окомъ, и, кажется, самую тюрьму.

VIII.

> Мысли тупѣютъ отъ долгой неволи,
> Тяжесть въ мозгу отъ мучительной
> боли.
> Даже минута, какъ вѣчность, долга
> Въ этой каморкѣ въ четыре шага!
>
> (*Н. А. Морозовъ*).

Потянулись тоскливые осенніе дни, потомъ зимніе... Монотонная жизнь въ четырехъ стѣнахъ разнообразилась только изрѣдка подаваемыми книгами изъ тюремной библіотеки. Но и здѣсь онѣ скоро дѣлались недоступными, потому что камера до нѣкоторой степени была темницею. Небольшое окно съ матовыми стеклами, въ разстояніи пяти аршинъ отъ стола, не могло давать много свѣта.

Уже черезъ два-три мѣсяца тюремнаго сидѣнія у меня при чтеніи книгъ глаза стали застилаться темными пятнами. И если я продолжалъ напрягать свое зрѣніе, то появлялись никогда невидѣнныя мною раньше золотыя искры въ глазахъ.

Не имѣть возможности прочитать въ одиночной камерѣ книгу, когда она, раскрытая, лежитъ на столѣ,—это настоящія муки Тантала! Буквально, „духовной жаждою томимъ“, я мысленно молилъ небо о ниспосланіи всеисцѣляющаго свѣта. Небо, должно быть, вняло мнѣ, потому что меня осѣнила мысль—лѣчить глаза ваннами. Ежедневно утромъ и вечеромъ

я наливалъ въ умывальную чашу холодной воды и, закрывъ глаза, погружалъ въ нее все лицо до ушей минутъ на пятнадцать, на двадцать. Результатъ получился неожиданный. Я настолько укрѣпилъ свои глаза, что могъ читать въ полусвѣтлой камерѣ самую мелкую печать.

Забота о физическомъ здоровьѣ пошла дальше. Я положилъ себѣ за непремѣнное правило: передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, обязательно продѣлать домашнюю гимнастику. Я махалъ въ разныя стороны руками и ногами, изгибался корпусомъ, качался, присѣдалъ, прыгалъ и даже бѣгалъ изъ угла въ уголъ съ подобраннымъ халатомъ. Видѣть въ это время со стороны мою согнутую фигуру въ арестантскомъ костюмѣ, я думаю, было и жалко и смѣшно.

Съ теченіемъ времени въ тюрьмѣ невольно становишься вялымъ, медленнымъ. Этому способствуютъ незначительность имѣющагося пространства и отсутствіе причины, побуждающей торопиться. Напротивъ, является естественное желаніе продлить свои дѣла, чтобы скоротать время, не замѣчать его.

Для своего оживленія я придумалъ ежедневно по утрамъ мыть каменный полъ своей камеры. Но какъ? Лишь только послышатся первые звуки отпираемыхъ дверей, я хватаю тряпку (намъ онѣ выдавались для поддержанія чистоты въ камерѣ) и стремительно начинаю мыть полъ, чтобы въ короткій промежутокъ времени до прихода смотрителя успѣть съ нимъ покончить. Отъ такой работы пульсъ усиленно бился, и я чувствовалъ въ себѣ хоть нѣкоторое возбужденіе.

Заключенные постоянно жаловались на отсутствіе какой-либо физической работы на свѣжемъ воздухѣ.

Послѣ ряда просьбъ какъ-нибудь занять насъ намъ насыпали въ каждую клѣтку для прогулки по кучѣ песку, предоставляя перебрасывать ее деревянной лопатой съ одного мѣста на другое. Сначала я энергично принялся за переливаніе изъ пустого въ порожнее, но потомъ эта безплодная работа, въ родѣ камня Сизифа, мнѣ надоѣла, и я сталъ заниматься болѣе осмысленнымъ изображеніемъ изъ песку рельефныхъ картъ знакомыхъ мѣстностей. Но это ужъ сводилось на дѣтскую игру „въ коровайчики“ и не давало настоящаго физическаго труда.

Несмотря на мою заботу о поддержаніи здоровья, все-таки я былъ страшно слабъ и сильно отощалъ. Когда мнѣ разрѣшили дать въ камеру аспидную доску и я, окативъ ее водою, взглянулъ въ нее, какъ въ зеркало, то моимъ глазамъ представилось страшно исхудалое лицо сѣраго цвѣта безъ кровинки. Но это и понятно. Развѣ можно сохранить здоровый цвѣтъ лица, живя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ... „уборной“! Иначе и нельзя назвать этотъ казематъ, гдѣ цѣлыя сутки стоитъ грязное желѣзное ведро въ простомъ деревянномъ ящикѣ и портитъ безъ того спертый воздухъ! Впрочемъ, такъ было въ первой тюрьмѣ, а въ этой, какъ недавно построенной, употреблена была болѣе культурная система этихъ ящиковъ. Во всякомъ случаѣ имъ не мѣсто быть въ жилыхъ комнатахъ.

Миска со щами — это самая большая тяжесть, которую приходилось приподымать за цѣлыя сутки, а потому отъ неупражненія всѣ мускулы замѣтно ослабли.

На первомъ свиданіи съ родными, послѣ трехлѣтняго молчанія въ тюрьмѣ, у меня заныли связки че-

люстей отъ непродолжительнаго разговора. Слухъ также ослабѣлъ отъ неупражненія. Съ первыхъ же фразъ родные замѣтили, что я плохо слышу. Мнѣ надо было дѣлать большое напряженіе, чтобы разобрать слова находящихся въ той же комнатѣ. А способность къ пѣнію у меня возвратилась не раньше, какъ черезъ полгода по выходѣ изъ тюрьмы.

Какъ-то пробовалъ я въ камерѣ читать книгу вполголоса. Сейчасъ же открылась дверь, и мнѣ сдѣлали внушеніе, зачѣмъ я читаю вслухъ.

— Но вѣдь я читалъ про себя, вполголоса...

— Все равно нельзя: слышно!

Я не избѣгъ, конечно, присущихъ всѣмъ заключеннымъ явленій нервнаго разстройства и малокровія. Были такіе періоды, когда я не могъ просидѣть пяти минутъ, чтобы не вскочить и не растирать онѣмѣвшей ноги. Даже на постели я долженъ былъ непрестанно переворачиваться съ боку на бокъ, потому что онѣмѣніе распространялось не только на руку или на ногу, но на всю половину тѣла.

Вѣроятно, у меня сильно ослабла сердечная дѣятельность. Помимо этого, какихъ-либо явныхъ острыхъ болѣзней я не замѣчалъ у себя; но зато явился страшный недугъ, отъ котораго я не могъ избавиться не только во все время пребыванія въ тюрьмѣ, но и долго потомъ. Это—кошмары. Каждую ночь, въ самый моментъ засыпанія, я чувствовалъ, что вдругъ кто-то на меня накидывается и сразу парализуетъ все мое тѣло: я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Хотя у меня моментально возвращалось сознаніе, тѣмъ не менѣе я не могъ проснуться, открыть глаза и лежалъ, какъ связанный. Послѣ отчаянной борьбы, послѣ чрезвычайныхъ усилій я, наконецъ, овладѣ-

валъ собою, и просыпался страшно напуганный, съ тяжелымъ дыханіемъ. Въ это время сердце долго и сильно трепетало (въ обыкновенное время у меня не было біенія сердца, и вообще потомъ, послѣ тюрьмы, врачи всегда находили, что у меня сердце въ порядкѣ). Замѣчательно, послѣ такой борьбы съ кошмаромъ, черезъ полчаса, много черезъ часъ, я засыпалъ сравнительно спокойно.

Эти кошмары были для меня чѣмъ-то роковымъ. Хочется спать. Я приготовлю постель, раздѣнусь, но ложиться боюсь: вотъ-вотъ сейчасъ начнется кошмаръ! Въ этомъ ожиданіи я частенько сидѣлъ на кровати и безсильно плакалъ.

Иной разъ случалось, что, какъ только чувствовалъ приступъ кошмара, я сразу просыпался и успѣвалъ овладѣть собою; но это не спасало меня отъ второго приступа. Такимъ образомъ, до конца пребыванія въ одиночномъ заключеніи я почти никогда не засыпалъ спокойно, прежде чѣмъ не помучусь основательно въ кошмарѣ.

Ничто такъ не удручало меня въ тюрьмѣ, какъ эта безуспѣшная борьба съ кошмарами, и, вѣроятно, она положила свою печать угнетенія на мое лицо. Но я никогда не кричалъ, какъ тотъ бѣдный заключенный, который такъ сильно напугалъ меня въ первую ночь. Его тоже довольно-таки часто давилъ кошмаръ, и сколько я ни прожилъ въ тюрьмѣ, никогда не могъ привыкнуть къ его ужасному, душу раздирающему крику.

Вѣроятно, мы страдали отъ недостатка свѣжаго воздуха. Въ зимнее время форточки всегда были закрыты. Если и открывались въ наше отсутствіе во время прогулокъ, то минутъ на десять-пятнадцать, не больше.

IX.

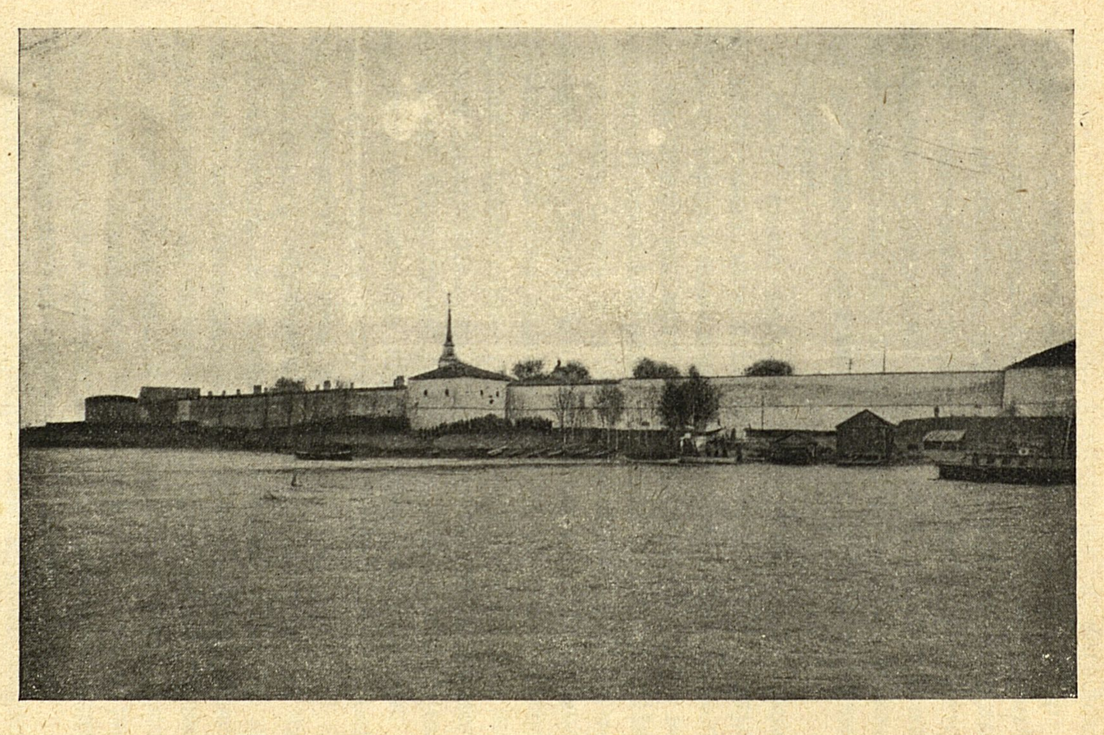
Всецѣло должны мы для ближняго жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро съ невзгодой бороться!

(*Н. А. Морозовъ.*)

Незадолго передъ моимъ арестомъ мнѣ случилось въ разговорѣ съ однимъ докторомъ медицины коснуться вопроса объ одиночномъ заключенiи. Онъ тогда категорически замѣтилъ, что человѣкъ черезъ три мѣсяца одиночнаго заключенiя обязательно сходитъ съ ума.

Это не совсѣмъ вѣрно. Хотя я зналъ заключенныхъ, которые и раньше трехъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ сходили съ ума, но еще больше видѣлъ людей, сидѣвшихъ въ одиночномъ заключенiи по пяти, по десяти лѣтъ и, славу Богу, сохранившихъ свой здравый умъ, какимъ они отличались и раньше.

Во всякомъ случаѣ слова доктора заронили въ мою душу боязнь тронуться разсудкомъ. Я рѣшилъ бороться съ этимъ угрожающимъ зломъ и съ первыхъ же дней пребыванiя въ тюрьмѣ старался дисциплинировать свой умъ, занять его какою-нибудь опредѣленною работой, лишь бы онъ не оставался празднымъ. Съ этою цѣлью я мысленно читалъ воображаемымъ слушателямъ лекцiи по своимъ любимымъ предметамъ—по математикѣ, физикѣ и астрономiи,

Шлиссельбургская крѣпость съ западной стороны.

сочинялъ стихи, дѣлалъ французскіе и англійскіе переводы, занимался классическими языками и др.

Занятіе греческимъ языкомъ въ тюрьмѣ безъ книгъ, безъ учителя, зная только нѣсколько греческихъ словъ, принятыхъ въ русскомъ языкѣ, покажется нѣсколько курьезнымъ. На самомъ же дѣлѣ это было здѣсь одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ упражненій, возбудившее во мнѣ любовь къ филологическимъ изысканіямъ.

Я бралъ какое-нибудь сложное греческое слово съ извѣстнымъ мнѣ значеніемъ, напримѣръ, эпитрахиль, и старался подыскать ему буквальный переводъ.

„Что такое въ немъ эпи?—задавалъ я себѣ вопросъ.—Я знаю эпиграфъ, эпитафія, епископъ. Изъ этого ряда словъ я дѣлаю заключеніе, что эпи— значитъ на. Далѣе, что значитъ трахиль? Въ моей памяти было одно знакомое слово съ подходящимъ корнемъ: трахеотомія—разсѣченіе горла. Теперь понятно! Эпитрахиль—то, что священникъ надѣваетъ на шею. Одно слово разобралъ, но на смѣну ему является сейчасъ же другое слово: трахеотомія. Я знаю томъ книги, а-томъ—недѣлимый. Ага! корень том означаетъ дѣлить, разсѣкать“.

Подобнымъ образомъ, медленно расхаживая изъ угла въ уголъ своей камеры, я перебралъ всѣ извѣстныя мнѣ греческія слова. Но особенно благодарную пищу въ этомъ смыслѣ мнѣ дали собственныя имена. Ключомъ къ нимъ послужило слово ев-ангеліе—благовѣстіе. Благодаря ему, быстро раскрывались тайны Евгенія, Евграфа, Евсевія, Евдокима и множества другихъ греческихъ именъ.

Впослѣдствіи, когда разрѣшили мнѣ въ тюрьмѣ пользоваться книгами и предоставили къ моимъ услу-

гамъ цѣлую охапку классиковъ, я съ страстнымъ увлеченіемъ ухватился за греческую грамматику и жадно поглощалъ страницу за страницей.

Иной разъ откроется дверь, и смотритель пригласитъ итти на прогулку короткимъ возгласомъ:

— Гулять!

— Ахъ, некогда мнѣ!—озабоченно отвѣтишь ему, и потомъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ смотрителя, самъ разсмѣешься.

Въ тюрьмѣ,—и некогда!

Я тогда думалъ о своихъ младшихъ братьяхъ, гимназистахъ: какъ бы вы поражены были моимъ вниманіемъ къ разнымъ аористамъ, анаколутіямъ, метатезисамъ и пролепсисамъ! Да, могу сказать: ни одинъ гимназистъ не раскрывалъ греческой книги съ такимъ удовольствіемъ, какъ я въ тюрьмѣ. Удивительно, здѣсь иногда получаешь неизъяснимое блаженство, неподдѣльную дѣтскую радость отъ такихъ предметовъ, которые въ другомъ мѣстѣ вызвали бы скуку и нетерпѣніе. Напримѣръ, у меня одно время была изъ тюремной библіотеки алгебра Бертрана. Я выбиралъ изъ нея самыя трудныя, самыя сложныя задачи, и когда мнѣ удавалось сразу вѣрно рѣшить ихъ, я приходилъ въ такой непомѣрный восторгъ, что съ неподдѣльнымъ чувствомъ наивно восклицалъ: „Есть ли математика въ царствѣ небесномъ?!“

„Однако,—думалъ я,—сколько умственнаго труда и энергіи безполезно тратится въ одиночномъ заключеніи! Отчего бы не дать намъ переводить книги для печати? Отчего бы не занять насъ какими-нибудь дѣльными статистическими или астрономическими вычисленіями? Вообще, отчего бы не воспользоваться трудами и способностями заключенныхъ? Вѣдь боль-

шая разница: заниматься для препровожденія времени или съ сознаніемъ, что твой трудъ не пропадетъ, а поступитъ для общаго блага. Наконецъ, кромѣ утилизаціи нашего труда, надо имѣть въ виду и развитіе нашихъ талантовъ. Говорятъ, время (терпѣніе)— лучшій геній. Я увѣренъ, что дай каждому заключенному, по его желанію, музыкальный инструментъ, краски, глину, перо,—и среди нихъ выработались бы прекрасные музыканты, художники, скульпторы, писатели. А вѣдь при одной аспидной доскѣ далеко не уйдешь! Что бы хорошаго ни придумалъ, какія бы удивительныя изысканія ни записалъ,—завтра надо стирать все это и готовить мѣсто для новыхъ сочиненій и вычисленій. И вотъ работа многихъ дней канула въ Лету!

Раньше, до тюрьмы, хотя и приходилось мнѣ заниматься и съ дѣтьми, и съ взрослыми, но это не было моей спеціальностью. Здѣсь же, въ одиночномъ заключеніи, рѣдкій день, чтобы я не прочиталъ мысленно лекціи воображаемымъ слушателямъ. Въ своемъ стараніи передать избранный предметъ четыремъ стѣнамъ камеры, какъ можно яснѣе и полнѣе, я находилъ пользу и для себя самого. Развивая заданную тему, всегда я натыкался на какіе-нибудь новые для себя вопросы и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ.

Но, питая такимъ образомъ свой умъ, я не оставлялъ безъ пищи и чувство. Чуть слышно для себя, больше въ воображеніи, я запѣвалъ аріи изъ какой-либо знакомой оперы, одновременно рисуя въ своемъ представленіи соотвѣтствующія сцены. Эти воображаемыя оперы сильно меня увлекали, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, „Гугеноты“, нерѣдко доводили и до слезъ.

Но читалъ ли я лекціи, или мысленно пѣлъ свои любимыя аріи, я всегда, какъ маятникъ, переходилъ изъ одного угла въ другой, ускоряя или умѣряя свой шагъ, сообразно настроенію. Это движеніе служило ритмомъ для моего пѣнія и рѣчи. Но если находило на меня глубокое раздумье, я буквально застывалъ на мѣстѣ, боясь шевельнуться, боясь спугнуть свои мысли, которыя лились непрерывнымъ потокомъ. Глаза въ это время хотя и обращены были въ стѣну камеры, но смотрѣли въ пространство.

Я любилъ эти раздумья. Они находили на меня по вечерамъ передъ сномъ. Потомъ, когда у меня появились письменныя принадлежности, я старался сейчасъ же занести краткій конспектъ моихъ думъ на бумагу.

X.

Въ годину тяжкаго недуга
Въ темницѣ мрачной и глухой
Въ тебѣ судьба дала мнѣ друга
И облегчила жребій мой...

(*Н. А. Морозовъ.*)

Послѣ девятимѣсячнаго моего пребыванія въ Шлиссельбургской тюрьмѣ судьба надо мною смилостивилась и неожиданно послала мнѣ друга.

Однажды, лѣтомъ 1885 г., приходитъ ко мнѣ смотритель и спрашиваетъ, не желаю ли я гулять вдвоемъ съ однимъ изъ товарищей по заключенію.

— Конечно, хочу!

Меня охватила невыразимая радость, но одновременно почувствовалъ и нѣкоторое смущеніе. Мнѣ казалось, что я уже отвыкъ отъ людей.

То лѣто обильно было водяными крылатками (что-то въ родѣ sialis lutaria). Ими усыпанъ былъ весь тюремный дворъ, а красныя кирпичныя стѣны зданій казались отъ буроватыхъ крыльевъ этихъ насѣкомыхъ сѣрыми. Ихъ несмѣтное множество напоминало массы пролетной саранчи на югѣ. Но ожидаемое свиданіе отодвинуло это любопытное явленіе на второй планъ. Съ кѣмъ мнѣ придется увидѣться, я еще не зналъ. Меня ввели въ загородку, въ сѣверо-восточ-

номъ углу тюремнаго двора, раздѣленную на небольшія клѣтки, въ видѣ секторовъ. Оставивъ меня въ одной изъ нихъ подъ присмотромъ жандармовъ, помѣщавшихся тутъ же на деревянной вышкѣ, смотритель пошелъ за другимъ заключеннымъ. Черезъ три-четыре минуты, слышу, ведутъ его. Открывается дверь, и входитъ высокій, страшно блѣдный и сильно истощенный молодой человѣкъ, съ небольшой русой бородкой, въ такомъ же арестантскомъ костюмѣ, какъ и я, товарищъ по заключенію, по общимъ страданіямъ!

Но, Боже мой, что за видъ у него! Болѣзненно-худой, съ тусклыми глазами; сѣрый халатъ повисъ складками, какъ на вѣшалкѣ; изъ башмаковъ выбились подвертки... Онъ не шагалъ, подымая ноги, а передвигалъ и волочилъ ихъ, какъ старикъ.

Пройдя два шага, онъ останавливается и смотритъ себѣ подъ ноги, какъ бы выбирая мѣсто, куда стать, чтобы не раздавить крылатокъ.

Я гляжу на него и поражаюсь. Можно ли заниматься въ этотъ моментъ насѣкомыми, когда передъ тобой стоитъ товарищъ по заключенію?! Или онъ тоже смущенъ предстоящимъ свиданіемъ и неловко скрываетъ свое смущеніе заботою о букашкахъ?!

— Не знаешь, куда и ступить: всюду давишь ихъ,— были первыя его слова.

— Не безпокойтесь,—замѣтилъ я ему въ отвѣтъ,— этотъ родъ животныхъ выдержитъ борьбу за существованіе дольше другихъ. Они посильнѣе въ этомъ случаѣ и медвѣдей.

— Какъ это такъ?

— Они защищены своею многочисленностью. Когда перебьютъ всѣхъ медвѣдей на земномъ шарѣ, эти крылатки навѣрно еще долго будутъ существовать.

Но позвольте, что же это мы, не познакомившись, заговорили о какихъ-то букашкахъ.

Мы сказали другъ другу свои фамиліи. Во все время нашихъ первыхъ переговоровъ дверь была открыта, и солдаты вмѣстѣ съ смотрителемъ съ видимымъ любопытствомъ смотрѣли на наше свиданіе.

Когда они ушли, Николай Александровичъ,—такъ звали моего новаго товарища,—спрашиваетъ меня:

— Вы давно въ одиночномъ заключеніи?

— Три года.

Онъ недовѣрчиво заглянулъ мнѣ въ глаза и сталъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ. Потомъ, когда черезъ десять минутъ оживленнаго разговора мы стали друзьями, онъ откровенно признался:

— А знаете ли, я вѣдь васъ заподозрѣлъ, когда вы сказали мнѣ, что сидѣли три года.

— Почему же?

— Да у васъ блестятъ глаза, какъ будто вы вчера пріѣхали изъ деревни. Я вотъ совсѣмъ ослабѣлъ глазами, теперь и читать не могу.

Я объяснилъ ему, что прежде я тоже не могъ читать, но потомъ, ежедневно дѣлая холодныя ванны для глазъ, снова укрѣпилъ ихъ.

Это былъ Николай Александровичъ Морозовъ, одинъ изъ редакторовъ „Народной Воли“. Будучи еще гимназистомъ послѣдняго класса, онъ увлекся тогдашнимъ „хожденіемъ въ народъ“ и покинулъ свою семью. Его арестовали и около трехъ лѣтъ выдержали въ одиночномъ заключеніи. Послѣ извѣстнаго процесса 193-хъ Николая Александровича выпустили съ обязательствомъ явиться въ полицейскій участокъ. Не желая быть высланнымъ въ „отдаленныя мѣста“, онъ переходитъ на нелегальное поло-

женіе и становится виднымъ дѣятелемъ партіи „Народной Воли“. Не соглашаясь со всѣми пунктами программы партіи (напримѣръ, онъ не могъ допустить, чтобы для достиженія извѣстной цѣли по отношенію къ правительству хороши были всѣ средства), онъ отказывается отъ участія въ журналѣ „Народная Воля“ и уѣзжаетъ въ Женеву, гдѣ слушаетъ университетскія лекціи по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Въ 1881 г. его потянуло снова въ Россію. Но лишь только онъ переѣхалъ границу, какъ его арестовываютъ агенты полиціи и препровождаютъ въ С.-Петербургъ. Послѣ вторичнаго суда его посадили въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ онъ и томился до переѣзда въ Шлиссельбургъ, въ 1884 г.

Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ Николай Александровичъ, прежде чѣмъ сойтись со мною, пользовался прогулками вдвоемъ съ лейтенантомъ Буцевичемъ, за выдуманное сношеніе съ которымъ меня такъ сильно осудили. Буцевичъ, блестящій офицеръ, окончившій морскую академію и институтъ путей сообщенія, занималъ видное положеніе у министра, адмирала Посьета. Какъ члена военной революціонной организаціи, его сажаютъ въ страшное заключеніе подъ надзоръ грубыхъ солдатъ. Тоска по семьѣ (онъ незадолго до ареста женился) и сырость казематовъ быстро развили у него чахотку. Въ послѣдніе дни,—разсказываетъ Н. А. Морозовъ, — организмъ Буцевича такъ ослабѣлъ, что онъ не могъ выходить на прогулку безъ помощи жандармовъ. Его введутъ въ клѣтку и прислонятъ спиною къ стѣнѣ. И такъ онъ, не сходя съ мѣста, простаивалъ всѣ минуты свиданія съ Морозовымъ. Потомъ жандармы догадались выносить ему стулъ. Буцевичъ быстро сгоралъ. Но, умирая, онъ

Николай Александровичъ Морозовъ.

не забывалъ своего товарища и на прогулкѣ съ трогательнымъ вниманіемъ передавалъ ему несъѣденные кусочки сахара. Когда Буцевича перестали выводить на прогулку, товарищи догадались о его смерти. Н. А. Морозовъ попросилъ смотрителя, чтобы ему давали свиданіе съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ заключенныхъ. Смотритель доложилъ его просьбу „по начальству". Назначили меня.

Мы видѣлись во время прогулокъ два раза въ недѣлю. Каждый изъ насъ приходилъ на свиданіе съ кучею всевозможныхъ вопросовъ, но предложить ихъ одинъ другому на разрѣшеніе никогда не успѣвали. Тогда мы придумали такую систему: какъ только встрѣчаемся въ загородкѣ, прежде всего выкладываемъ другъ другу всѣ наши заранѣе приготовленные вопросы. Иные сейчасъ же разрѣшались, а которые требовали болѣе обдуманнаго отвѣта, оставлялись до слѣдующаго свиданія. И о чемъ только не переговорили мы въ эти немногія минуты! Къ моему счастью, я встрѣтилъ въ Морозовѣ тоже любителя математики и астрономіи. Въ тюрьмѣ у него явилась идея—ирраціональныя числа сдѣлать раціональными. Онъ говорилъ, что всѣ неразрѣшимыя въ опредѣленныхъ числахъ задачи легко и точно разрѣшаются, если мы возьмемъ за единицу счисленія не нашу обыкновенную единицу одного измѣренія, а единицу въ кубѣ, т.-е. единицу трехъ измѣреній. И вотъ здѣсь, „на свободѣ", какъ совершенно серьезно выражался одинъ заключенный, Николай Александровичъ занялся безконечными вычисленіями.

Къ сожалѣнію, онъ настолько ослабъ глазами, что временами совершенно не могъ ни читать, ни писать. Иногда онъ выносилъ книгу на прогулку и просилъ

меня прочесть ему наиболѣе заинтересовавшія его страницы. А вѣдь былъ когда-то красивый, здоровый, краснощекій юноша!

Николай Александровичъ много мечталъ—по выходѣ изъ тюрьмы завести школу и отдать всѣ свои богатства, силы и способности дѣтямъ.

Въ одиночномъ заключеніи мы всѣ мечтали о выходѣ изъ тюрьмы, даже посаженные на долгіе сроки, и строили различные планы будущей жизни. И, сколько я замѣтилъ, почти у всѣхъ было мирное, идиллическое настроеніе, у всѣхъ тяготѣніе къ природѣ.

XI.

Въ тяжелые дни испытаній и бѣдъ
Даетъ намъ Вселенная вѣчный завѣтъ,
Который гласитъ всѣмъ скорбящимъ:
„Во имя надежды, во имя любви,
„Въ несчастьи грядущимъ и прошлымъ живи,
„А въ счастьи живи настоящимъ!"
(*Н. А. Морозовъ.*)

Съ тѣхъ поръ, какъ разрѣшили прогулку вдвоемъ, къ перестукиванію заключенныхъ стали относиться значительно слабѣе. Николай Александровичъ тоже перестукивался, и, благодаря ему, я узналъ много ужасныхъ подробностей изъ жизни тюрьмы. Его разсказъ былъ грустная эпопея медленнаго умиранія заключенныхъ въ каменныхъ гробахъ. Иные не выдержали этого состоянія и сошли съ ума; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе развязаться съ тяжелою жизнью. „Свободой сталъ имъ смертный часъ".

При этихъ разсказахъ Морозова о нашихъ соузникахъ я уже не смѣлъ жаловаться на свое положеніе, какъ оно ни казалось мнѣ невыносимымъ. Я тогда скрылъ отъ него и свою тоску, и слезы, и нравственныя муки и старался показаться ему бодрымъ, здоровымъ, живымъ, чтобы тѣмъ самымъ внушить и ему бодрость духа; но теперь, вспоминая всѣ ужасы тюрь-

мы, я говорю всякому стороннику одиночнаго заключенія: о, если бы ты провелъ только однѣ сутки въ одиночной камерѣ, при опасеніи, что, можетъ быть, тебѣ придется и умереть въ ней! Впрочемъ, то, что я испыталъ, было порядочно давно. Можетъ быть, теперь нѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ...

Сколько я могъ замѣтить, всѣ здоровяки, прежде жившіе въ деревнѣ среди луговъ и лѣсовъ, быстро хирѣли и умирали въ тюрьмѣ. Напротивъ, городскіе жители, съ малолѣтства приспособившіе свой организмъ къ испорченному воздуху нашихъ гигантскихъ кирпичныхъ домовъ, дольше выдерживали одиночное заключеніе. Не потому ли и я, какъ выросшій въ столицѣ, перенесъ четыре года въ душномъ каменномъ сундукѣ и живъ остался?!

Вскорѣ послѣ открытія Шлиссельбургской тюрьмы уже успѣли разстрѣлять Минакова и Мышкина, а Клименка, говорятъ, довели до того, что онъ повѣсился на оконномъ крючкѣ...

При мнѣ же разыгралась особенно памятная драма въ первый день Рождества Христова 1884 г. Вечеромъ обыкновенно намъ подавали ужинъ — остатки жидкаго блюда отъ обѣда. Смотритель въ этотъ день сперва обошелъ, какъ всегда, нижнія камеры. Затѣмъ по лѣстницѣ поднялся къ верхнимъ. Пришелъ ко мнѣ. Солдаты поставили оловянную чашку щей на столъ и ушли. Попробовалъ я, — совершенно холодныя и буквально пустыя! Немного въ нихъ плавало листочковъ кислой капусты.

„Для праздника можно было бы дать чего-нибудь и получше. А впрочемъ, теперь имъ не до насъ. Вотъ и щей не разогрѣли...“

Только что успѣлъ я это подумать, какъ вдругъ недалеко отъ моей камеры раздался звукъ брошенной посуды, послышались крики, шумъ драки, топотъ ногъ, борьба. И все это заглушилось протестующими воплями и стукомъ въ дверь всѣхъ заключенныхъ.

Ужасъ объялъ меня. Что такое? Въ первую минуту подумалъ я: не протестъ ли это противъ щей? Но по той свалкѣ, которая произошла потомъ, можно было судить, что тутъ что-нибудь серьезнѣе пищи.

Оказалось, на этотъ разъ не выдержалъ Мышкинъ, перевезенный сюда за побѣгъ съ Кары. Это — тотъ самый Мышкинъ, который, переодѣвшись жандармомъ, пытался освободить въ Сибири Н. Г. Чернышевскаго. Съ Кары Мышкинъ убѣжалъ на Амуръ, гдѣ удалось ему сѣсть на пассажирскій пароходъ и отправиться въ Хабаровскъ. Всѣ казаки амурскихъ станицъ были поставлены на ноги. Мышкинъ между тѣмъ благополучно добрался до Хабаровска, предъявляя по дорогѣ подложный паспортъ. Разсказываютъ, онъ плылъ по рѣкѣ на одномъ пароходѣ съ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ его свитой обсуждалъ, какъ и гдѣ искать бѣглеца. Пробравшись до Владивостока, онъ могъ бы спокойно уѣхать за границу на любой китайской или корейской джонкѣ, на любомъ иностранномъ пароходѣ, потому что въ то время Владивостокъ, какъ порто-франко, не имѣлъ таможни [1]). Вѣроятно, Мышкинъ не зналъ условій жизни новаго города и самъ явился въ полицію для предъявленія паспорта. Съ нимъ обошлись очень любезно и, ничего не подозрѣвая, хотѣли уже отпу-

---

[1]) Весною 1897 г. я самъ выѣхалъ изъ Владивостока на пассажирскомъ пароходѣ въ Японію, никому не предъявляя своего паспорта.

стить его, какъ какой-то маленькій писецъ сталъ настаивать, что изъ Хабаровска было распоряженіе задержать, кто будетъ предъявлять паспортъ съ такой фамиліей. Сначала полицейскій чинъ разсердился на писца, но потомъ, справившись съ распоряженіемъ, принужденъ былъ арестовать Мышкина. Его вернули на Кару, а оттуда перевели въ Шлиссельбургъ. Здѣсь онъ не выдержалъ суроваго режима и, бросившись на смотрителя, потребовалъ себѣ смертной казни на основаніи постоянно торчащей на стѣнѣ угрозы.

Вскорѣ его казнили.

Устраивая новую тюрьму въ Шлиссельбургѣ по новѣйшимъ даннымъ тюрьмовѣдовъ, администрація полагала, что политическіе заключенные будутъ въ ней чуть ли не блаженствовать. Но, по пословицѣ, il n'y a point de belles prisons... а потому, какъ ни золоти клѣтку, все она будетъ тюрьмою для узника. Раньше заключенные находились въ извѣстномъ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Но когда при Александрѣ III они стали умирать быстро одинъ за другимъ, рѣшили построить новую тюрьму въ Шлиссельбургѣ. Но и въ новой не лучше, если не хуже, по крайней мѣрѣ, въ первые два года. Сильно порѣдѣли ряды заключенныхъ: которые умерли отъ болѣзней, которые были убиты, которые съ ума сошли. Значитъ, не перемѣна мѣста, не перемѣна стѣнъ тюрьмы были нужны для заключенныхъ. Надо было перемѣнить режимъ, установленный для нихъ еще въ давнія времена. Только послѣ ужасной смерти Грачевскаго открылись глаза высшей администраціи, и она поняла, наконецъ, что такъ держать заключенныхъ больше нельзя, а главное—нельзя при нихъ оставить солдата-смотрителя.

XII.

Такъ проходятъ минуты, проходятъ
часы,
И сильнѣе все крѣпнетъ желанье,
Чтобы время фатальнымъ ударомъ косы
Пересѣкло и жизнь, и страданье!..

(*П. С. Поливановъ.*)

Смерть Грачевскаго случилась уже послѣ моего перехода изъ Шлиссельбургской тюрьмы въ Сахалинскую, тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ разсказать про нее, потому что о ней я слышалъ изъ двухъ противоположныхъ источниковъ.

Грачевскій былъ арестованъ въ 1882 г. и посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ августѣ 1884 г. его перевели въ Шлиссельбургъ. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ перваго времени сидѣнія шлиссельбургскихъ узниковъ. Смотрителю Грачевскій показался психически разстроеннымъ. „Станетъ посреди камеры и декламируетъ. Все стихами говоритъ",— докладывалъ о немъ смотритель. Грачевскій жаловался, что его безпокоятъ стуки въ подвальномъ этажѣ подъ новой тюрьмой. Но тамъ лежалъ коксъ, и подвалъ всегда былъ подъ замкомъ. Смотритель передалъ о своихъ подозрѣніяхъ тюремному доктору, молодому человѣку, очень внимательному къ больнымъ. Когда докторъ подошелъ къ Грачевскому и, по своему обы-

кновенію, хотѣлъ прежде всего выслушать его грудь, больной набросился на него и сильно ударилъ по головѣ. Сейчасъ же Грачевскаго схватили жандармы и перевели его въ старую тюрьму.

То зданіе съ сорока камерами для сорока, въ своемъ родѣ, „безсмертныхъ" называется Новою тюрьмою. Къ сѣверу отъ нея, пройдя тюремный дворъ, имѣется зданіе съ десятью камерами, носящее названіе Старой тюрьмы. Ею пользовались, когда надо было изолировать кого-либо изъ заключенныхъ отъ своихъ товарищей. Сюда сажали сумасшедшихъ, приговоренныхъ къ смертной казни, только что прибывшихъ или отправляемыхъ изъ тюрьмы. Сюда-то посадили и Грачевскаго, какъ сумасшедшаго. Онъ требовалъ себѣ суда, но въ этомъ ему отказали. Боясь, какъ бы онъ не покончилъ съ собой самоубійствомъ или не причинилъ бы пожара, смотритель усилилъ надзоръ за нимъ и вмѣсто лампы распорядился поставить ему лампадку съ масломъ. Кромѣ того, на случай пожара имъ были заготовлены шлангъ съ водой и мѣшки съ пескомъ (для горящаго керосина). Грачевскій не могъ помириться съ ночникомъ-лампадкой и сталъ просить для чтенія книгъ лампу.

— На него находили времена просвѣтлѣнія,—говорилъ смотритель,—а потому я уступилъ его просьбѣ и снова далъ ему лампу.

Вечеромъ 26 октября Грачевскій сталъ раздѣваться. Дежурный жандармъ, полагая, что Грачевскій собирается обтираться холодной водой, какъ онъ это продѣлывалъ ежедневно по вечерамъ, отошелъ отъ его камеры и сталъ прогуливаться по коридору. Вдругъ онъ слышитъ сильный запахъ гари. Бросается къ наблюдательному отверстію камеры Грачевскаго.

Тамъ темно. Даетъ тревожный звонокъ въ кордегардію. Прибѣгаетъ смотритель, открываетъ камеру (ключи всегда у него),—вся она въ смрадномъ дыму. Едва пробрался въ нее жандармъ, чтобы открыть форточку. На полу лежалъ несчастный Грачевскій. Подъ нимъ на веревочномъ матѣ еще тлѣлся огонь. Потушивъ его и замѣтивъ, что Грачевскій былъ еще живъ, послали за врачомъ. Но къ приходу замедлившаго врача бѣдный страдалецъ умеръ. Полагаютъ, что Грачевскій, воспользовавшись невниманіемъ дежурнаго жандарма, напиталъ свое бѣлье керосиномъ изъ лампы, снова надѣлъ его на себя и поджегъ. Ужасная смерть! Но какъ ужасны, значитъ, условія Шлиссельбургской тюрьмы, если заключенные въ ней рѣшаются на такое страшное самоубійство!

На третій день послѣ печальной кончины Грачевскаго пріѣхала комиссія изъ С.-Петербурга. Служаку-смотрителя смѣнили. Иронія судьбы! Ужъ онъ ли не старался! Не выпуская ключа изъ рукъ, весь день онъ ходитъ по тюрьмѣ и внимательно слѣдитъ за порядкомъ. Сколько разъ при этомъ ему придется обойти всѣ камеры и самому лично отпереть и запереть двери! Раздача пищи, зажженныхъ лампъ, смѣна бѣлья, обыскъ,—рѣшительно все здѣсь дѣлается подъ его личнымъ присмотромъ. Каждаго заключеннаго онъ самъ выведетъ на прогулку, съ каждымъ посидитъ въ ванной комнатѣ, каждаго разъ въ недѣлю тщательно обыщетъ... Однимъ словомъ, человѣкъ всего себя отдалъ на службу несчастнымъ узникамъ и... вдругъ оказался негоднымъ, вреднымъ, губительнымъ. Это разочарованіе не прошло для смотрителя даромъ: его хватилъ параличъ.

Не легко и имъ, несчастнымъ: завѣдывающій при

мнѣ тюрьмою, говорятъ, сошелъ съ ума, а товарищъ прокурора, слѣдователь по моему дѣлу, ослѣпъ.

Можно допустить необходимость изоляціи нѣкоторыхъ людей отъ общества. Но зачѣмъ ихъ мучить? Вѣдь можно бы было на томъ же Шлиссельбургскомъ островѣ предоставить арестованнымъ нѣкоторую самостоятельность. Для своихъ занятій они избрали бы себѣ по вкусу ремесла, искусства, науки. Они собирались бы всѣ вмѣстѣ, пользовались бы журналами и газетами. Однимъ словомъ, они представляли бы собою маленькую интеллигентную колонію, которой доступны были бы извѣстныя удобства жизни. А на самомъ дѣлѣ... мы видимъ въ стѣнахъ крѣпости одинъ громадный склепъ, гдѣ напиханы чуть живые люди, но еще способные чувствовать пытку медленнаго умиранія.

Неужели у создателей этихъ тюремъ не хватаетъ настолько воображенія, чтобы представить себѣ весь ужасъ одиночнаго заключенія? Тогда я посовѣтовалъ бы имъ переночевать хоть одну только ночь въ шлиссельбургскомъ казематѣ. Пусть услышатъ они раздирающіе душу крики отъ страшныхъ кошмаровъ, пусть услышатъ истеричный плачъ безпомощнаго больного или отчаянную борьбу съ насиліемъ солдатъ. Тогда, можетъ быть, поймутъ, почему нѣкоторые изъ подсудимыхъ въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ просили, какъ милости, смертную казнь, вмѣсто одиночнаго заключенія.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ началѣ 1883 г., я познакомился съ однимъ военнымъ инженеромъ. Будучи сыномъ литовскаго крестьянина, онъ высказывалъ крайнія демократическія убѣжденія. Мы обмѣнивались тогда заграничными и нелегальными

русскими изданіями. Онъ самъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ. И вотъ этотъ-то демократъ былъ однимъ изъ строителей новой Шлиссельбургской тюрьмы! Меня удивляло, какъ онъ могъ въ душѣ мириться съ такой работой.

— Да вы хоть бы такъ строили, чтобы можно было убѣжать заключеннымъ,—говорилъ я ему, не предвидя тогда, что я забочусь о себѣ самомъ.

— Нельзя. Мы строимъ,—объяснялъ инженеръ,— подъ строгимъ контролемъ. Недавно пришла комиссія и сломала цѣлую стѣну кладки.

— Значитъ, изъ этой тюрьмы нѣтъ возможности убѣжать?

— Надо знать хорошо расположеніе трубъ. Я, пожалуй, убѣжалъ бы.

Но онъ не воображалъ тогда, подъ какимъ строгимъ присмотромъ будутъ содержаться заключенные. Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ даже ночью постоянно наблюдаетъ надъ ними глазъ часового, переходящаго отъ одной камеры къ другой.

XIII.

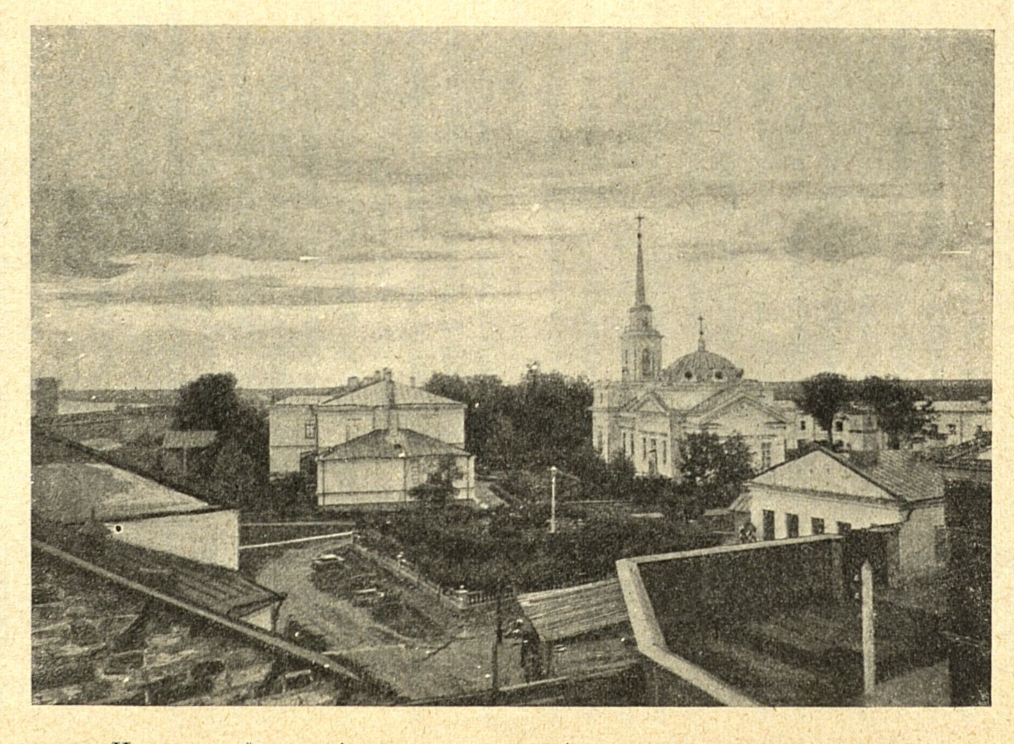
О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!
(*Батюшковъ.*)

Время отъ времени нашу тюрьму посѣщали разныя начальствующія лица. Почти послѣ каждаго ихъ прихода въ нашихъ камерахъ появлялось что-нибудь новое: то тряпки для уборки камеры, то горячая вода для мытья посуды, то блюдца для мыла, то аспидныя доски, то песокъ въ загородкахъ для прогулокъ и др. Очевидно, всѣ эти новинки были вызваны просьбами заключенныхъ.

По уговору съ товарищами, пробовалъ и я обращаться къ генераламъ со своими просьбами, но онѣ рѣдко исполнялись. Напримѣръ, просилъ, чтобы намъ разрѣшили переписку съ родными. Нельзя! Просилъ позволенія ходить въ мѣстную церковь. Нельзя!

Особенно памятенъ мнѣ разговоръ относительно церкви.

— Сколько мнѣ извѣстно,—говорю я генералу,—въ настоящее время при каждой тюрьмѣ стараются устроить церковь для заключенныхъ. Почему же вы дѣлаете исключеніе для здѣшней тюрьмы или для Трубецкого бастіона Петропавловской крѣпости? На здѣшнемъ островѣ имѣется Іоаннопредтеченская церковь, такъ что не надо и устраивать новой.

Церковь, офицерскіе дома, кордегардія и уголъ тюремной стѣны.

— Да, но эта церковь находится внѣ тюремной ограды, за которую нельзя выводить здѣшнихъ заключенныхъ. Къ тому же мы первый разъ слышимъ подобную просьбу въ стѣнахъ политической тюрьмы. Увѣряю васъ, что если бы мы услышали отъ двухъ или трехъ заключенныхъ подобную просьбу, то давно бы здѣсь выстроили церковь.

— Я вамъ передаю сейчасъ не только свою личную просьбу, но и отъ имени цѣлой группы товарищей, которые изъявили желаніе посѣщать крѣпостную церковь. Вамъ то же самое скажетъ и Морозовъ. Спросите нашего священника, сколько человѣкъ у него причащалось этой весной. Наконецъ, находили же возможнымъ насъ, политическихъ, водить въ церковь Дома предварительнаго заключенія и до суда, и послѣ него.

— Та церковь спеціально приспособлена для заключенныхъ. Хорошо, я доложу вашу просьбу.

Двадцать одинъ годъ простояла Шлиссельбургская тюрьма, а церкви при ней такъ и не выстроили.

Одинъ генералъ спрашивалъ меня о пищѣ; не желая жаловаться или просить, я уклончиво замѣтилъ:

— Лично я ничего не имѣю противъ нея: она приготовляется изъ свѣжихъ продуктовъ.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать,—настаивалъ генералъ,—какова она на вкусъ? Ну, какъ бы это сказать?.. Ѣстся ли?

— Да, ѣмъ по привычкѣ.

Сначала я пожалѣлъ, отчего не сказалъ, что подаваемая пища довольно тяжела и груба для насъ при такой малоподвижной жизни. Но потомъ пришелъ къ такому заключенію. Стóитъ ли просить о перемѣнѣ пищи? Не лучше ли дать намъ побольше

гулять, гимнастику, огородъ и вообще всякую физическую работу на чистомъ воздухѣ? Въ этомъ случаѣ я сравнивалъ свою тюрьму съ невольничьимъ кораблемъ извѣстнаго стихотворенія Гейне. Намъ тоже нужно переплыть большое пространство времени въ своихъ душныхъ казематахъ, а потому намъ тоже надо бы придумать какую-нибудь пляску подъ музыку...

Мнѣ всегда раньше казалось, что войти въ комнату заключенныхъ какъ-то неловко, стыдно. Совѣстно за человѣка! Но вотъ теперь я самъ заключенный, и мнѣ стало стыдно встрѣчать входящихъ. Неловко было не за себя, а за нихъ. По своей чуткости и быстрой воспріимчивости, я мысленно входилъ въ положеніе посѣтителя и краснѣлъ за него, раздѣляя воображаемое мною его смущеніе.

Во всякомъ случаѣ, начальствующія лица были до нѣкоторой степени желанными гостями. Они вносили въ нашу однообразную жизнь хоть какое-нибудь оживленіе; кромѣ того, напоминали о внѣшнемъ мірѣ, о возможности вернуться къ нему. Вѣдь самая сладкая мысль въ тюрьмѣ—это возвратиться домой. О, если бы можно было, какъ въ сказкѣ, обернуться голубемъ и хоть нѣсколько минутъ побывать на родимой сторонѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

Замѣчательно, когда вспоминаешь прошлое, то сильнѣе всего жалѣешь о томъ, что не проявилъ своей любви къ ближнему тамъ, гдѣ могъ бы это сдѣлать. Сидя въ тюрьмѣ, страстно хочется загладить свои промахи именно въ этомъ смыслѣ. Временами прямо болѣешь платонической любовью. Мнѣ кажется, въ Дантовомъ аду на первомъ мѣстѣ надо поставить вотъ эти муки о пропущенной любви.

Черезъ три года отчужденія отъ людей въ сердцѣ не ощущаешь ни малѣйшей тѣни злобы къ нимъ. Они на извѣстномъ пространствѣ времени кажутся свѣтлыми ангелами. Такъ бы вотъ и заключилъ въ свои объятія весь міръ!

Въ этой непостижимой заочной любви къ людямъ я находилъ для себя источникъ утѣшенія.

„Если ты,—говорилъ я себѣ,—страдаешь и терпишь всевозможныя лишенія, то вѣдь и всѣ люди такъ или иначе страдаютъ. А потому подожди жаловаться на судьбу свою, подожди, когда другіе вытрутъ свои слезы“.

И мнѣ казалось подъ впечатлѣніемъ этихъ думъ: чтобы помочь мнѣ, надо помочь всему міру; тогда только я утѣшусь.

Не потому ли въ тюрьмѣ такъ интенсивна любовь къ людямъ, что здѣсь ей не на комъ разрядиться, нѣтъ объекта любви? Съ солдатами-сторожами не смѣешь слова сказать, да и здѣсь они превратились въ нашихъ глазахъ въ какихъ-то бездушныхъ, нѣмыхъ машинъ, а со смотрителемъ едва перекинешься двумя-тремя короткими фразами за цѣлую недѣлю.

Впрочемъ, приходилъ ко мнѣ рѣдкій, но желанный гость — священникъ здѣшней церкви. Его умная и сердечная бесѣда всегда успокоительно дѣйствовала на мою душу. Къ сожалѣнію, эти свиданія продолжались очень короткое время и, притомъ, въ присутствіи тѣхъ же нѣмыхъ свидѣтелей—солдатъ.

Изрѣдка навѣдывался къ намъ завѣдывающій тюрьмой, онъ же и комендантъ крѣпости.

Завѣдывающимъ тюрьмой при мнѣ былъ полковникъ Покрошинскій. Онъ старался выразить намъ свое вниманіе тѣмъ, что избѣгалъ съ нами говорить

на ты, но въ то же время никогда не разговаривалъ съ нами и на вы. Онъ удивительно умѣлъ обращаться къ намъ въ третьемъ лицѣ. Бывало, остановится на порогѣ камеры между двумя жандармами и вперитъ свои глаза въ заключеннаго:

— Заключенный какъ себя чувствуетъ?—спрашиваетъ онъ.

Иные отвѣчали, подражая ему:

— Заключенный чувствуетъ себя скверно.

Въ распоряженіи завѣдующаго тюрьмой были четыре офицера, врачъ да человѣкъ сто команды. Вахмистръ жандармовъ, кажется, былъ правою рукою смотрителя. Послѣ извѣстной исторіи съ Мышкинымъ въ рождественскій праздникъ, этотъ вахмистръ, маленькій, тощій, юркій человѣчекъ, ходилъ нѣкоторое время съ подвязанной головой.

XIV.

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались...
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...

(*В. Н. Фигнеръ.*)

Весною 1886 г., на восточной сторонѣ тюремнаго двора намъ устроили огородъ. Онъ былъ огороженъ высокимъ заборомъ и раздѣленъ перегородками на четырехугольныя отдѣленія, съ пятью грядами въ каждомъ. Въ длину всего огорода, на высотѣ забора, устроенъ былъ помостъ для наблюдающихъ за нами жандармовъ. Въ нашемъ отдѣленіи я съ Николаемъ Александровичемъ посадили на четырехъ грядахъ рѣдиску, морковь, рѣпу, горохъ и другую огородную зелень, на пятой—средней—капусту.

Совмѣстныя прогулки въ огородѣ, особенно когда показалась на грядахъ яркая зелень и къ намъ стали залетать бабочки, пчелы и разныя насѣкомыя, были очень привлекательны. Къ сожалѣнію, только два раза въ недѣлю! Въ остальное время мы гуляли въ одиночку.

Сосѣдями нашими по огороду были В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ.

У насъ появилось естественное желаніе познакомиться и съ другими заключенными. Мы рѣшили

сдѣлать попытку—попросить чрезъ смотрителя дать намъ прогулки поочередно со всѣми товарищами.

Смотритель обѣщался доложить по начальству.

Въ слѣдующую прогулку ко мнѣ приводятъ невысокаго роста коренастаго брюнета. Рѣзкія крупныя черты лица обличали въ немъ что-то не-русское. На немъ былъ какой-то странный жилетъ-курточка изъ сѣраго арестантскаго сукна. Какъ только вошелъ онъ въ загородку, тотчасъ же бросился ко мнѣ на шею и сталъ крѣпко цѣловать меня.

Я отрекомендовался ему.

— А я—Ѳедоръ Юрковскій. Слышали про меня?

— Не знаю васъ.

— А про „Сашку-инженера“ слышали?

— Какъ же, слышалъ! Такъ это вы—инженеръ?! Но почему же вы назвали себя Ѳедоромъ, а не Александромъ?

— О, это только мое конспиративное имя, моя кличка—„Сашка-инженеръ“. А на самомъ дѣлѣ я—и не Сашка и не инженеръ. Я учился въ морскомъ корпусѣ.

— Не вашъ ли родственникъ—морякъ Юрковскій, редакторъ газеты въ городѣ Николаевѣ?

— Родной братъ.

Кратко мы разсказали другъ другу наше прошлое. Будучи въ морскомъ корпусѣ, Юрковскій сдѣлался членомъ революціоннаго кружка, скрывавшагося подъ скромнымъ названіемъ „Китоловнаго общества“. Начальство скоро освѣдомилось о цѣли этого общества и нѣкоторыхъ членовъ его, въ томъ числѣ и Юрковскаго, исключило изъ морского корпуса. Наступила для молодого человѣка страдная пора. Онъ служилъ въ маленькихъ должностяхъ по разнымъ

угламъ Россіи. Снова учиться въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, какъ исключенному „за неблагонадежность“, нельзя. И Юрковскій всецѣло ушелъ въ революцію.

Юрковскій много разсказывалъ о себѣ, о своей жизни въ тюрьмѣ и на Карѣ. Когда я ему замѣтилъ, что у него геркулесовское сложеніе, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствовавшихъ объ его удивительной физической силѣ.

— Мы, Юрковскіе,—говорилъ онъ,—черногорскаго происхожденія. Отецъ мой обладалъ страшной силой. Когда ему приходилось, въ качествѣ инспектора, осматривать тюрьмы, то онъ любилъ шутить съ смотрителями. Возьмется рукою за желѣзную рѣшетку окна, потрясетъ ее и вырветъ изъ стѣны. „Смотрите,—скажетъ тюремщикамъ,—какъ у васъ слабо прикрѣплена рѣшетка“.

Разставаясь съ Юрковскимъ, я попрощался съ нимъ на мѣсяцъ или на два, когда снова дойдетъ до него очередь гулять со мной.

Дня черезъ три меня повели на свиданіе съ товарищемъ по заключенію (прогулка вдвоемъ разрѣшалась только два раза въ недѣлю).

„Кого-то на этотъ разъ пошлетъ мнѣ судьба?“ думалъ я про себя съ жаднымъ любопытствомъ, направляясь къ огородамъ.

Открывается дверь... Опять Юрковскій!

Должно быть, смотритель не понялъ нашей просьбы.

Ѳеодоръ Николаевичъ принесъ съ собой кусокъ хлѣба и сталъ ѣсть его съ лукомъ тутъ же на прогулкѣ.

— Вы замѣчаете, какъ я много ѣмъ. Одно время, вскорѣ послѣ ареста, я страдалъ ненасытимостью.

Обратились къ доктору. Докторъ велѣлъ давать мнѣ двойную и даже тройную порцію. Потомъ, говорилъ онъ, пройдетъ этотъ болѣзненный аппетитъ.

— А откуда у васъ такой странный костюмъ?— спрашиваю его.

— Съ Кары. Тамъ разрѣшали намъ перешивать куртки и халаты, какъ мы находили удобнѣе.

— Лучше вамъ было на Карѣ, чѣмъ здѣсь, въ Шлиссельбургѣ?

— Сначала тамъ мнѣ очень нравилось послѣ тюремной жизни въ городахъ Россіи. На Карѣ у насъ былъ казачій кругъ. Всѣ важныя дѣла рѣшались сообща въ кругу. Но потомъ постояное совмѣстное сожительство все съ одними и тѣми же лицами такъ надоѣло, такъ было невыносимо, что, бывало, вспомнишь съ сожалѣніемъ и про одиночное заключеніе. Иной разъ такъ сильно захочется уединенія, что идешь къ смотрителю и просишь его, какъ милости, посадить въ карцеръ. Трудно рѣшить, гдѣ лучше, или, правильнѣе, гдѣ хуже: въ одиночномъ заключеніи или многолѣтнее пребываніе въ тѣсной толпѣ все однихъ и тѣхъ же лицъ. Ужъ если нельзя отдѣлаться отъ отвѣта, то я скажу такъ: лучше то и другое вперемежку. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но не велика сладость и тюремное общежитіе. Эта гулливая толпа такъ сильно раздражаетъ, одни и тѣ же лица, насильственно связанныя съ вами, такъ скоро приглядываются и надоѣдаютъ, что съ радостью идешь, какъ я сказалъ, въ карцеръ или въ больницу, чтобы только побыть немного въ уединеніи, сосредоточиться, заглянуть въ свою душу... Впрочемъ, я недавно нахожусь въ шлиссельбургскомъ заключеніи и еще не испыталъ, какъ другіе, томи-

тельныхъ годовъ одиночества. Но теперь, попробовавъ и тотъ и другой видъ заключенія, я лично всетаки предпочелъ бы общую камеру тюрьмы одиночной. Не даромъ издревле на Руси и пословица ведется: „на людяхъ и смерть красна“.

— А почему васъ перевели въ Шлиссельбургъ?

— За побѣгъ съ Кары. Нѣкоторымъ до такой степени надоѣла сутолока карійской тюрьмы, что они рѣшили убѣжать изъ нея, рискуя своею жизнью. Присоединился и я къ нимъ. Всю зиму мы готовились къ побѣгу. Сами отковали себѣ въ мастерскихъ ножи, сдѣлали запасы пищи, выработали планъ побѣга и только ждали весны, чтобы попытать свое счастье. Зная, что за нами будетъ погоня, мы рѣшили бѣжать въ разныя стороны. Мышкинъ (онъ тоже былъ съ нами) долженъ былъ отправиться на востокъ, къ Великому океану, другіе—на западъ, а мнѣ выпалъ жребій идти на югъ, къ китайской границѣ. Это мы намѣтили съ тѣмъ расчетомъ, что если кто-нибудь изъ насъ привлечетъ погоню въ свою сторону, то остальные спасутся. Наступилъ май мѣсяцъ. Тайга стала освобождаться отъ снѣжнаго покрова. Намъ не терпится: весною такъ хочется на волю! Выбрали подходящую ночку и шмыгнули изъ тюрьмы. Я бодро пошелъ тайгой на югъ. Все было хорошо. Погони не чувствовалось. Запасъ хлѣба изрядный. Я совсѣмъ повеселѣлъ. Мнѣ казалось, что скоро должна быть и граница. Какъ вдругъ нахмурило, и пошелъ снѣгъ. Да вѣдь какой! Пройти нельзя. Бился, бился я въ тайгѣ,—совсѣмъ изнемогъ отъ глубокаго снѣга! Что тутъ дѣлать?! Наконецъ, нашелъ что-то въ родѣ медвѣжьей берлоги подъ корнями сваленныхъ деревьевъ и забился въ нее.

А погода, какъ нарочно, не унимается. Поднялся сильный вѣтеръ. Буранъ навѣялъ сугробы снѣга. Сижу въ своей пещерѣ да послѣдніе куски хлѣба дожевываю. Хоть и погибну здѣсь, а назадъ ни за что не вернусь,—рѣшилъ я про себя. Холодъ сковалъ меня. Даетъ знать о себѣ и голодъ. Я сталъ уже мысленно прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Но чувство самосохраненія взяло верхъ. Я выползъ изъ своей берлоги. Мнѣ показалось, что вѣтеръ значительно стихъ. Пойду, поброжу по тайгѣ: авось, встрѣтятся пастухи-буряты. Они съ бродягами, съ бѣглыми каторжниками живутъ мирно. Всегда гостепріимно пріютятъ около своего костра, напоятъ чаемъ и накормятъ. За это и каторжные бродяги никогда ихъ не обижаютъ и не трогаютъ ихъ скота. Кое-какъ побрелъ я по снѣгу, высматривая въ лѣсу дымокъ отъ костра. Голодъ подгонялъ меня впередъ, и я порядочно далеко отошелъ отъ своей берлоги. Наконецъ, показался желанный дымокъ вдали. Навѣрно, буряты! Сразу силы мои удвоились, и я пошелъ напрямки къ костру. Вдругъ изъ-за кустовъ подымаются казаки съ ружьями. Все пропало: отъ пули не убѣжишь. Подхожу къ нимъ.

— Куда путь держишь?

— Да такъ... куда судьба ведетъ.

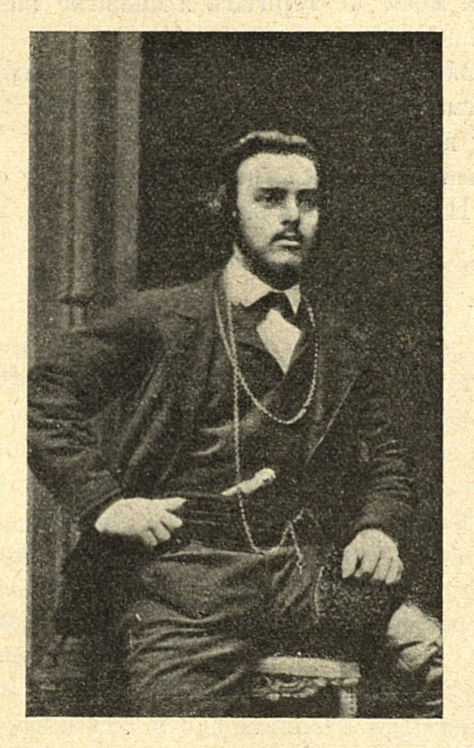
— Поди, прозябъ? Выпей-ка съ нами чайку.

Я подсѣлъ къ костру. Казакъ налилъ кружку изъ чайника и подаетъ мнѣ. Я жадно потянулся къ ней... Вдругъ меня сзади схватываютъ за руки и моментально валятъ на спину. Два казака, пока ихъ товарищъ потчевалъ меня чаемъ, тихонько подкрались сзади и сразу опрокинули меня на землю. Я еще могъ бы стряхнуть ихъ съ себя, но вѣдь ихъ много

и всѣ они вооружены шашками и ружьями. Я только спросилъ ихъ:

— За мной посланы?

— Сколько времени разыскиваемъ тебя по тайгѣ!

Ѳеодоръ Николаевичъ Юрковскій.

Сейчасъ же связали мои руки какою-то лошадиною цѣпью. Обтянули меня по таліи арканомъ и посадили на лошадь верхомъ. Впереди казакъ на лошади тянетъ меня арканомъ впередъ, а другой верховой казакъ тоже арканомъ держитъ меня сзади.

Такъ мы гуськомъ отправились по тайгѣ на Кару. Чуть моя лошадь оступится,—я подаюсь впередъ. Заднiй казакъ тянетъ свой арканъ, а переднiй тянетъ въ свою сторону. Ну, и испыталъ же я тутъ пытку! Въ жизни моей не терпѣлъ я сильнѣе физическихъ страданiй...

Юрковскiй грустно замолкъ при этомъ воспоминанiи. Немного погодя я спросилъ его:

— Что же было съ вами потомъ?

— Переловили насъ всѣхъ да вотъ и отправили сюда въ Шлиссельбургъ.

XV.

...свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я.

„Шильонскій узникъ".

Для войны надо имѣть три вещи: деньги, деньги и деньги. Это мнѣніе, приписываемое, кажется, Наполеону I, оправдывается на нашихъ глазахъ съ каждой новой войной. Современныя условія политической и экономической жизни такъ сложились, что безъ денегъ, безъ этого главнаго двигателя, дѣйствительно, нельзя вести никакого дѣла. И соціалъ-революціонеры, въ концѣ царствованія Александра II, тоже поняли, что безъ денегъ нельзя вести борьбы съ правительствомъ.

— Денегъ, денегъ!—этотъ крикъ непрестанно раздавался въ разныхъ революціонныхъ кружкахъ того времени.

Одинъ видный членъ военной революціонной организаціи 80-хъ годовъ передавалъ мнѣ, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ положено было правиломъ—на каждомъ собраніи непремѣнно хоть одинъ часъ посвящать на обсужденіе, откуда и какимъ образомъ добыть денегъ. Нужда въ деньгахъ довела револю-

ціонеровъ до того, что принудила ихъ прибѣгать къ неблаговиднымъ средствамъ. Такъ, 3 іюня 1879 г., изъ херсонскаго губернскаго казначейства, посредствомъ подкопа изъ сосѣдняго дома, похищено было денегъ, принадлежащихъ государственному банку, слишкомъ полтора милліона рублей. Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ 10 января 1880 г. выяснено, что участники этого дѣла—Елена Россикова, Людмила Терентьева, Яковъ Погорѣловъ и Татьяна Морозова — принадлежатъ „къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя“.

Похищенныя деньги назначались, какъ заявили обвиняемые на судѣ, „на борьбу за народное освобожденіе“.

Судьи и эксперты были поражены, какъ могли эти люди, не имѣющіе спеціальнаго образованія, такъ искусно подкопаться подъ кладовую казначейства. Подкопъ былъ произведенъ изъ сосѣдняго дома Камсина. Подземная галлерея имѣла въ длину девять саженъ, а въ ширину и въ высоту по одному аршину. Подкопъ оканчивался пробоиною, въ аршинъ діаметромъ, какъ разъ въ полу денежной кладовой.

— Кто же руководилъ вами?—спрашиваютъ подсудимыхъ.

— Сашка.

— Кто онъ такой?

— Не знаемъ.

— Должно быть, этотъ Сашка—хорошій инженеръ, - рѣшили слѣдователи.

Но Сашки-инженера и слѣдъ простылъ!

Въ 1882 г., въ городѣ Николаевѣ, я нанималъ въ одномъ небогатомъ семействѣ комнату. Время отъ

времени наѣзжалъ къ моей хозяйкѣ родственникъ ея—судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Случилось и мнѣ съ нимъ познакомиться. Однажды въ разговорѣ онъ упомянулъ, что ему пришлось принимать участіе въ поискахъ денегъ, похищенныхъ изъ херсонскаго казначейства.

— Нашли?—спрашиваю его.

— Почти все нашли. Растратили очень немного. Мнѣ лично удалось найти въ Алешкахъ и тѣ деньги, которыя зарылъ въ землю „Сашка-инженеръ".

— Такъ отыскались слѣды „Сашки-инженера"?!

— Онъ давно арестованъ.

И слѣдователь разсказалъ мнѣ все, что зналъ о немъ. Однако отзывы его были не совсѣмъ лестные для Сашки-инженера. Потомъ я слышалъ, что его, какъ одного изъ виновниковъ похищенія денегъ изъ казначейства, сослали на Кару въ каторжныя работы.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я самъ былъ заключенъ на неопредѣленное время въ Шлиссельбургскую тюрьму. И вотъ неожиданно встрѣчаю здѣсь пресловутаго Сашку-инженера въ видѣ скромнаго узника Ѳеодора Николаевича Юрковскаго. Онъ самъ мнѣ объявилъ, что принималъ участіе въ похищеніи денегъ изъ херсонскаго казначейства.

— Разскажите, пожалуйста, какъ это было?—спрашиваю его.

— Я, собственно, не принималъ участія въ веденіи подземной галлереи. Когда я пришелъ къ нимъ, подкопъ былъ уже готовъ. Меня попросили только вывезти деньги за городъ. Я нарядился угольщикомъ, пріобрѣлъ пару быковъ, взвалилъ на телѣгу черные мѣшки изъ-подъ угля, набитые деньгами, и

пошелъ стегать воловъ: „цобъ, цобъ, цобэ!“—покрикиваю. И благополучно выѣхалъ за городъ. Тамъ мы раздѣлили деньги и разъѣхались въ разныя стороны. Я отправился въ Алешки, небольшое мѣстечко на берегу Днѣпра. Попадается мнѣ полицейскій. Разговорились. Я его угостилъ фруктами. Боясь, что при обыскѣ меня можетъ выдать большая сумма денегъ, я спряталъ ихъ въ землю, а самъ сѣлъ на херсонскій пароходъ, идущій въ Николаевъ, и удралъ отъ полицейскаго. У него, еще до моего пріѣзда въ Алешки, была уже телеграмма—арестовывать всѣхъ подозрительныхъ проѣзжихъ людей. Но я такъ обворожилъ его своею любезностью, что онъ не рѣшался сразу задержать меня, а нашелъ нужнымъ предварительно справиться въ Херсонѣ телеграммою: что есть, молъ, въ Алешкахъ такой-то съ виду милый человѣкъ, но подозрительнаго ничего не внушаетъ. Такъ арестовывать ли его? Изъ Херсона дали отвѣтъ: „немедленно арестовать“. Но уже было поздно. Я въ это время находился у родныхъ въ Николаевѣ и съ первымъ отходящимъ пароходомъ отправился моремъ въ Одессу. Дали приказъ объ арестѣ въ Николаевъ. Пока тамъ меня искали, я уже выѣхалъ изъ Одессы и гулялъ по Россіи.

— Скажите, почему же васъ назвали инженеромъ, если вы не участвовали въ подкопѣ?

— Я это объясняю тѣмъ, что меня не было на судѣ, когда разбиралось дѣло о кражѣ денегъ. Подсудимые, видя, что меня нѣтъ, и взвалили все веденіе дѣла на неизвѣстное лицо—„Сашку“. А подкопъ дѣйствительно сдѣланъ былъ великолѣпно! Разсказываютъ, казначей, ничего не подозрѣвая, потому что печати и замки на дверяхъ были цѣлы,

спокойно вошелъ въ кладовую. И представьте его ужасъ, когда онъ увидѣлъ пустой сундукъ! Осмотрѣлъ кладовую—все въ порядкѣ. Позвали полицію. При новомъ осмотрѣ нашли въ шкафу отверстіе. Откуда оно ведетъ? Пошли догадки, споры. Просятъ одного городового спуститься внизъ. Боится. Другого—тоже боится. Наконецъ, выискался одинъ дворникъ, который взялся изслѣдовать галлерею. Спустился внизъ, проползъ по галлереѣ и вышелъ въ хорошо убранную квартиру. Сунулся туда, сюда,—кругомъ заперто. Наконецъ, сообразилъ, въ какомъ онъ домѣ находится, и полѣзъ обратно въ кладовую казначейства, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали храбраго дворника. Догадки его оказались правильными. Открыли квартиру, на которую онъ указалъ, и тамъ нашли около двадцати пяти возовъ свѣжей глины, вынутой изъ подземной галлереи.

XVI.

Терпѣлъ, томился и страдалъ...
И все зачѣмъ?.. чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!..

(*Лермонтовъ*).

— Ѳеодоръ Николаевичъ, а какъ теперь ваше здоровье? — спрашиваю я Юрковскаго при новомъ свиданіи съ нимъ на прогулкѣ.

— Какое теперь здоровье! Вы слышите каждую ночь крики? Это я кричу въ кошмарѣ.

Дѣйствительно, не проходило при мнѣ въ Шлиссельбургѣ ни одной ночи, чтобы раздирающій душу крикъ не потрясалъ стѣнъ тюрьмы.

Въ одиночномъ заключеніи Юрковскій много мечталъ о возвращеніи на родину, въ Малороссію. Онъ не помышлялъ ни о борьбѣ съ правительствомъ, ни объ улучшеніи жизни людей, какъ другіе товарищи. Ему хотѣлось покоя послѣ многолѣтней тревожной жизни и немного личнаго счастья на малороссійскомъ хуторѣ, гдѣ бы онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. На эту тему онъ слагалъ длинные стихи, гдѣ не-

премѣнно фигурировали чернобровыя дивчыны, тѣнистыя левады, кавуны на баштанахъ и тому подобное въ хохлацкомъ жанрѣ.

Послѣ нѣсколькихъ совмѣстныхъ прогулокъ съ Юрковскимъ я окончательно убѣдился, что смотритель не понялъ насъ. Онъ просто-напросто замѣнилъ одного товарища другимъ.

— Если я долженъ гулять теперь только съ Ѳ. Н. Юрковскимъ,—обращаюсь къ смотрителю,—то я хотѣлъ бы имѣть хоть еще одно свиданіе съ Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ: надо же намъ проститься.

Подобную просьбу въ этотъ же самый день высказалъ смотрителю и Морозовъ. Насъ опять свели вмѣстѣ и больше не разлучали до самаго моего выхода изъ Шлиссельбургской тюрьмы.

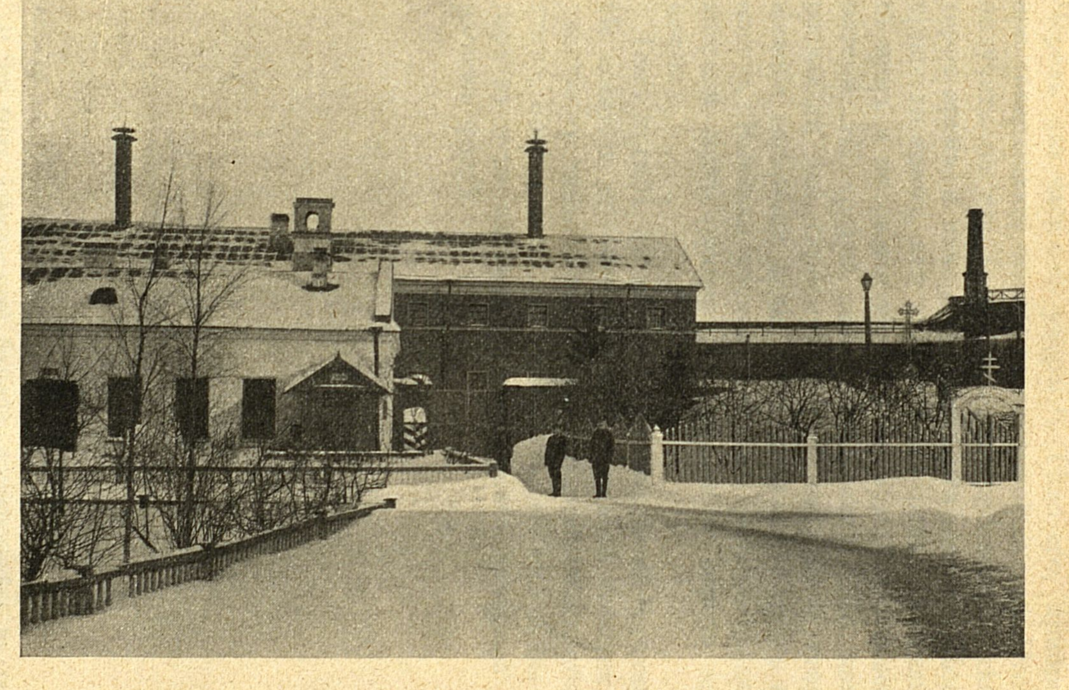
Что же стало съ Юрковскимъ?

Двѣнадцать лѣтъ онъ лелѣялъ мечту объ освобожденіи изъ Шлиссельбурга и... не дождался. Тюрьма ему стала могилой.

Вотъ что разсказываетъ о его послѣднихъ дняхъ Л. А. Волкенштейнъ, свидѣтельница его грустной кончины.

Юрковскій много лѣтъ страдалъ болѣзнью почекъ и былъ все время раздражительнымъ; но такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, то начальство и докторъ приписывали эту раздражительность его дурному нраву и немилосердно записывали его въ штрафной журналъ. Прямыхъ наказаній, впрочемъ, они избѣгали. Кончилось тѣмъ, что за два мѣсяца до смерти Юрковскаго, по усиленной просьбѣ его товарищей, зашелъ къ нему докторъ,—и черезъ два дня они узнали, что у него водянка. Администрація

и докторъ почувствовали, повидимому, угрызеніе совѣсти и въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ ухаживали за нимъ, какъ только могли. Когда же онъ сдѣлался совсѣмъ безпомощнымъ, хлопотали о переводѣ его въ петербургскую больницу для свиданья съ матерью — восьмидесятилѣтнею старушкой, которая тщетно много, много разъ хлопотала о свиданіи и, наконецъ, лѣтомъ 1896 г. въ письмѣ, полномъ отчаянія, прислала ему свое послѣднее благословеніе, крестъ и молитвенникъ, по которому она молилась въ теченіе всего времени заключенія Юрковскаго, т.-е. 16 лѣтъ, съ надписью, что больше не въ силахъ добраться до Петербурга. Хлопоты о переводѣ Юрковскаго въ Петербургъ оказались возможны вслѣдствіе происходившаго въ это время — и даже нѣсколько раньше—обсужденія или уже рѣшенія о примѣненіи коронаціоннаго манифеста къ сидящимъ въ Шлиссельбургѣ, о чемъ они и не догадывались тогда. Юрковскій, навѣрное, былъ бы увезенъ изъ Шлиссельбурга по этому манифесту, такъ какъ онъ уже отбылъ свой пятнадцатилѣтній срокъ и теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ за побѣгъ съ Кары. Юрковскій страшно хотѣлъ умереть не въ ненавистной камерѣ, а хотя бы по дорогѣ, на пароходѣ, который онъ такъ любилъ по воспоминаніямъ семейнымъ и личнымъ; но умеръ онъ въ камерѣ 5 сентября 1896 г. Смерть Юрковскій встрѣтилъ мужественно. Ночью ему предложили пригласить священника. Онъ отказался, а просилъ дежурившихъ при немъ товарищей послать коменданту просьбу позволить проститься съ обѣими женщинами (съ В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ). Эту просьбу исполнили, и онъ простился съ ними въ полномъ сознаніи, хотя совсѣмъ уже задыхался.

Южная половина Новой тюрьмы и кордегардія. Направо—Братская могила и Освѣтительная башня.

Черезъ два часа онъ умеръ [1]. Тѣло его, прибранное товарищами, лежало въ открытой камерѣ. Чтобы получить на это разрѣшеніе, потребовалось нѣкоторое время, и камера была заперта часа три. Когда принесли гробъ, всѣ въ послѣдній разъ простились съ нимъ и положили къ нему на грудь благословеніе матери. На другой день въ 6 часовъ утра, когда раздавали чай, скрипнули ворота тюрьмы, и сторожившіе товарищи дали знать всѣмъ, что гробъ выносятъ. Вынесли сосновый ящикъ четыре солдата, впереди шелъ офицеръ, и... унесли за ворота крѣпости.

Такъ погибъ въ заточеніи сорокалѣтній богатырь! Не исключи его юношей изъ морского корпуса за участіе въ такъ называемомъ „Китоловномъ обществѣ", Богъ знаетъ, можетъ быть, мы имѣли бы теперь въ немъ дѣльнаго и энергичнаго адмирала въ нашемъ флотѣ.

---

[1] Это былъ единственный больной, пользовавшійся въ такой мѣрѣ уходомъ и вниманіемъ товарищей и администраціи. Раньше никому невозможно было ничѣмъ помочь.

XVII.

> Сыро, пасмурно, дождь моросит цѣлый день,
> Наводя отупѣнье и скуку.
> Я не въ силахъ читать, даже думать мнѣ лѣнь,
> Даже трудно подвинуть мнѣ руку.
>
> (*П. С. Поливановъ.*)

Дни, мѣсяцы, годы идутъ своимъ чередомъ. Всякому движенію мы можемъ вообразить себѣ конецъ; только остановка теченія времени не укладывается въ нашемъ понятіи, какъ и представленіе о границахъ міроваго пространства. Бодрствуемъ ли мы, или спимъ, независимо отъ нашего сознанія, время неудержимо течетъ всеобъемлющимъ потокомъ.

Говорятъ, въ тюрьмѣ скоро проходитъ время. Да, пожалуй, это правда, когда оглянешься назадъ; но настоящее, текущее время томительно длинно. Однообразіе дней въ четырехъ стѣнахъ такъ же тяжело переживать, какъ идти по длинной, вязкой и скучной дорогѣ.

Многіе изъ заключенныхъ сбились со счета дней, и Николай Александровичъ при первомъ же свиданіи спросилъ у меня:

— А какое сегодня число и какой мѣсяцъ?

Я ему могъ отвѣтить потому, что велъ счетъ днямъ по страницамъ Библіи, прочитывая по одной еже-

дневно. Конечно, мнѣ пришлось такимъ образомъ прочесть всю Библію не одинъ разъ.

Зато дни недѣли мы всѣ строго знали. Традиціонный горохъ за обѣдомъ всегда вѣрно указывалъ среды и пятницы, а очередь гречневыхъ, яшныхъ и пшенныхъ кашъ всегда служила указаніемъ другихъ дней недѣли. Среди такого строгаго однообразія въ тюрьмѣ только одинъ день въ году выдѣлялся своимъ столомъ—Пасха. Этотъ праздникъ памятенъ мнѣ еще по другимъ обстоятельствамъ.

Вечеромъ въ страстную субботу, вспоминая, какъ въ дѣтствѣ мнѣ приходилось встрѣчать праздникъ Пасхи среди родныхъ, я такъ сильно разстроился, что не могъ спать. Расхаживая изъ угла въ уголъ камеры, я мысленно перецѣловалъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ; я готовъ былъ христосоваться со всѣмъ міромъ, со всѣми мириться и всѣхъ прощать.

Много зависитъ отъ точки зрѣнія,—думалъ я въ эту пасхальную ночь.—Чѣмъ дальше отъ тебя предметъ, тѣмъ относишься къ нему болѣе спокойно, безпристрастно! Когда читаешь древнюю исторію, напримѣръ, о походахъ Юлія Цезаря, то выказываешь одинаковое сочувствіе и Цезарю и его противнику Верцингеториксу. На такомъ большомъ протяженіи времени наши симпатіи, какъ лучи отдаленной свѣтящейся точки, почти параллельны къ обѣимъ народностямъ. Такъ, съ большого разстоянія, напримѣръ, съ высочайшихъ точекъ звѣзднаго неба, наши сужденія о земной враждѣ были бы безпристрастны, какъ у Бога. Я теперь стою въ сторонѣ отъ міра, отъ его борьбы и вижу, что одна нація заботится о благѣ своей страны, но вѣдь и другая

хлопочетъ о томъ же. И стòитъ лишь издали взглянуть на обѣ враждующія стороны, какъ сейчасъ же примиряешь ихъ въ душѣ своей...

Мои мысли прервалъ благовѣстъ пасхальной утрени. Я остановился и жадно-жадно прислушивался къ каждому удару колокола. Мнѣ такъ хотѣлось въ это время быть въ церкви, видѣть это множество праздничныхъ лицъ съ горящими свѣчами, слышать непрестанно повторяющееся „Христосъ воскресе"... У меня защемило сердце, и я чувствую—вотъ-вотъ сейчасъ расплачусь. Я сталъ опять усиленно ходить по камерѣ и вспоминать пасхальныя пѣсни, которыя пѣвалъ когда-то мальчикомъ на клиросѣ.

Черезъ матовыя стекла показался разсвѣтъ. Почему-то я полагалъ, что смотритель придетъ къ намъ сейчасъ же послѣ обѣдни. Вообще я ждалъ отъ этого дня чего-то особеннаго, выходящаго изъ ряда.

Проходитъ часъ, другой, а смотрителя все еще нѣтъ.

„Интересно,—думалъ я,—забудетъ ли онъ хоть на минуту свое офиціальное положеніе и подаритъ ли насъ по-христіански пасхальнымъ привѣтствіемъ? Можетъ быть, еще цѣловаться вздумаетъ?"

Наконецъ, подошло обычное время утренней раздачи хлѣба, загромыхали засовы входной двери, застучали сапоги о каменный полъ и стали обычно похлопывать одна за другой двери камеръ. Вотъ идутъ ко мнѣ. Я почувствовалъ маленькое смущеніе.

Какъ всегда, быстро влетѣли солдаты въ камеру, заперли кровать, поставили на столъ тарелку съ крашеными яйцами и съ кусками кулича и творогу и такъ же быстро исчезли. Отъ смотрителя ни пасхальнаго привѣтствія, ни звука.

Не надо бы приносить сюда красныя яйца! Это только больше подчеркиваетъ всю отчужденность отъ міра, всю тягость каменнаго гроба. Яйцо говоритъ о воскресеніи, а мы все еще какъ мертвые! И даже не знаемъ, воскреснемъ ли для этой жизни...

Еще грустнѣе стало. Сквозь слезы проглотилъ я нѣсколько кусочковъ кулича и безпомощно опустилъ голову на руку.

Безсонная ночь скоро сказалась, и я крѣпко заснулъ.

Вдругъ слышу, кто-то будитъ меня, трясетъ за плечо. Я открылъ глаза, вскочилъ и съ ужасомъ отшатнулся: передо мною стоятъ солдаты съ обѣдомъ. Какъ они вошли сюда, что я не слышалъ шума отпираемыхъ дверей? Какъ это случилось, что меня, всегда чуткаго къ малѣйшему шуму, сильно тормошатъ и я едва очнулся? Да не во снѣ ли это?

Я испугался и нѣсколько секундъ не могъ придти въ себя. Смотритель, замѣтивъ у меня на лицѣ выраженіе ужаса, сталъ успокаивать. Только тогда я вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ заснулъ, и сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Съ этихъ поръ кровать мою не закладывали къ стѣнѣ и предоставляли мнѣ пользоваться ею и днемъ. Но я этого не дѣлалъ. Съ одной стороны, я боялся опуститься, ослабѣть духомъ, раскиснуть: вѣдь кровать такъ располагаетъ къ лѣни и къ ненужному отдыху. Съ другой —я боялся безсонныхъ ночей, если позволить себѣ высыпаться днемъ. Но зато открытая кровать послужила мнѣ отличнымъ столомъ. Въ это время я занимался греческими переводами и имѣлъ много справочныхъ книгъ, тетрадь съ перомъ и грифельную доску. На полуаршинномъ столѣ не

очень-то разложишься,—и я устилалъ раскрытыми книгами всю кровать и даже полъ. Но чтобы заниматься за такимъ импровизованнымъ столомъ, приходилось самому становиться на колѣни.

Сначала отъ такого непривычнаго положенія у меня ныли ноги, но потомъ, когда на колѣняхъ отъ жесткаго пола появились мозоли, какъ у верблюда, я могъ простаивать такимъ образомъ болѣе часа, не подымаясь съ пола.

Къ этому времени мнѣ разрѣшили пользоваться не только грифелемъ и карандашомъ, но и чернилами. А для записей, вмѣсто маленькихъ тетрадей въ 10-12 страницъ, мнѣ выдали переплетенную книгу въ двадцать три листа.

Оглядываясь на свое четырехлѣтнее пребываніе въ разныхъ тюрьмахъ, я вижу теперь, какъ много помогли мнѣ перенести всѣ невзгоды, скорби и болѣзни эти усиленныя занятія съ книгами.

XVIII.

...... то голосъ птички былъ.
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ.
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго.... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма.

(*Байронъ, Жуковскій.*)

Сегодня я не попалъ въ утреннюю прогулку, и за мной пришли послѣ обѣда, часу въ четвертомъ пополудни. Была прекрасная теплая погода. Въ воздухѣ тишина. Голубое небо. Не хотѣлось уходить со двора. Всего какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать минутъ чистаго воздуха!

Я тоскливо иду въ камеру между двумя солдатами. Они переступаютъ своимъ мѣрнымъ шагомъ не спѣша, но методично, какъ волы. Вѣроятно, имъ ужасно надоѣло непрестанно ходить взадъ-впередъ изъ тюрьмы къ загородкамъ и обратно.

Войдя въ камеру, я сразу замѣтилъ, что форточка открыта. Обыкновенно ее закрывали передъ приходомъ заключеннаго. Что это значитъ? Неужели забыли?—подумалъ я про себя и сильно обрадовался. Самъ я не могъ ее достать, такъ она была высока. Да не только форточки, но и первый рядъ стеколъ я доставалъ лишь концами пальцевъ.

Оказывается, тутъ ничего не забываютъ. Форточку умышленно оставили открытою, ради наступившихъ теплыхъ дней.

Я стоялъ передъ окномъ и не могъ оторвать своихъ глазъ отъ кусочка голубого неба, на фонѣ котораго время отъ времени мелькали парочки пролетающихъ голубей.

„Вѣдь вотъ,—думалъ я,—небольшой клочокъ неба, а сколько онъ возбуждаетъ чувства у заключеннаго и сколько даетъ пищи для его ума!"

И вспомнилъ я, какъ три года тому назадъ лежалъ я навзничь со своимъ братомъ гимназистомъ на зеленой лужайкѣ и, нѣжась на солнцѣ, смотрѣлъ на голубое небо. У гимназиста все было такъ ясно, спокойно на душѣ, какъ въ небесной синевѣ, разстилающейся надъ нами необъятнымъ куполомъ. Онъ уже сталъ погружаться въ сладкую дрему и жмурилъ глаза, какъ разъѣвшійся котъ.

— Послушай, братъ,—говорю ему,—а что, если бы у васъ въ гимназіи задали написать сочиненіе о томъ, что ты сейчасъ видишь передъ своими глазами,—что бы ты написалъ?

— Да что тутъ можно сказать,—лѣниво отвѣчаетъ онъ,—голубое небо, и больше ничего.

Я обрадовался тогда случаю щегольнуть своими познаніями и, помню, съ какимъ жаромъ, съ какою гордостью я набросился на эту тему и сталъ ему украшать это голубое небо сперва поэзіей и миѳологіей, потомъ забрался въ любимую область астрономіи, и тутъ ужъ мнѣ, какъ орлу въ вышинѣ, былъ полный просторъ! Я говорилъ, говорилъ, пока не позвали насъ домой.

Теперь вотъ я опять стою передъ голубымъ не-

бомъ, а думы одна за другою бѣгутъ и бѣгутъ неудержимымъ потокомъ. Какъ будто вдохновеніе льется съ самаго неба.

„Ахъ, если бы и на ночь оставили форточку открытою!—мечталъ я, какъ о невыразимомъ счастьѣ.— Тогда блеснули бы мнѣ милыя звѣзды! Однако сколько же времени я не видѣлъ ихъ! Въ послѣдній разъ я любовался ими два года тому назадъ, когда поздно вечеромъ повезли меня въ тюрьму послѣ допроса. Выходя изъ кареты, я взглянулъ наверхъ и замеръ отъ очарованія: все небо было усѣяно яркими звѣздами. Удивительно прекрасными онѣ кажутся, когда ихъ долго не видишь! О, если бы увидѣть мнѣ ихъ и сегодня!“

Скоро стало смеркаться. Небо приняло зеленоватый оттѣнокъ. Я все еще стою передъ окномъ и соображаю, какія звѣзды могутъ быть сегодня ночью видимы изъ форточки.

Вдругъ раздаются нѣжные, слегка дрожащіе звуки корнетъ-а-пистона.

— Что за прелесть! И какъ гармонируетъ эта чудная знакомая мелодія тихому лѣтнему вечеру!

Въ милыя горы
Мы возвратимся.
Прежнимъ покоемъ
Вновь насладимся.

— Кто же это играетъ? Вѣроятно, кто-нибудь изъ города выѣхалъ на лодкѣ и плыветъ мимо стѣнъ тюрьмы. Эту пѣсенку я часто пѣлъ и игралъ когда-то въ молодости. Кто ея не знаетъ!

И предо мною встала картина послѣдняго дѣйствія „Трубадура“. Каменные своды темницы въ крѣпости. Желѣзная рѣшетка въ окнѣ. На соломѣ лежитъ

измученная мать трубадура и въ полуснѣ пророчески напѣваетъ ему сладкія грезы о свободной жизни.

„Боже мой,—затрепеталъ я весь отъ радостнаго волненія,—вѣдь это онъ намъ, намъ, заключеннымъ, играетъ эту милую арію! Вѣдь это онъ умышленно подъѣхалъ къ намъ пролить своими нѣжными звуками сладостную надежду на возвращеніе въ родную семью, къ матери!..“

Меня охватило необыкновенное возбужденіе. Мнѣ хотѣлось и крикнуть ему, что мы слышимъ его призывъ къ счастью, и одновременно пѣть съ нимъ. Я растерянно хватался за столъ, за стѣны, подходилъ къ двери, опять къ окну, воздѣвалъ руки къ небу. Я искалъ, кому бы сказать свои догадки, кому передать свои впечатлѣнія, свое чувство... А волшебные звуки какъ бы съ неба свалившагося трубадура продолжали напѣвать пріятныя мечты:

Снова на лютнѣ
Ты заиграешь.
Счастье былое
Скоро увидишь.

Отъ умиленія у меня покатились слезы изъ глазъ, и я, весь потрясенный музыкой, изнемогающій отъ глубокаго волненія, опустился на скамейку. Въ эти счастливыя минуты, стараясь не проронить ни одного звука, я самъ готовъ былъ молиться вмѣстѣ съ Манрико, и уже мнѣ слышался его отвѣтный голосъ: „Вѣрь мнѣ, не даромъ ты уповаешь: я за тебя небеса умолю“.

Тррр... тррр... Отворяется дверь камеры, и входятъ солдаты. Одинъ ставитъ зажженную лампу на столъ, а другой крючкомъ на длинной палкѣ закрываетъ форточку.

Вся иллюзія разрушена. Отъ меня отняли небо и звѣзды, и божественные звуки... Я вспомнилъ тутъ евангельскаго богача въ аду, который, какъ и мы, заключенные, только издали созерцалъ блаженство удостоенныхъ на лонѣ Авраама. Да, чѣмъ болѣе подчеркивается контрастъ нашего прозябанія, чѣмъ больше понимаешь, какая непереходимая бездна раздѣляетъ тюрьму отъ ликующаго міра, тѣмъ становится тягостнѣе для сердца, тѣмъ мучительнѣе для души.

Вскорѣ мнѣ пришлось снова испытать блаженныя минуты при открытой форточкѣ. 24-го августа выдался очень жаркій день. И, должно быть, на этотъ разъ смотритель сообразилъ, что въ камерѣ душно, потому что самъ предложилъ мнѣ:

— Не оставить ли на ночь форточку открытою?

— Пожалуйста, пожалуйста!—поспѣшилъ я согласиться.

„О, какой я сегодня счастливый!..“ мысленно восклицалъ я, предвкушая удовольствіе видѣть звѣзды.

Какъ намъ дороги самыя обыкновенныя вещи, когда мы ихъ лишаемся! Никто такъ не понимаетъ свободы, какъ испытавшій лишенія ея. Никто такъ не оцѣнитъ чистаго воздуха, какъ сидѣвшій въ душной тюрьмѣ.

Около восьми часовъ вечера на сѣверо-восточномъ небѣ сверкнула первая звѣздочка.

„Должно быть, Капелла“, подумалъ я.

Немного спустя, съ правой стороны отъ нея показались еще двѣ маленькія звѣздочки.

— Ну, конечно, это Капелла, Альфа созвѣздія Возничаго!

Я сейчасъ же зарисовалъ на память ихъ относи-

тельное положеніе и опять сталъ вглядываться въ темное небо.

„Звѣзды, вы всегда были любимымъ предметомъ мечтающихъ о любви и счастіи! О, эмблема свободы, не вѣщаете ли мнѣ скорое освобожденіе?! Прекрасная Капелла, я тебя первую увидѣлъ въ этомъ окнѣ! Будь же ты моею путеводною звѣздою и выведи меня отсюда!"

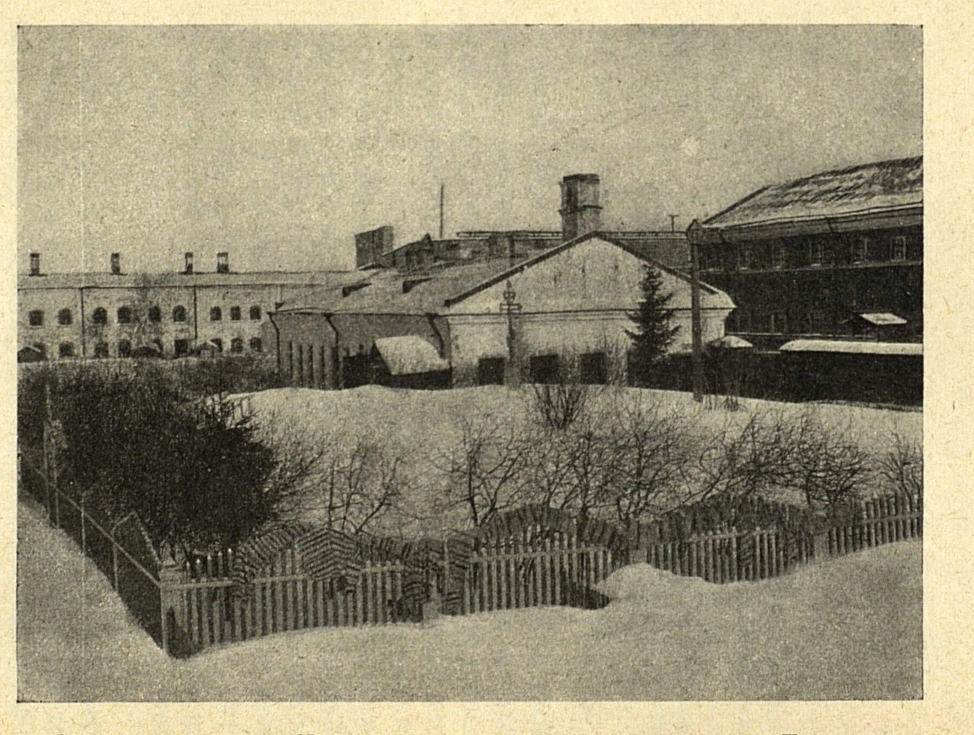
Такъ я молился, въ священномъ упоеніи, глядя на мигающія звѣздочки.

Какъ ни былъ я восторженъ въ это время, но около полночи, вѣроятно, отъ прилива свѣжаго ночного воздуха, я заснулъ, сидя на скамейкѣ. Очнувшись въ третьемъ часу ночи, я снова прильнулъ взглядомъ къ форточкѣ. Картина измѣнилась. На восточной сторонѣ неба я увидѣлъ классическихъ братьевъ Діоскуровъ, двѣ яркихъ звѣзды, Кастора и Поллукса, а правѣе ихъ—блестящую планету Сатурнъ.

Касторъ и Поллуксъ, эти древніе покровители мореплавателей, считались у грековъ вѣрными указателями тихой и гостепріимной пристани. Имъ они приписывали и тѣ электрическіе огоньки, которые появляются въ тихую погоду на концахъ мачтъ.

Мнѣ, какъ моряку, вдвойнѣ пріятно было занести въ свою тетрадь и этихъ милыхъ вѣстниковъ счастливаго плаванія.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но до сего времени я бережно храню этотъ пожелтѣвшій листочекъ съ зарисованными на немъ звѣздами, какъ дорогую память о той единственной ночи въ тюрьмѣ, когда изъ глубины неба мелькнули мнѣ первые маяки на пути къ свободѣ.

Сѣверная половина Новой тюрьмы, кордегардія, казарма и Братская могила.

XIX.

> Каждый человѣческій поступокъ тѣмъ почетнѣе, лучше и великолѣпнѣе, чѣмъ больше онъ дѣлается въ виду будущаго. Это прозрѣніе вдаль, помимо всякихъ другихъ свойствъ, выдѣляетъ человѣка изъ толпы, приближая его къ Богу.
>
> (*Джонъ Рёскинъ.*)

Первая моя тюрьма въ Трубецкомъ бастіонѣ была болѣе доступна для животнаго міра. Кромѣ насѣкомыхъ, тогда ко мнѣ въ форточку залетали и птицы. А одна парочка голубей раза три принималась вить гнѣздо между рамами, несмотря на безжалостныя руки сторожей, убиравшихъ кучи ими натасканныхъ прутьевъ. Въ настоящей же тюрьмѣ моими гостями лѣтомъ были только комнатныя мухи да пауки-крестовики. Послѣдніе немало занимали меня по вечерамъ, когда они разойдутся по потолку ловить другъ друга. И тутъ мнѣ впервые пришлось наблюдать извѣстный фактъ, какъ пауки-самки пожирали своихъ самцовъ.

Но вотъ, въ послѣднихъ числахъ августа, залетаетъ ко мнѣ въ форточку желтенькая бабочка и спускается внизъ между рамами. Она начинаетъ безпокойно биться въ стекло, но не догадывается подняться до форточки. Весь день я наблюдалъ за нею, вполнѣ сочувствуя ея желанію выйти на волю.

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи, нежданный гость небесъ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ мою печальную обитель?

Вспомнился „Узникъ“ Жуковскаго, котораго любилъ я читать въ молодости.

— Мнѣ жаль тебя, слабенькая бабочка, но что же я могу для тебя сдѣлать? Я самъ четвертый годъ безсильно бьюсь около окна, чтобы вырваться на вольный свѣтъ. Мнѣ остается только раздѣлить съ тобою свое уединенiе да скудную трапезу.

И я мочилъ кусочки сахара и бросалъ ихъ къ ней между рамами. Она, къ моему удовольствiю, сѣла на одинъ изъ нихъ и стала сосать его своимъ длиннымъ хоботкомъ.

Ночью у меня родилась идея—выудить бабочку на приманку. Я вытащилъ изъ простыни нѣсколько тонкихъ нитей и едва дождался, когда меня повели на прогулку. По дорогѣ къ загородкѣ я набрался храбрости и сорвалъ три желтыхъ цвѣтка одуванчика. Сторожа покосились на меня, но ничего не сказали. Я вздохнулъ облегченно и, крѣпко сжимая въ рукахъ цвѣты, ликовалъ въ душѣ, какъ я освобожу бабочку.

— Я тебѣ закину на ниткѣ цвѣточки, ты сядешь на нихъ, а я тихонько-тихонько подтяну тебя къ самой форточкѣ. Тогда лети, милая, куда хочешь!.. Но что же это? Солдаты повернули въ другую сторону отъ тюрьмы?

Меня вводятъ въ старое зданiе, гдѣ я не вижу никакого признака живой души. Сырой, затхлый воздухъ и могильная тишина. Въ небольшой коридоръ выходитъ рядъ дверей. Открываютъ одну изъ нихъ

и впускаютъ меня въ полусвѣтлую камеру. Не успѣлъ я оглядѣться и сообразить, что это значитъ, какъ входитъ начальникъ тюрьмы и торжественно объявляетъ мнѣ, что мое одиночное заключенiе кончилось, и скоро предстоитъ мнѣ далекое путешествiе...

— Куда? Въ Сибирь?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, немного дальше...

Я понялъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, что жъ?—утѣшалъ я себя.—На Сахалинѣ все-таки лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключенiи. Тамъ есть чистый воздухъ, движенiе, полезная работа, а главное—люди. Гдѣ бы ни жить, но лишь бы съ людьми! Пусть это будутъ хоть и сахалинскiе!..

Мнѣ не дали проститься съ товарищами. Какъ ни радовался я своему освобожденiю, мнѣ жаль было разстаться и съ Николаемъ, и съ малороссiйскимъ поэтомъ, да и со всѣми заключенными, съ которыми дѣлилъ всѣ невзгоды тюрьмы. Что я за счастливый такой, что раньше ихъ меня вывозятъ на Сахалинъ!..

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ смотритель и поздравляетъ меня съ освобожденiемъ.

— Богъ дастъ,—говоритъ онъ,—и тамъ не долго васъ продержатъ. Тамъ есть разные разряды для ссыльныхъ,—испытуемые, исправляющiеся, поселенцы, крестьяне,—и по манифестамъ ихъ скоро переводятъ изъ одного разряда въ другой. Отъ души желаю вамъ скорѣе вернуться на родину.

Это вниманiе ко мнѣ смотрителя удивило меня. Обыкновенно, всегда сдержанный, молчаливый, строгiй исполнитель всѣхъ предписанiй высшаго начальства, теперь вдругъ не выдержалъ, чтобы не побесѣдовать со мной неофицiально съ глазу на глазъ, а не при свидѣтеляхъ-солдатахъ.

Когда, черезъ день, смотритель сдавалъ меня пріѣхавшему за мной офицеру, то попросилъ его не заковывать меня въ кандалы.

— Не безпокойтесь: не убѣжитъ!—прибавилъ онъ убѣжденно.

И вотъ растворились и для меня желѣзныя ворота тюремной ограды!

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ,—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ...

вспомнилось мнѣ изъ „Шильонскаго узника“.

Смотритель проводилъ меня до пристани, гдѣ поджидалъ большой баркасъ. А черезъ часъ я уже несся на почтовой тройкѣ къ Петербургу, чтобы оттуда отправиться на край свѣта, куда обыкновенно ѣдутъ со слезами и съ отчаяніемъ въ душѣ за свою судьбу. Но я ликовалъ! Да какъ и не радоваться, когда снова видишь оживленныя деревни вперемежку съ зелеными рощами и съ желтѣющими полями только что убраннаго хлѣба! Какъ не восторгаться, когда для глазъ открытъ просторъ всей земли и голубого неба! Каждую избушку, каждый кустикъ, каждую птичку привѣтствуешь какъ что-то родное, давно невиданное.

Встрѣчающіеся крестьяне удивленно смотрѣли на меня, веселаго и улыбающагося, между хмурыми солдатами, лица которыхъ въ это время казались, вѣроятно, еще строже, еще суровѣе.

Какъ все относительно на свѣтѣ!

XX.

И люди, наконецъ, пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я—давно
Считать привыкъ я за одно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ...

(*„Шильонскій узникъ“.*)

Осенью 1905 г. въ Шлиссельбургской крѣпости еще томились четырнадцать человѣкъ. Изъ нихъ двѣнадцать сидѣли въ Новой тюрьмѣ и двое—въ Старой. Черезъ четыре дня послѣ 17 октября была объявлена амнистія, которая коснулась девяти шлиссельбургскихъ старожиловъ: Н. А. Морозова, М. Ѳ. Фроленка, М. Р. Попова, П. Л. Антонова, Г. А. Лопатина, С. А. Иванова, М. В. Новорусскаго, І. Д. Лукашевича и Н. П. Стародворскаго.

Наконецъ-то пробилъ часъ освобожденія! И какъ они долго ждали его здѣсь! Трое изъ нихъ насчитали себѣ въ Шлиссельбургѣ по двадцати одному году; но никто изъ девяти не сидѣлъ въ этой тюрьмѣ меньше восемнадцати лѣтъ. А если принять во вниманіе годы заключенія, проведенные ими въ разныхъ тюрьмахъ до Шлиссельбурга, то наберется у нѣкоторыхъ болѣе четверти вѣка!

Непостижимо, ужасно, непонятно для нашего сознанія!

Лично я просидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ четыре года. Мнѣ казалось, да и теперь осталось это впечатлѣніе, что я провелъ въ одиночномъ заключеніи страшно долгій срокъ. Я самъ знаю, какъ люди „живутъ въ гробахъ“, самъ испыталъ всѣ ужасы медленнаго умиранія въ стѣнахъ шлиссельбургскаго тайника; но и я отказываюсь понять, какъ можетъ человѣкъ выдержать двадцатипятилѣтнее заточеніе. Я самъ удивляюсь этимъ людямъ и преклоняюсь предъ ихъ нравственною силою, предъ ихъ страданіями.

Страшно подумать только: четверть вѣка въ каменномъ гробу тюрьмы!

Вошли они въ нее молодыми людьми, здоровыми, сильными, цвѣтущими... А вышли—разслабленными стариками, больными, блѣдными, измученными.

Кромѣ упомянутыхъ девяти человѣкъ, въ Шлиссельбургѣ оставались еще пять заключенныхъ. Изъ нихъ трое—Карповичъ, Гершуни и Мельниковъ—сидѣли въ Новой тюрьмѣ, а Сазоновъ и Сикорскій—въ Старой.

28 октября былъ днемъ выпуска восьми шлиссельбургскихъ страдальцевъ [1]). Администрація крѣпости разрѣшила только троимъ, сидящимъ въ Новой тюрьмѣ, повидаться съ отъѣзжающими. Всѣхъ ихъ одиннадцать человѣкъ соединили вмѣстѣ въ самой большой загородкѣ для прогулокъ (въ углу двора, № 1). Гр. Ал. Гершуни сказалъ отъѣзжающимъ напутствен-

---

[1]) Девятаго, Н. П. Стародворскаго, перевезли изъ Шлиссельбурга въ С.-Петербургъ нѣсколько раньше остальныхъ.

ную рѣчь. Уѣзжающіе выражали надежду, что и остальные ихъ товарищи, остающіеся еще въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости, скоро послѣдуютъ за ними въ С.-Петербургъ.

Выходя изъ тюрьмы, освобожденные въ послѣдній разъ оглянулись на страшное зданіе и замѣтили въ его окнахъ дорогія лица оставшихся заключенныхъ, которые махали имъ вслѣдъ платками.

Одинъ изъ генераловъ, посѣтившихъ заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, сказалъ имъ: „Отсюда не выходятъ, а выносятъ—или на кладбище, или въ сумасшедшій домъ". Но вотъ 28 октября случилось невѣроятное, чудесное: заживо погребенные десятки лѣтъ тому назадъ вышли изъ своихъ каменныхъ гробовъ на свѣтъ Божій.

Освобожденныхъ повели изъ тюрьмы сперва въ канцелярію для офиціальнаго прощанія съ крѣпостной администраціей. Затѣмъ ихъ раздѣлили на двѣ группы, по четыре человѣка въ каждой, и повели на пристань. Тутъ произошло нѣчто необычное для шлиссельбургскаго острова: жандармскіе офицеры, нижніе чины, ихъ жены, дѣти, прислуга,—однимъ словомъ, все населеніе крѣпости высыпало провожать освобожденныхъ. Всѣ сразу почувствовали, что съ уходомъ этихъ послѣднихъ старожиловъ теряется все значеніе Шлиссельбургской крѣпости, ненужнымъ становятся здѣсь и всѣ они, привязанные къ острову тяжелою службою тюремщиковъ. Всѣ отлично понимали, что и тѣмъ пяти заключеннымъ, которые еще остались въ тюрьмѣ, не долго быть въ ней. Ради нихъ не станутъ содержать такой большой штатъ стражи. Нѣкоторые жандармы настолько привыкли къ уѣзжающимъ восьми узникамъ, сжились съ ними

за два десятка лѣтъ, что провожали ихъ какъ родныхъ. Одни искренно радовались ихъ освобожденію, другіе плакали отъ умиленія. Нѣкоторые жандармы даже обнимали освобожденныхъ.

— Великій день 28 октября,—восклицаетъ одинъ здѣшній ветеранъ,—день паденія Шлиссельбурга!

Пока шли освобожденные по крѣпостному двору и вдоль куртины на пристань, провожавшія ихъ группы женщинъ и мужчинъ все дальше и дальше забѣгали впередъ, чтобы лишній разъ заглянуть въ лица отъѣзжающихъ.

Н. А. Морозова, Г. А. Лопатина, М. В. Новорусскаго и І. Д. Лукашевича посадили вмѣстѣ на одинъ пароходъ, а остальныхъ—М. Ѳ. Фроленка, М. Р. Попова, П. Л. Антонова и С. А. Иванова—на другой. Все время, пока они стояли на палубѣ, имъ энергично махали на берегу платками. Но вотъ виновниковъ шлиссельбургскаго торжества попросили спуститься въ каюту. Пароходы двинулись впередъ. Обогнули крайнюю башню Головина, придержались нѣсколько лѣваго берега, въ виду города, гдѣ проходилъ фарватеръ и вышли на середину Невы.

Пассажирамъ, пока еще секретнымъ, въ это время разрѣшено было подняться снова наверхъ, на палубу. Они оглянулись на востокъ, въ сторону Шлиссельбургской крѣпости. Тамъ еще стоялъ на берегу народъ и усердно махалъ платками. Конечно, освобожденные поспѣшили тѣмъ же способомъ послать имъ свое послѣднее прости...

Черезъ два мѣсяца, 30 января 1906 г., вывезли изъ Шлиссельбургской крѣпости и остальныхъ пять человѣкъ.

Тюрьма совершенно опустѣла. Первые узники въ

нее вступили 2-го августа 1884 г., а послѣдніе— вышли изъ нея 30 января 1906 г. Слѣдовательно, вновь выстроенное зданіе въ крѣпости служило тюрьмою двадцать одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ.

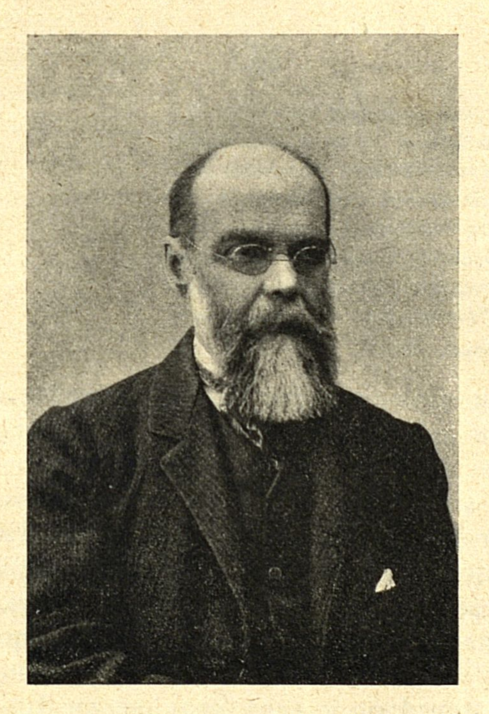
Петръ Великій писалъ Стейльсу послѣ взятія 11-го октября 1702 г. крѣпости Нотебурга, или древняго Орѣшка, переименованнаго имъ въ Шлюссельбургъ: „Правда, хотя и зѣло жестокъ сей *орѣхъ* былъ, однако, слава Богу, разгрызли; но не безъ тягости, ибо многіе наши медяные зубы отъ того испортились“. Эти слова богатыря-императора можно примѣнить и къ сидѣвшимъ въ Шлиссельбургской крѣпости по два десятка лѣтъ и теперь выпущеннымъ на свободу. Они выдержали тяжелый искусъ, разгрызли этотъ ужасный *Орѣхъ*, буквально съ порчею зубовъ отъ цынги, съ потерею здоровья и съ разстройствомъ нервовъ. Эти люди оказались въ своемъ родѣ тоже богатырями духа. Они не сдались, не вошли въ сдѣлку съ своею совѣстью,—и они побѣдили! Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на нихъ, за ними останется навсегда ореолъ мучениковъ за идею. Вѣра въ идею подкрѣпляла ихъ и давала имъ силы перенести всѣ ужасы насилія.

Не менѣе достойны памяти и тѣ страстотерпцы, которыхъ кости погребены въ пескѣ Шлиссельбурга. Иныхъ довели до могилы разныя болѣзни—неразлучные спутники тюремнаго заключенія; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе разстаться съ неволей: „свободой сталъ имъ смертный часъ“. Многихъ казнили... Нѣкоторыхъ только для того и привозили въ Шлиссельбургъ, чтобы на большомъ дворѣ Старой тюрьмы ихъ повѣсить. Разсказываютъ, когда казенный паро-

ходъ везетъ изъ С.-Петербурга приговоренныхъ къ смерти, онъ несетъ днемъ красный флагъ, а ночью—красный фонарь. Остерегая встрѣчныя суда какъ бы отъ огня или пороха, въ то же время они невольно показываютъ краснымъ флагомъ эмблему свободы, за которую присужденные проливаютъ свою кровь.

Казненныхъ тайно погребали безъ обычнаго отпѣванія около стѣнъ крѣпости.

Раньше, до сооруженія Новой тюрьмы, умершихъ узниковъ погребали на Преображенскомъ кладбищѣ, за двѣ, за три версты отъ города. Схоронили тамъ и перваго покойника Новой тюрьмы, Клименка; но чтобы скрыть могилы несчастныхъ заключенныхъ, такъ же какъ и память о нихъ, вышло распоряженіе—хоронить всѣхъ политическихъ узниковъ на островѣ. Сѣверо-восточный уголъ крѣпости исключительно сталъ мѣстомъ ихъ погребенія.

Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ.

XXI.

Я скоро на себѣ замѣтилъ, какъ трудно переживается послѣ долгой неволи такая благодѣтельная перемѣна, какъ освобожденіе. Я испытывалъ боязнь широкаго простора, уличнаго движенія и шума. Я избѣгалъ людей, большого собранія потому, что не потерялъ еще, какъ говоритъ В. Н. Фигнеръ, „вкуса къ одиночеству“.

(*М. Ю. Ашенбреннеръ.*)

Изъ освобожденныхъ 28 октября 1905 г. на самомъ дѣлѣ только одного можно назвать до нѣкоторой степени свободнымъ, всѣ же остальные, хотя и не въ тюрьмѣ, до сихъ поръ еще привязаны къ извѣстному мѣсту и находятся подъ особеннымъ надзоромъ мѣстной полиціи. Даже и тѣ, которые были освобождены изъ Шлиссельбурга въ 1904 г., пользуются правомъ передвиженія въ предѣлахъ только назначеннаго имъ мѣста жительства.

Въ концѣ марта 1906 года я посѣтилъ въ Смоленскѣ почтеннаго лѣтами Михаила Юльевича Ашенбреннера. Послѣ двадцатилѣтняго сидѣнія въ Шлиссельбургской крѣпости, казалось бы, старикъ не представляетъ ничего устрашающаго для нашего бурнаго времени. Тѣмъ не менѣе и онъ все еще въ положеніи ссыльнаго, все еще ограниченный извѣстнымъ мѣстомъ и связанный разными другими условіями.

Собственно, М. Ю. Ашенбреннеръ—единственный изъ всѣхъ шлиссельбургскихъ узниковъ, съ которымъ я былъ знакомъ до нашего ареста. Первая наша встрѣча произошла въ г. Николаевѣ весною 1882 года. Онъ тогда былъ баталіоннымъ командиромъ Прагскаго полка, въ чинѣ подполковника. Въ продолженіе того лѣта у насъ было еще нѣсколько свиданій, пока я не уѣхалъ въ С.-Петербургъ для слушанія лекцій въ Морской академіи.

Случилось намъ повидаться еще раза два-три въ февралѣ 1883 года, но это были послѣднія наши встрѣчи. Вскорѣ (въ концѣ марта) онъ, а за нимъ и я (13 августа) были арестованы, какъ участники военной организаціи.

Осенью 1884 г., одновременно со мною, онъ былъ осужденъ за пропаганду революціонныхъ идей среди офицеровъ... И вотъ, заслуженный баталіонный командиръ, извѣстный въ военной средѣ, какъ боевой офицеръ, въ пору расцвѣта своихъ силъ, заживо погребается въ стѣнахъ Шлиссельбурга.

Прошло два десятка лѣтъ, — и тогда только ему открыты были двери гроба, и мы съ удивленіемъ оглядываемъ его—какъ это онъ остался еще живъ!

Михаилъ Юльевичъ родился въ сентябрѣ 1842 г. Его дѣдъ эмигрировалъ изъ Германіи и былъ сначала преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ, а потомъ бригаднымъ командиромъ въ Омскѣ. Отецъ Михаила Юльевича тоже былъ военнымъ — полковникъ инженернаго вѣдомства, а мать (урожд. Наумова)—дочь одного изъ генераловъ-героевъ 1812 года. Сохраняя въ семьѣ военныя традиціи, родители отдали маленькаго Мишу въ первый кадетскій корпусъ въ Москвѣ, откуда въ 1860 г. онъ былъ выпущенъ въ чинѣ поручика.

Службу свою Михаилъ Юльевичъ началъ въ Москвѣ въ стрѣлковомъ баталіонѣ. Въ годину польскаго возстанія ему предложили отправиться въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ. Но Михаилъ Юльевичъ постарался уклониться отъ такой, какъ онъ выразился, несправедливой войны. Въ наказаніе за дерзкое вольномысліе начальство перевело его въ Туркестанъ, въ стрѣлковый баталіонъ. Тамъ онъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ выслужилъ майорскій чинъ и нѣсколько орденовъ съ мечами за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Изъ Туркестана его перевели въ Казань, къ тому самому начальнику, генералъ-адъютанту Глинкѣ-Маврину, который его отправилъ въ Туркестанъ. Въ Казани Михаилъ Юльевичъ заболѣлъ жестокой лихорадкой и потому въ томъ же году его назначаютъ въ Бессарабію, въ прагскій полкъ. Передъ турецкой войной 1877 г. его дивизію переводятъ въ Херсонскую губернію, и Михаилъ Юльевичъ со своимъ полкомъ попадаетъ въ г. Николаевъ. Баталіономъ онъ командовалъ двѣнадцать лѣтъ. Въ послѣднее время своей службы онъ былъ часто перемѣщаемъ изъ прагскаго полка въ люблинскій и обратно.

Въ г. Николаевѣ мнѣ случалось видѣть Михаила Юльевича среди офицеровъ его полка. Мнѣ казалось, любовь ихъ къ нему переходила чуть ли не въ обожаніе. Военные походы въ Средней Азіи выработали въ немъ хорошаго, задушевнаго товарища, готоваго за друга отдать даже жизнь свою. Открытый, прямой характеръ, какимъ отличаются старики-туркестанцы да вояки-кавказцы пятидесятыхъ годовъ, съ одной стороны, привлекалъ къ нему полковую молодежь, съ другой—возбудилъ неудоволь-

ствіе среди высшихъ чиновъ, отъ которыхъ онъ зависѣлъ по службѣ. Вслѣдствіе этого товарищи его, какъ, напримѣръ, А. Н. Куропаткинъ, дѣлившій съ нимъ свои первые походы въ Туркестанѣ, въ одномъ и томъ же стрѣлковомъ баталіонѣ, полѣзли по служебной лѣстницѣ въ гору, а онъ все еще командовалъ небольшими частями; но зато, имѣя въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, онъ могъ съ большей энергіей и съ большимъ вниманіемъ заняться военною организаціей. Съ этою цѣлью Михаилъ Юльевичъ взялъ отпускъ и предпринялъ спеціальную поѣздку по Россіи, но... одинъ изъ сотрудниковъ его, отставной артиллерійскій офицеръ, С. П. Дегаевъ, подрѣзалъ въ корень всю его работу, выдавъ полиціи самого Ашенбреннера и всѣхъ, занесенныхъ имъ въ списокъ будущей военной организаціи.

Михаила Юльевича засадили въ крѣпость на вымираніе, то-есть безъ срока. Тѣмъ не менѣе онъ не унывалъ. Однажды на прогулкѣ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, Н. А. Морозовъ передалъ мнѣ, что Михаилъ Юльевичъ живъ (раньше онъ же мнѣ говорилъ, что его казнили), кланяется мнѣ и сообщаетъ, что занимается изученіемъ иностранныхъ языковъ, такъ какъ вѣритъ—скоро насъ всѣхъ выпустятъ изъ тюрьмы, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы мы всѣ уѣхали за границу. Но это *скоро* надо было считать десятками лѣтъ.

Въ 1896 г., по коронаціонному манифесту, безсрочную каторгу Михаилу Юльевичу замѣнили срочною—на двадцать лѣтъ. Говорятъ, что когда каторжныя работы замѣняются одиночнымъ заключеніемъ, то восемь или девять мѣсяцевъ, хорошо не помню, заключенія считаются за цѣлый годъ каторги. Къ Михаилу Юльевичу не примѣнили этого расчета. И

ему пришлось отсидѣть полностью всѣ 20 лѣтъ, до сентября 1904 года.

Изъ С.-Петербурга М. Ю. Ашенбреннера везли въ родной ему Смоленскъ секретно, съ жандармами. Даже родные не могли узнать о днѣ его прiѣзда. Въ Смоленскѣ Михаилъ Юльевичъ тоже не сразу былъ отпущенъ домой. Его выдержали, кажется, нѣсколько дней въ мѣстной тюрьмѣ. И вдругъ какъ-то сразу, неожиданно ему открываютъ двери и говорятъ: „можете идти!“

Свобода! Онъ идетъ безъ охранныхъ солдатъ! Но куда же идти? Черезъ двадцать лѣтъ онъ не узнаетъ ни прежнихъ домовъ, ни прежнихъ улицъ. Къ счастью, лишь только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣчаетъ своего родного брата.

Осмотрѣвшись на родинѣ, Михаилъ Юльевичъ сначала занялся переводной работой (соч. Сореля), потомъ сталъ писать свои воспоминанiя въ мѣстномъ органѣ и въ новомъ журналѣ „Былое“. Литературная работа въ настоящее время всецѣло поглощаетъ Михаила Юльевича. Къ новымъ знакомствамъ его не тянетъ: чувствуетъ, что онъ человѣкъ другой эпохи, и многимъ, пожалуй, онъ не будетъ понятенъ. Зато тѣмъ сильнѣе его влечетъ къ старымъ друзьямъ да къ тѣмъ, съ которыми его связала на долгiе годы знаменитая Шлиссельбургская тюрьма, существовавшая какъ будто только для нихъ двадцать одинъ годъ. Къ сожалѣнiю, какъ я раньше сказалъ, Михаилъ Юльевичъ не имѣетъ права выѣзда изъ города и потому не можетъ посѣтить своихъ дорогихъ друзей. Вѣроятно, и тѣ въ свою очередь страдаютъ отъ этого новаго ограниченiя.

Пора бы дать 64-хъ лѣтнему старику полную свободу!

XXII.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ.

(*Пушкинъ.*)

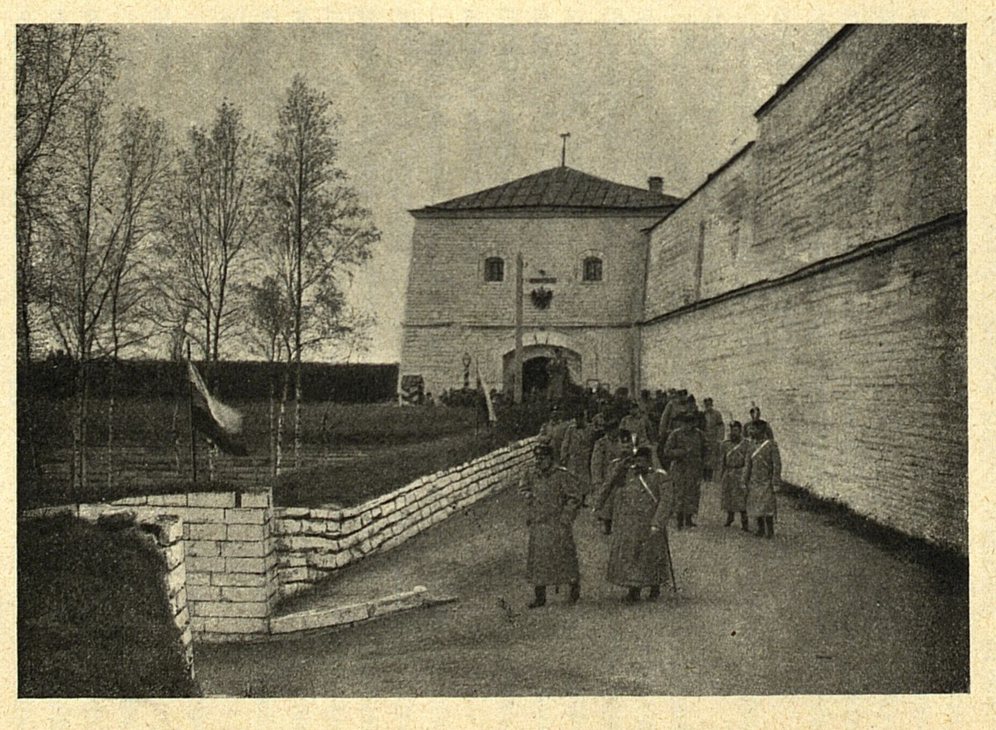
Въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 г. вдругъ разнеслась по всей Россіи вѣсть—Шлиссельбургская крѣпость и тюрьма въ ней доступны для осмотра публикѣ.

Историческій тайникъ открытъ! Столько лѣтъ тщательно скрываемое отъ глазъ народа, теперь охотно показываютъ его охранители и даже разсказываютъ, что и гдѣ происходило.

Вотъ ужъ воистину: „нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, чего не узнали бы". Прежде не позволяли писать о Шлиссельбургской крѣпости, дѣлать съ нея фотографическіе снимки, не говоря уже о посѣщеніи острова и особенно— тюрьмы.

Вернувшись съ Дальняго Востока, въ продолженіе восьми лѣтъ я ежегодно посѣщалъ городъ Шлиссельбургъ, чтобы хоть издали посмотрѣть на страшную своими воспоминаніями крѣпость. Мнѣ всегда приходилось сходить съ парохода на пристань подъ цѣлымъ рядомъ испытующихъ глазъ жандармовъ. Тогда нечего было и думать объ осмотрѣ тюрьмы, даже наружномъ.

Теперь—милости просимъ!

Государева башня со входомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Со мною отправилась жена. Она боялась за меня, полагая, что осмотръ мѣста моего бывшаго заточенія можетъ вызвать у меня тяжелыя воспоминанія, а съ ними—нервное разстройство. А я въ свою очередь боялся за нервы жены. Она уже успѣла съѣздить въ Шлиссельбургъ раньше одна и вернулась оттуда домой сильно разстроенная. Теперь она ѣдетъ со мною во второй разъ.

Итакъ, оберегая другъ друга, мы поѣхали въ опустѣвшую тюрьму.

Издали видъ Шлиссельбургской крѣпости можно назвать даже красивымъ, особенно, когда сіяютъ ея бѣловатыя стѣны на солнцѣ. На углахъ выдѣляются круглыя башни, съ конусообразными красными крышами. Изъ-за стѣны крѣпости высится зеленый куполъ церкви и высокій съ золоченымъ крестомъ шпицъ колокольни.

Мы подъѣхали вмѣстѣ съ другими спутниками къ западной сторонѣ острова. Онъ заканчивается острымъ мысомъ съ сторожевою будкой, съ шестомъ для флага, съ спасательнымъ кругомъ, то-есть со всѣми атрибутами для передового поста. Тутъ, бывало, всегда ходилъ или сидѣлъ часовой съ ружьемъ. Теперь и онъ снятъ „за ненадобностью".

Двадцать лѣтъ спустя!—мелькнуло у меня въ головѣ, когда я выходилъ на берегъ острова.

Нѣсколько шаговъ къ стѣнѣ, затѣмъ поворотъ налѣво, и мы подошли къ Государевой башнѣ съ воротами, къ единственному входу въ крѣпость. Всѣ наружныя башни въ ней круглыя, съ наглухо заложенными кирпичомъ амбразурами, а эта—Государева—квадратная въ основаніи и съ открытыми окнами. Надъ воротами входной башни крупная надпись

„Государева“, гербъ съ иниціалами императора Александра II и маленькая жестянка съ № 17, подъ которымъ эта башня значится въ спискѣ зданій на островѣ.

Красная крыша башни заканчивается острымъ шпицемъ съ вертящимся ключомъ, какъ флюгаркою. Разсказываютъ, Петръ I, взявъ приступомъ 11 октября 1702 г. крѣпость Нотебургъ, получилъ отъ коменданта ея Шлиппенбаха большой ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ. Петръ переименовалъ крѣпость въ Шлюссельбургъ („ключъ городъ“), а на шпицѣ главной башни велѣлъ поставить *ключъ* [1]). Ключъ-городъ ему открылъ двери въ рѣку Неву, въ Балтійское море, въ Европу. Но вѣдь ключъ имѣетъ двѣ стороны: имъ не только отпираютъ замки, но и запираютъ ихъ. Не указываетъ ли этотъ вертящійся ключъ надъ входной башней въ Шлиссельбургскій замокъ на его двойное значеніе? Онъ отперъ Петру замокъ Нотебургъ, съ нимъ открылъ для него дорогу на западъ, но въ то же время этотъ ключъ-замокъ держалъ здѣсь *заключенныхъ* около двухъ вѣковъ взаперти.

Два жандарма у воротъ „для порядка“ сдѣлали опросъ и пропустили внутрь крѣпости. Проходъ въ башнѣ ломался подъ прямымъ угломъ направо. Въ срединѣ его на каменной стѣнѣ виситъ въ серебряной ризѣ старинная икона Божіей Матери. На деревянныхъ створкахъ вторыхъ внутреннихъ воротъ вырѣзана надпись:

---

[1]) Въ настоящее время очень большихъ размѣровъ ключъ отъ крѣпости находится у коменданта ея, полковника Н. М. Яковлева, а на башнѣ вертится флюгарка въ видѣ ключа.

ANNO 1649
DEN 18 MAY
LESS

Она относится ко времени шведскаго владычества въ этихъ областяхъ.

Внутри башни, около иконы, небольшая дверь, выкрашенная черными косыми полосами, какъ верстовые столбы или казенныя будки. Чрезъ нее, говорятъ, можно проникнуть въ подвалъ башни.

Теперь, входя въ крѣпость, я могу не торопясь осмотрѣть всякую мелочь. Не то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, когда меня жандармы подхватили подъ мышки и бѣгомъ волокли по острову въ тюрьму! Но я всѣ подробности крѣпости оставилъ подъ конецъ осмотра. Сейчасъ у меня одно желаніе— поскорѣй взглянуть на мѣсто заключенія. У меня въ груди, чувствую, клокочетъ отъ волненія, хотя я стараюсь соблюсти внѣшнее спокойствіе.

Предо мною развернулась картина, скрываемая стѣнами крѣпости. Посреди большого мощенаго булыжникомъ двора стоитъ побѣленная каменная церковь; направо отъ нея такіе же дома офицеровъ; въ западномъ остромъ углу крѣпости, недалеко отъ воротъ, большое деревянное зданіе—манежъ; налѣво отъ воротъ, вдоль крѣпостной стѣны до цитадели, тянется длинная двухъ-ярусная казарма для нижнихъ чиновъ, съ домовою церковью св. Филиппа; такого же стариннаго типа казарма, только значительно короче, виднѣется и за офицерскими домами; въ восточной части острова — цитадель, или замокъ и тюрьма. Около церкви и въ разныхъ мѣстахъ двора деревья. Между манежомъ и комендантскимъ домомъ огражденный заборомъ большой садъ.

Изъ воротъ Государевой башни одна панель ведетъ ко входу въ церковь, другая—къ офицерскимъ домамъ и далѣе къ тюрьмѣ, куда мы и стремились главнымъ образомъ.

На линіи, гдѣ кончается зданіе церкви и послѣдній офицерскій корпусъ, по обѣ стороны отъ дороги, двѣ ограды-палисадника. Справа—такъ называемая „Братская могила“ русскихъ воиновъ преображенскаго и семеновскаго полковъ, погибшихъ при взятіи этой крѣпости (Нотебурга) 11 октября 1702 года. Слѣва—палисадникъ предъ бѣлымъ зданіемъ караульныхъ солдатъ, или кордегардіей. Въ обѣ стороны отъ „караулки“ тянется кирпичная стѣна новой постройки, отдѣляющая мѣсто собственно Государственной тюрьмы въ крѣпости.

Рядомъ съ кордегардіей желѣзныя ворота, хорошо памятныя для меня тѣмъ, что около нихъ, въ 1884 г., меня расковали, то-есть, сняли съ насъ желѣзные кандалы.

Фасадъ караульнаго дома обращенъ къ церкви. На углу его—деревянное крыльцо съ надписью: „кв. вахмистра и Управленіе“. Черезъ три окна другая дверь: „Кухня арестантовъ“. Надъ ней ярлыкъ— № 5. Далѣе по фасаду идутъ еще шесть оконъ. Сбоку зданія, въ сторону „Братской могилы“, выходятъ четыре окна, и у самыхъ тюремныхъ воротъ—дверь съ надписью: „Караульный домъ“. Около нея полосатая будка. Съ другого боку, въ сторону цитадели, деревянное крыльцо въ квартиру унтеръ-офицера.

Намъ предложили сперва осмотрѣть внутренность караульни. Въ проходной комнатѣ, съ окнами на тюремный дворъ, показали большую скамейку, раздѣленную высокими перегородками на отдѣльныя

мѣста, въ которыхъ помѣщалась бодрствующая часть дежурной команды, когда другая ея часть отдыхала на нарахъ, у противоположной стѣны. Пройдя караульную комнату между нарами и скамейкой, мы вступили въ маленькія сѣни предъ дверью на тюремный дворъ. Сюда выходила еще другая дверь изъ кухни съ большой запирающейся форточкой. Чрезъ нее подавали пищу для заключенныхъ. Заходили мы и въ кухню. Въ углу у дверей стояла большая плита съ двумя вмазанными мѣдными котлами.

Все это было, конечно, очень интересно, но я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣй увидѣть мое бывшее жилище.

Наконецъ, мы вышли на тюремный дворъ. Предъ нами, параллельно кордегардіи, тянулось красное кирпичное зданіе тюрьмы въ два яруса, съ подваломъ и съ чердакомъ. Пока отпирали замокъ, я успѣлъ оглядѣть фасадъ зданія. Посреди его—крыльцо съ деревянною дверью, окрашенною въ желтую краску. Въ лѣвую сторону отъ крыльца, въ первомъ этажѣ, я насчиталъ пять оконъ, а въ правую—шесть. Во второмъ этажѣ, подъ самой крышей, такого же размѣра—двѣнадцать. Изъ подвала выглядываютъ шесть низенькихъ растянутыхъ оконъ. На красной крышѣ торчатъ двѣ высокія желѣзныя трубы отъ водяного отопленія и слуховыя окна чердака. Эта тюрьма, называемая „Новой“, въ отличіе отъ другой — Старой, заключенной въ стѣнахъ цитадели, значится подъ № 6.

— Тутъ вѣдь все было подъ номерами,—говоритъ нашъ проводникъ.—Не только зданія или камеры, но и сами люди.

Онъ открылъ намъ дверь тюрьмы, и мы вошли въ переднюю, съ широкою каменною лѣстницею наверхъ.

Она захватывала пространство трехъ оконъ въ каждомъ ярусѣ. Прямо противъ наружной двери была двойная, очень скромныхъ размѣровъ. Одна—изъ желѣзныхъ прутьевъ, съ двумя замками и большимъ засовомъ, другая—деревянная.

Подъ лѣстницею мы замѣтили еще небольшую дверь изъ подвала.

Съ сжатымъ сердцемъ вошелъ я въ полусвѣтлый коридоръ тюрьмы, заставленный ящиками съ вещами, съ книгами и различными работами освобожденныхъ узниковъ.

На ящикахъ лежитъ скелетъ взрослаго человѣка.

— Присланъ сюда былъ по просьбѣ заключенныхъ, для изученія анатоміи,—подсказалъ проводникъ.

Черепъ и кости при входѣ въ тюрьму—подходящій символъ! Пожалуй лучше не придумаешь. Что это такое въ данное время? Эмблема ли торжествующей смерти въ стѣнахъ этой страшной тюрьмы или указаніе на поверженную смерть, на торжество воскресенія заключенныхъ изъ каменныхъ гробовъ?

Всѣ двери камеръ были открыты настежь. Можно въ любую войти и осмотрѣть. Но я поспѣшилъ подняться по винтовой лѣстницѣ въ правомъ концѣ коридора на второй этажъ, отдѣленный отъ перваго сплошною веревочною сѣткой. Взойдя на желѣзный балконъ вдоль верхнихъ камеръ восточной стороны, я остановился предъ четвертою камерою съ краю, подъ № 23, и обнажилъ свою голову какъ бы передъ храмомъ. Въ этотъ моментъ у меня было такое чувство, какъ будто двадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь находился въ заключеніи не я, а какой-то другой человѣкъ, выше меня, къ которому и я долженъ отнестись съ уваженіемъ.

Коридоръ Новой тюрьмы. Справа—входная дверь. Въ глубинѣ—винтовая лѣстница на второй этажъ.

Лишь только переступилъ порогъ, какъ, подавленный малостью кирпичной конуры, я остановился и оцѣпенѣлъ отъ изумленія.

Вѣдь сколько разъ мнѣ приходилось подробно разсказывать про эту камеру, опредѣляя ея размѣры въ четыре-пять шаговъ; и мнѣ самому казалось тогда, что такая комнатка еще сносна для жизни, съ нею кое-какъ можно мириться... И вотъ теперь сама дѣйствительность поражаетъ, ошеломляетъ меня. Почему же мнѣ не казалась эта камера такою мизерною, такимъ ужаснымъ застѣнкомъ тогда, когда меня ввели сюда въ первый разъ? Или я забылъ свои первыя впечатлѣнія? Мнѣ кажется, это можно объяснить такъ: побывавъ въ камерахъ Петропавловской крѣпости, Дома предварительнаго заключенія и другихъ домовъ С.-Петербурга, куда меня запирали во время слѣдствія и суда, вѣроятно, я успѣлъ уже привыкнуть тогда къ этимъ клѣткамъ, и переходъ изъ одного кирпичнаго ящика въ другой, большаго или меньшаго размѣра, для меня былъ дѣломъ обыкновеннымъ.

Такъ вотъ оно послѣднее слово науки тюрьмовѣдовъ: три кубическихъ сажени, а за вычетомъ задѣланныхъ кирпичомъ угловъ и желѣзной обстановки, двѣ съ дробью!

Да, безъ преувеличенія можно сказать, эта конура—*каменный гробъ*, и при томъ очень тѣсный!

Какъ разъ въ то время, когда строилась шлиссельбургская тюрьма, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ тѣ же самые инженеры, производя постройки для свободныхъ людей, назначали по пяти кубическихъ саженъ на человѣка. А здѣсь, для многолѣтняго сидѣнія заключенныхъ, совмѣстно со своею

постелью, умывальникомъ и „парашею“, нашли достаточнымъ двѣ съ дробью сажени!

Старики, строившіе тюрьмы въ Петропавловской крѣпости, куда были человѣчнѣе: въ Трубецкомъ бастіонѣ камеры вдвое, если не болѣе, шлиссельбургскихъ.

Я не могъ вынести подавляющихъ стѣнъ камеры и поспѣшно выскочилъ изъ нея.

Жена моя, „волнуясь и спѣша“, успѣла проскочить въ тюрьму первою и раньше меня побывала въ моей камерѣ. И тоже, какъ вошла она въ нее, да еще притворила за собою дверь, такъ бросилась на скамейку и зарыдала...

Я рекомендую всѣмъ тюрьмовѣдамъ испытать это чувство—посидѣть въ такой камерѣ хоть одинъ только часъ.

XXIII.

И мы удостоились свыше призванья!
Тяжелая школа, но—высшее знанье:
Чрезъ ссылку, тюрьму и горькую долю
Мы знаемъ и цѣнимъ свѣтъ правды и волю.

(*Шлиссельбуржецъ.*)

Приведя себя немного въ порядокъ, я снова вошелъ въ свою камеру, № 23, и сталъ ее осматривать вмѣстѣ съ другими посѣтителями.

За двадцать лѣтъ камера нѣсколько измѣнилась и, пожалуй, къ лучшему. Главное — гофрированныя стекла въ окнѣ, которыя были въ мое время, замѣнены обыкновенными прозрачными. Вмѣсто керосиноваго освѣщенія электрическое, хотя около стола торчитъ еще желѣзный обручъ для лампы. Во внутренней стѣнѣ, по обѣ стороны двери, сдѣланы отдушины для вентиляціи. Но вотъ что худо: оба угла камеры, ближайшіе къ двери, задѣланы кирпичами, чтобы заключенный не могъ скрываться отъ наблюдающаго глаза жандарма. Вслѣдствіе этого ватерклозетъ былъ передвинутъ ближе къ столу, и отъ камеры отняли еще два кубическихъ аршина воздуха. Вертикальный калориферъ поставленъ у двери. Желѣзная кровать, столъ и скамейка остались безъ перемѣны.

Вся обстановка камеръ, выкрашенная въ сѣрую

(шаровую) краску, поражаетъ своею мизерностью. Короткая узенькая кровать впору только для дѣтей.

— Какъ могъ такой гигантъ, какъ Лукашевичъ, умѣститься на маленькой кроваткѣ? — спрашиваю своего проводника.

— Да, у него на полъ-аршина свѣшивались ноги съ кровати.

— И никто не догадался перемѣнить для него кровать или удлинить ее?!

Вѣроятно, высокому І. Д. Лукашевичу еще труднѣе было въ тѣсной конурѣ, чѣмъ другимъ товарищамъ.

Но главное улучшеніе камеры—она перестала быть *темницею*. Видно небо, виденъ помостъ наверху стѣны, по которому ходятъ часовые. Я вскочилъ на скамейку и немного лѣвѣе окна увидѣлъ скворечницу на палкѣ. Сколько поэзіи въ одной только этой скворечницѣ!

Мы обошли всѣ камеры по порядку. Въ первомъ этажѣ, въ сѣверо-западномъ углу, то-есть отъ входа налѣво, крайняя камера числится подъ номеромъ первымъ. На каждой камерѣ синею краскою на бѣломъ фонѣ отчетливо написанъ номеръ. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ камерахъ, также синею краскою, сдѣланы надписи, опредѣляющія спеціальное назначеніе ихъ.

Въ первомъ номерѣ, мнѣ сказали, сидѣлъ Ег. Ив. Минаковъ, казненный въ 1884 г. Теперь здѣсь была мастерская.

Слѣдующая въ этомъ ряду камера, подъ № 2, занята была покойнымъ Людвигомъ Варынскимъ. На ней красуется надпись „Столярная“.

Въ № 3 сидѣлъ М. Н. Тригони, пробывшій въ Шлис-

сельбургѣ около семнадцати лѣтъ. Онъ числился въ спискѣ заключенныхъ подъ номеромъ первымъ.

Можно было подумать, что распредѣленіе номеровъ заключеннымъ было сдѣлано въ зависимости отъ того, какъ они поступали въ крѣпость или въ какомъ порядкѣ они были записаны въ тюремной книгѣ, но повтореніе номеровъ (напримѣръ, у Щедрина, а потомъ у Карповича былъ одинъ и тотъ же № 3) показываетъ, что администрація пользовалась освобожденными номерами.

Въ четвертой камерѣ сидѣлъ Яновичъ (онъ же № 23) съ 1886 по 1896 г. Его увезли въ Сибирь, гдѣ онъ и кончилъ свою тяжелую жизнь самоубійствомъ.

Въ № 5 былъ М. П. Шебалинъ (онъ же № 18?), который пробылъ въ Шлиссельбургѣ, до высылки въ Сибирь, съ 1884 г. по 1896 г. Эта камера теперь имѣетъ ярлыкъ съ надписью: „Кабинетъ Старшаго Помощника“.

Затѣмъ идутъ входныя двери и лѣстница, какъ я замѣтилъ, занимающія пространство трехъ камеръ.

Далѣе въ этомъ ряду № 6 имѣетъ теперь обстановку мастерской.

Въ № 7 былъ *музей,* собранный трудами заключенныхъ. На этой камерѣ надпись: „Микроскопическая“.

Въ № 8 — мастерская Новорусскаго, а въ № 9 — Лукашевича.

Номеромъ девятымъ этотъ рядъ камеръ кончается. На противоположной сторонѣ коридора порядокъ номеровъ идетъ отъ южнаго конца зданія къ сѣверному.

Въ юго-восточномъ углу перваго этажа камера № 10 съ надписью „Библіотека“. Здѣсь сидѣлъ не-

E

N

№ 31	№ 30	№ 29	№ 28	№ 27	№ 26	№ 25	№ 24	№ 23	№ 22	№ 21	№ 20

Б А Л К О Н Ъ.

Витая лѣстница.

Б А Л К О Н Ъ.

№ 32	№ 33	№ 34	№ 35	№ 36	Лѣстница.	№ 37	№ 38	№ 39	№ 40

S

W

Планъ новой тюрьмы. Второй этажъ.

E

№ 19 Токарная.	№ 18 Токарная.	№ 17 Переплетная.	№ 16	№ 15	Дежурная комната.	№ 14 Ванная.	№ 13	№ 12 Переплетная.	№ 11	№ 10 Библиотека.
					Входъ.					
								Витая лѣстница.		
№ 1	№ 2 Столярная.	№ 3	№ 4	№ 5 Кабинетъ старшаго помощника.	Входъ. Входъ.	Лѣстница на верхъ.	№ 6	№ 7 Микроскопическая.	№ 8	№ 9

N — S

W

Планъ новой тюрьмы. Первый этажъ.

счастный Грачевскій, пока его не перевели въ Старую тюрьму.

Слѣдующая камера въ этомъ ряду, подъ № 11, была занята Василіемъ Г. Ивановымъ (онъ же № 13), который занималъ, въ продолженіе своего долгаго пребыванія въ Шлиссельбургѣ, съ 1884—1904 г., еще другую камеру во второмъ этажѣ, подъ № 32. Въ послѣднее время камера № 11 служила второю половиною библіотеки.

Въ № 12 сидѣлъ, съ 1884 по 1896 г., Щедринъ (онъ же № 3), увезенный отсюда сумасшедшимъ въ Казань. Теперь эта камера носитъ надпись: „Переплетная“.

Въ № 13 сидѣлъ Н. А. Морозовъ (№ 4), перебывавшій за свое долгое сидѣніе въ Шлиссельбургѣ, съ 1884 г. по 1905 г., еще въ №№ 15, 18, 33 и 38.

Подъ № 14 „Ванная“. Слѣдующая камера, въ размѣрѣ двухъ номеровъ, носитъ надпись „Дежурная“. Въ мое время, т.-е. въ первые годы открытія Шлиссельбургской тюрьмы, въ этой большой камерѣ комиссія офицеровъ принимала прибывающихъ узниковъ въ крѣпость. Эта непріятная процедура сопровождалась полнымъ обыскомъ волосъ и складокъ тѣла, его медицинскимъ осмотромъ, записью особыхъ примѣтъ и переодѣваніемъ въ другой костюмъ. Здѣсь прежде стояли ванна, печь, скамья и столъ. Пользовались ванною въ присутствіи смотрителя и жандармовъ. Тутъ же они намъ стригли волосы и ногти.

Въ № 15 сидѣлъ Н. А. Морозовъ, а теперь эта камера имѣетъ видъ мастерской.

Въ № 16—цейхгаузъ.

Въ № 17 сидѣлъ М. Р. Поповъ (№ 5), который

пробылъ въ Шлиссельбургѣ съ 1884 по 1905 г. Онъ былъ еще и въ № 27. Сейчасъ камера № 17 носитъ названіе „Переплетная“.

Въ 18-мъ номерѣ былъ короткое время Н. А. Морозовъ, а въ № 19 — А. В. Буцевичъ и М. Ф. Лаговскій (онъ же № 21). Первый сидѣлъ недолго (1884—1885): умеръ отъ чахотки. Второй же попалъ сюда по административному распоряженію и просидѣлъ, вмѣсто назначеннаго одного, два пятилѣтія (1885—1895).

18 и 19 камеры имѣютъ теперь одну и ту же надпись: „Токарная“.

Первый этажъ обошли. Переходимъ на другой конецъ коридора и по витой лѣстницѣ поднимаемся наверхъ во второй этажъ.

Слѣдующій рядъ камеръ тянется съ юга на сѣверъ по восточной сторонѣ зданія. Первая камера у витой лѣстницы, № 20, была занята Буцинскимъ, умершимъ тутъ же въ тюрьмѣ; въ послѣднее время въ этомъ номерѣ ночевалъ Н. П. Стародворскій.

Камера № 21 была занята покойнымъ С. Златопольскимъ; потомъ она была мастерскою В. Н. Фигнеръ.

Въ № 22 — Похитоновъ (№ 15), сошедшій съ ума въ стѣнахъ Шлиссельбурга, а теперь, говорятъ, скончавшійся въ Николаевскомъ госпиталѣ въ С.-Петербургѣ. Въ этомъ же номерѣ сидѣлъ еще, кажется, Б. Оржихъ (онъ же № 32), привезенный въ Шлиссельбургъ въ 1888 г.

Въ № 23, послѣ меня, сидѣлъ П. Вл. Карповичъ (№ 3 bis). Онъ одинъ изъ пяти заключенныхъ, которые послѣдними оставили Шлиссельбургъ 30 января 1906 г.

Въ 24-мъ номерѣ находился покойный Ю. Н. Богдановичъ, сидѣвшій въ крѣпости съ 1884 г.

№ 25-й занималъ В. С. Панкратовъ (въ спискѣ заключенныхъ онъ числился подъ № 20), просидѣвшій здѣсь съ 1884 г. по 1898 г. Въ самое послѣднее время эту камеру занималъ Мельниковъ.

Въ слѣдующей 26-й камерѣ была заключена В. Н. Фигнеръ (по списку № 11), потомъ переведенная въ № 39. Въ Шлиссельбургѣ она просидѣла съ 1884 по 1904 г., двадцать лѣтъ. Впослѣдствіи въ этой камерѣ сидѣлъ М. В. Новорусскій (по списку № 25). До этого онъ находился въ № 8 болѣе семнадцати лѣтъ.

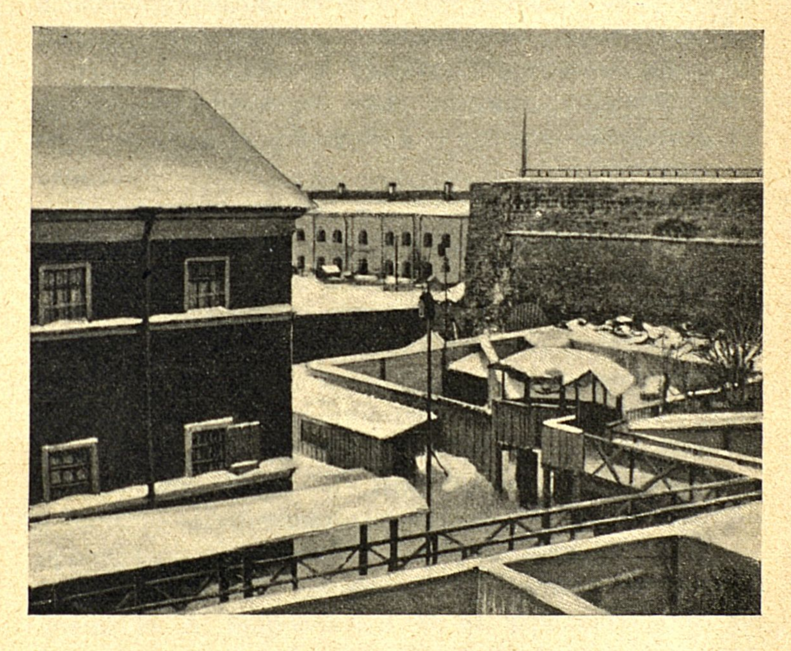
Въ № 27—С. А. Ивановъ (по списку № 28), просидѣвшій въ тюрьмѣ съ 1886 по 1905 г.

Въ № 28 — сначала покойный Арончикъ (онъ же № 7), потомъ М. Р. Поповъ.

Въ № 29 — Ив. Л. Манучаровъ (№ 22), просидѣвшій десять лѣтъ, съ 1885 по 1895 г. Въ послѣднее время—Г. А. Гершуни (въ спискѣ № 33).

Камера № 30 сперва была занята И. Н. Мышкинымъ, а потомъ — П. С. Поливановымъ (онъ же № 9). Оба они были одними изъ первыхъ насельниковъ Новой тюрьмы съ 1884 г. Мышкинъ былъ вскорѣ по пріѣздѣ казненъ въ стѣнахъ крѣпости (въ январѣ 1885 г.), а Поливановъ въ 1902 г. отправленъ въ Сибирь, откуда онъ убѣжалъ за границу. Тамъ онъ кончилъ свою страдальческую жизнь самоубійствомъ. Поливановъ сидѣлъ еще въ № 35.

Трагическая судьба этого человѣка!.. Еще можно понять самоубійство Мартынова и Яновича. Они перетерпѣли всѣ ужасы шлиссельбургскаго сидѣнія и надѣялись получить какое-либо облегченіе въ ссыл-

Сѣверо-восточный уголъ Новой тюрьмы. Клѣтки—загородки для прогулокъ. За ними—цитадель съ воротами и казарма нижнихъ чиновъ.

кѣ; но въ Сибири они встрѣтили тоже нелегкія условія жизни и потому рѣшили покончить съ собою. Поливановъ же боролся съ ужасами Алексѣевскаго равелина и шлиссельбургскаго заточенія двадцать лѣтъ, побывалъ нѣкоторое время въ Сибири и, наконецъ, вырвался на волю—убѣжалъ за границу. Пишетъ тамъ нѣсколько интересныхъ воспоминаній... и вдругъ стрѣляется! Претерпѣть столько мукъ въ продолженіе четверти вѣка, получить, наконецъ, свободу въ культурной странѣ и тутъ-то покончить съ собою!

Послѣднюю камеру въ этомъ восточномъ ряду, № 31, занималъ Карауловъ (по списку № 24?), пробывшій здѣсь съ 1884 до 1888 г. Въ ней же сидѣлъ и І. Д. Лукашевичъ (по списку № 26). Послѣдній пробылъ въ Шлиссельбургѣ съ 1887 г. по 1905 г.

Отъ этой камеры по мостику переходимъ на желѣзный балконъ, протянутый вдоль западнаго ряда камеръ. Въ сѣверо-западномъ углу тюрьмы крайняя камера подъ № 32. Въ ней сидѣли В. Г. Ивановъ, а раньше—Суровцевъ (по списку № 19). Послѣдній просидѣлъ въ тюрьмѣ съ 1884 по 1896 г.

Въ слѣдующей камерѣ, № 33, сидѣли въ разное время Н. А. Морозовъ и М. Ѳ. Фроленко (онъ же № 2). Оба они пробыли въ Шлиссельбургской тюрьмѣ съ самаго ея основанія и до конца 1905 года.

Въ № 34 сидѣла Л. А. Волкенштейнъ (№ 12), а потомъ Кобылянскій. Волкенштейнъ перевели въ № 37, гдѣ она и находилась до своего освобожденія въ 1896 г. Кобылянскій же умеръ въ стѣнахъ тюрьмы отъ болѣзни. Въ послѣднее время № 34 занималъ С. А. Ивановъ.

Въ 35-мъ номерѣ находились сначала П. С. Поли-

вановъ, а потомъ Г. А. Лопатинъ (онъ же № 27). Послѣдній пробылъ въ Шлиссельбургѣ съ 1887 по 1905 г.

Въ 36-мъ номерѣ много лѣтъ провелъ Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ (онъ же № 14). Въ первые годы своего заточенія Ашенбреннеръ сидѣлъ въ угловой камерѣ № 40. Всего же онъ высидѣлъ въ Новой тюрьмѣ двадцать лѣтъ (съ 1884 по 1904 г.). Послѣ М. Ю. Ашенбреннера эту камеру занималъ П. Вл. Карповичъ. Каменная лѣстница здѣсь дѣлаетъ перерывъ ряда, затѣмъ идутъ еще четыре послѣднія камеры.

Въ № 37 сидѣли въ разное время Л. А. Волкенштейнъ, Б. Оржихъ и Н. П. Стародворскій (онъ же № 29). Послѣдній прожилъ въ Шлиссельбургѣ съ 1887 по 1905 г.

№ 38 занималъ Н. А. Морозовъ передъ своимъ освобожденіемъ.

Въ одномъ изъ этихъ двухъ номеровъ сидѣлъ еще К. Ф. Мартыновъ (1884—1896 г.), который въ Сибири кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ № 39, съ 1884 г. по 1896 г., сидѣлъ Ѳ. Н. Юрковскій, гдѣ онъ и умеръ отъ водянки. Потомъ этотъ номеръ занимала В. Н. Фигнеръ, а послѣ ея отъѣзда – П. Л. Антоновъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ номерѣ, въ сороковомъ, послѣ М. Ю. Ашенбреннера, года два сидѣлъ П. Л. Антоновъ (онъ же № 31). Затѣмъ онъ занялъ № 39, гдѣ и прожилъ до конца своего пребыванія въ этой тюрьмѣ. Всего же Антоновъ провелъ здѣсь около двадцати лѣтъ (1885—1905 г.).

Эти послѣднія четыре камеры, въ юго-западномъ углу зданія, считались лучшими въ тюрьмѣ, потому

что окна ихъ выходили на крѣпостной дворъ и отсюда можно было слѣдить до нѣкоторой степени за внѣшнею жизнью.

Мнѣ не могли сказать, гдѣ сидѣли остальные покойные товарищи: Исаевъ, Малавскій, Геллисъ, Долгушинъ, Клименко, Игн. Ивановъ, Тихановичъ, Немоловскій и сумасшедшій Коношевичъ. Да и тѣ указанія, которыя сдѣланы мнѣ относительно выше перечисленныхъ, требуютъ провѣрки [1]).

Мы замѣтили на верхней площадкѣ каменной лѣстницы небольшую дверь сбоку.

— Это входъ на чердакъ,—предупредительно объяснили намъ.

Мы спустились въ самый низъ, къ подвальной двери. Нѣкоторые подозрѣваютъ, не скрываются ли тамъ подземные карцеры. Поэтому я далъ себѣ трудъ обойти полутемный подвалъ и внимательно осмотрѣть его. Во всю длину подвала, посрединѣ его, тянется каменная кладка, какъ разъ подъ поломъ коридора тюрьмы. По обѣ стороны ея два узкихъ прохода; они приходятся подъ сводами, на которыхъ стоятъ камеры. Въ подвалѣ я замѣтилъ только печь для водяного отопленія да складъ кокса.

— Много говорятъ про подземные ходы Шлиссельбургской крѣпости. Скажите, — спрашиваю нашего проводника,—знаете ли вы хоть одинъ подземный ходъ на островѣ?

— Самъ лично я не изслѣдовалъ, но слышалъ, что чрезъ маленькую дверь, около иконы въ про-

---

[1]) Встрѣчаются въ печати указанія, что Крыжановскій тоже былъ въ Шлиссельбургской крѣпости, но я имѣю основанія сомнѣваться въ этомъ.

ходѣ Государевой башни, можно проникнуть въ подвалъ ея, а оттуда, говорятъ, идетъ куда-то подземный ходъ. У насъ нѣтъ преданія, чтобы шведы, при взятіи Нотебурга Петромъ I, скрылись изъ крѣпости потайнымъ ходомъ. Если и есть какіе-нибудь ходы подъ землею, то всѣ они, вѣроятно, въ предѣлахъ острова, не дальше. Говорятъ еще, что Іоаннъ Антоновичъ ходилъ въ церковь св. Филиппа скрытымъ ходомъ. Но для этого не надо было зарываться въ землю. Можно и теперь пройти изъ Свѣтличной башни къ церкви коридорами казармы.

— Скажите, гдѣ же карцеры для заключенныхъ?

— Камеры Старой тюрьмы служили карцеромъ. Можетъ быть, въ Новой тюрьмѣ роль карцера исполняла камера № 19-й. Она единственная, съ основанія тюрьмы, имѣетъ окно со ставней снаружи его.

Выйдя изъ тюрьмы на воздухъ, мы увидѣли группу дѣтей на крыльцѣ. Они мило щебетали, что-то подбирая съ плитъ ступенекъ.

— Взгляните, — останавливаю я своихъ спутниковъ, — не напоминаютъ ли эти дѣти подъ окнами тюрьмы голубей предъ арестантскимъ вагономъ въ извѣстной картинѣ Ярошенка „Всюду жизнь“?

XXIV.

> Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
> Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.
>
> (*Жуковскій*).

Весь дворъ Новой тюрьмы вдоль старыхъ стѣнъ занятъ огородами заключенныхъ, они же и мѣста для ихъ прогулокъ.

Въ мое время, т.-е. въ періодъ 1884—1886 г., къ южной стѣнѣ цитадели примыкалъ прямоугольникъ, раздѣленный на шесть частей деревянными загородками по радіусамъ. Всѣ двери этихъ загороженныхъ двориковъ сходились въ центрѣ радіусовъ, гдѣ высилась сторожевая будка. Въ эти клѣточки, кромѣ кучи песку и деревянной лопаты, прежде ничего не давали. Нѣсколько позже вдоль Поперечной стѣны были выстроены новыя прямоугольныя клѣтки, обращенныя нами въ огороды. Въ послѣднее же время число огородныхъ клѣтокъ увеличено. А изъ шести прежнихъ клѣтокъ-треугольниковъ, съ снятіемъ трехъ загородокъ, образовались четыре расширенныя клѣтки, при чемъ четвертая (№ 1) занимаетъ весь уголъ двора. Отъ нея идутъ еще пять клѣтокъ (№№ 2—6) до каменной лѣстницы на Поперечную стѣну. Далѣе къ Освѣтительной башнѣ еще два огородика (№№ 7 и 8). Вдоль всѣхъ клѣтокъ на высотѣ общаго ихъ

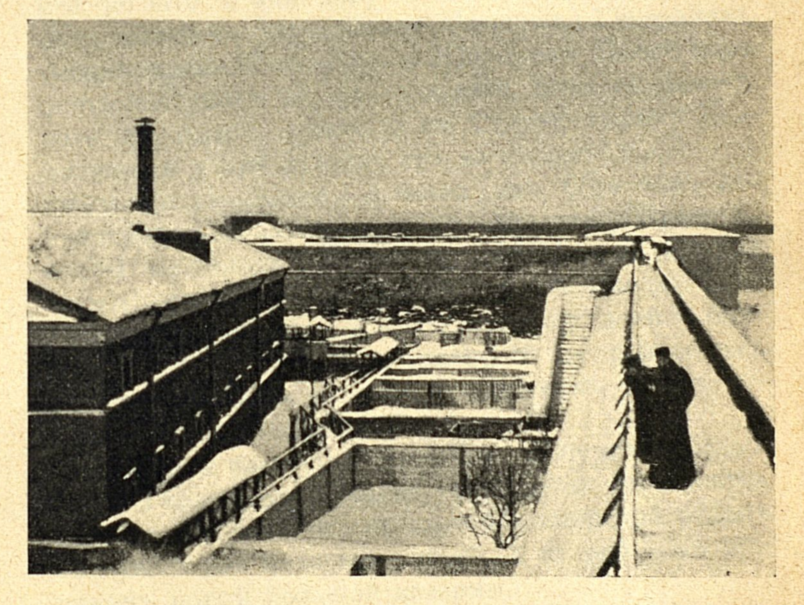
забора тянется помостъ для сторожевого жандарма. И старыя и новыя клѣтки—всѣ обращены въ цвѣтники и въ огородики.

Въ каждомъ отдѣленіи видны слѣды многолѣтнихъ трудовъ. Гдѣ растутъ ягодные кусты, гдѣ огородная зелень, гдѣ богатый цвѣтникъ. Мы вошли въ одинъ изъ огородовъ. Здѣсь были лучшіе цвѣты любителя-садовода Лукашевича. Весеннее солнце кое-гдѣ развернуло молодую зелень. Намъ предложили взять съ собою на память многолѣтніе цвѣты, посаженные руками узниковъ. Въ нѣкоторыхъ загородкахъ—парники, въ другихъ—складочныя мѣста, въ одномъ—кузница. Въ каждой клѣткѣ были дорожки, выложенныя плитнякомъ. Обращаютъ вниманіе на № 6, потому что въ немъ работала В. Н. Фигнеръ.

Разсказываютъ, что при раскапываніи земли подъ гряды и парники не мало находили старинныхъ шведскихъ монетъ. Сохранилась ли въ шлиссельбургскомъ музеѣ хоть одна старинная монетка, вырытая руками заключенныхъ?

— Теперь пойдемте въ цитадель, гдѣ находится Старая тюрьма,—приглашаетъ насъ проводникъ.

Мы прошли чрезъ большія ворота, пробитыя въ старинной стѣнѣ, и очутились въ небольшомъ квадратѣ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ подымаются высокія каменныя стѣны. Узкое одноэтажное зданіе подъ № 4—Старая тюрьма—дѣлитъ площадь квадрата на двѣ неравныя части. Ближайшая къ воротамъ называется большимъ дворомъ цитадели, другая скрываемая зданіемъ,—малымъ дворомъ. Оба они связаны съ страшными воспоминаніями. За время существованія государственной тюрьмы въ Шлиссельбургѣ съ 1884 г., въ этой цитадели казнено около десяти

Заднiй восточный фасадъ Новой тюрьмы. Огороды заключенныхъ; справа—поперечная стѣна. На заднемъ планѣ—цитадель и Королевская башня.

(

человѣкъ. Сначала здѣсь былъ разстрѣлянъ, 21 сентября 1884 г., Минаковъ, потомъ, 10 окт. 1884 г., повѣшены лейтенантъ флота, баронъ Штромбергъ и артиллерійскій офицеръ Рогачевъ. Вскорѣ, 26 января 1885 года, былъ разстрѣлянъ И. Н. Мышкинъ. Затѣмъ наступилъ небольшой періодъ затишья казней, но зато 8 мая 1887 г. одновременно повѣсили пять молодыхъ студентовъ: Ульянова, Генералова, Андреюшкина, Осипанова и Шевырева. Послѣ нихъ опять наступилъ перерывъ казней, лѣтъ на пятнадцать. Въ 1902 г. привезли въ Старую тюрьму Балмашева, и 3 мая казнили его на маломъ дворѣ, гдѣ жандармы указываютъ и могилу его. Онъ былъ послѣднимъ изъ казненныхъ въ цитадели. Вѣроятно, чтобы не дѣлать свидѣтелями сидящихъ въ Старой тюрьмѣ, троихъ послѣднихъ—Каляева, Васильева и Гершковича—повѣсили въ углу между баней и бывшей пекарней. Въ этомъ зданіи, № 13, гдѣ потомъ помѣщались лавка и кухня для нижнихъ чиновъ, сидѣли до своей казни всѣ трое.

Послѣдніе казненные въ Шлиссельбургѣ—Васильевъ и Гершковичъ — были размѣщены въ разныхъ мѣстахъ. Первый—въ столярной мастерской рядомъ съ кухней для нижнихъ чиновъ, а второй — въ пріемномъ покоѣ большой казармы.

Недавно мнѣ разсказывали о потрясающей кончинѣ, 20 августа 1905 г., двухъ юношей: Васильева и Гершковича. Бѣдный рабочій, Александръ Васильевъ, двадцати лѣтъ, застрѣлилъ околоточнаго. Его судили и, несмотря на просьбы матери Васильева и его защитника, приговорили къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Полагая, что примутъ во вниманіе его несовершеннолѣтіе, бѣдняга никакъ не ожидалъ

казни. Но когда его попросили приготовиться къ смерти, онъ сильно поблѣднѣлъ и, какъ казалось, палъ духомъ. Но вотъ приходитъ къ нему старичокъ-священникъ. Послѣ „напутствія“ и бесѣды съ нимъ Васильевъ какъ-то сразу успокоился, самъ взошелъ на помостъ и, раскланявшись на всѣ стороны, попросилъ окружающихъ простить его и помолиться за душу Александра. Эти простыя слова юноши сильно тронули присутствовавшихъ жандармовъ.

— Намъ стало стыдно, стыдно, —говорили они,— когда палачъ началъ затягивать веревку на шеѣ несчастнаго Васильева. Какъ будто мы сами участвовали въ его убіеніи. Случалось намъ видѣть, какъ казнятъ осужденныхъ, но никогда мы не чувствовали себя такъ виноватыми, какъ при казни этого, можно сказать, мальчика, простого рабочаго.

Вслѣдъ за Васильевымъ былъ казненъ еврей Гершковичъ, девятнадцати лѣтъ; но этотъ юноша еще больше поразилъ всѣхъ своимъ мужествомъ, когда онъ всходилъ на эшафотъ.

Дай Богъ, чтобы этотъ юноша былъ дѣйствительно послѣднимъ казненнымъ въ Шлиссельбургѣ, чтобы земля острова не обагрялась больше человѣческою кровью.

Послѣ казни пяти студентовъ наступило затишье съ 1887 г. по 1901 г. Цитадель пустовала [1]), и заключеннымъ въ Новой тюрьмѣ разрѣшили воспользоваться дворомъ и камерами Старой. Страшное мѣсто казни заключенные скоро обратили въ цвѣтущій садъ. Тутъ у нихъ были парники, теплички,

---

[1]) Въ концѣ 1890 г. посадили въ Старую тюрьму, кажется, одну только С. М. Гинсбургъ, которая лишила себя жизни въ 1891 г.

цвѣтники, ягодные кусты, съ десятокъ яблонь и грушъ. На этомъ же дворѣ они устроили ледникъ и сарай для круглой пилы. Въ свободныхъ камерахъ Старой тюрьмы у нихъ были различныя мастерскія. Но когда наступилъ новый періодъ борьбы революціонеровъ, пришлось Старую тюрьму очистить для новыхъ узниковъ.

Старая тюрьма—узкое одноэтажное зданіе, протянувшееся во всю длину двора—имѣетъ видъ старинныхъ каменныхъ службъ. Не даромъ у заключенныхъ она называлась „сараемъ". Разнаго размѣра окна и разнокалиберныя трубы на крышѣ какъ бы говорятъ, что постройка этого зданія производилась по частямъ въ разное время. Бѣлыя стѣны, красная крыша, елочки, рябины и яблоньки по фасаду зданія придаютъ ему скромную внѣшность и совсѣмъ не страшную. Но когда начинаешь всматриваться въ его желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, когда увидишь на дверяхъ массивные запоры и сообразишь толщину стѣнъ зданія, тогда только понимаешь, что подъ этимъ невиннымъ видомъ кроется что-то ужасное. Стоитъ лишь войти въ него, чтобы сразу почувствовать тяжелую затхлость и сырость камеръ, въ которыхъ какъ бы витаютъ еще тѣни замученныхъ и казненныхъ узниковъ.

Посрединѣ зданія входная дверь. Слѣва отъ нея по фасаду четыре окна, а справа—шесть. На крышѣ слуховыя окна чердака.

Прямо со двора мы вошли въ небольшой узкій коридоръ. Въ него выходилъ рядъ раскрытыхъ дверей древнихъ камеръ. Двѣ изъ нихъ расположены не въ общемъ ряду, а въ видѣ особыхъ пристроекъ по концамъ коридора. Я насчиталъ восемь рядовыхъ

камеръ, съ окнами на противоположный малый дворъ. Коридоръ и обѣ боковыя камеры освѣщались окнами, выходящими на большой дворъ. Камеры такого же типа, какъ и въ Новой тюрьмѣ. Развѣ онѣ будутъ нѣсколько побольше. Въ боковыхъ камерахъ (№ 1 и № 10), когда узники работали въ мастерскихъ Старой тюрьмы, обыкновенно сидѣли В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ. Имъ разрѣшалось въ это время вести переговоры съ товарищами чрезъ открытыя форточки въ дверяхъ.

Въ крайней камерѣ направо (№ 9), примыкающей къ Поперечной стѣнѣ, сжегъ себя Грачевскій. Въ ней же первое время сидѣлъ Гершуни, а напротивъ его, въ боковой (№ 10)—Сикорскій.

По разсказамъ жандармовъ, въ одной изъ боковыхъ камеръ (№ 1) Старой тюрьмы, зарѣзалась ножницами С. М. Гинсбургъ. Во № 2 сидѣлъ Чепегинъ, въ № 6—Кочура. Сазоновъ (№ 2) и Сикорскій (№ 10) здѣсь были послѣдними могиканами, съ уходомъ которыхъ, 30 января 1906 г., совершенно очистилась Государственная Шлиссельбургская тюрьма.

— Сколько же человѣкъ перебывало въ крѣпости за все время съ 1884 года?

— Шестьдесятъ шесть. Изъ нихъ человѣкъ тридцать умерли въ стѣнахъ крѣпости, считая въ томъ числѣ и тринадцать казненныхъ. Да изъ увезенныхъ отсюда многихъ уже нѣтъ въ живыхъ, иные съ ума сошли...

Тѣ два-три дня, которые пришлось мнѣ провести въ Старой тюрьмѣ въ 1886 г., передъ отправленіемъ на о. Сахалинъ, я такъ былъ взволнованъ ожиданіемъ новыхъ условій жизни, что и не позаботился тогда запомнить расположеніе камеръ. Не помню

хорошо,— въ какомъ номерѣ просидѣлъ я эти два-три дня. Кажется, въ среднемъ. Впрочемъ, обозначенія номеровъ я не замѣтилъ и въ настоящее время [1]). Если и указываю здѣсь нѣкоторые номера Старой тюрьмы, то это со словъ одного изъ товарищей по заключенію.

— Тяжело было въ ихъ заключеніи, — говорю я своимъ спутникамъ,—сознаніе, что они замурованы въ этихъ стѣнахъ навѣкъ. У нихъ потеряна была всякая надежда на освобожденіе. Помню, вскорѣ послѣ моего ареста, я полагалъ, что, продержавъ пять-шесть недѣль, меня выпустятъ изъ тюрьмы на волю. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я назначаю себя на срокъ одинъ годъ. Проходятъ годы, и меня запираютъ въ каменный гробъ Шлиссельбурга... Тутъ ужъ я бросилъ загадывать и назначать сроки.

Многіе изъ сидѣвшихъ здѣсь могутъ сказать: „Шли годы—я ихъ не считалъ“. Вздумалъ изъ насъ считать офицеръ М. Ф. Лаговскій, административно осужденный на пять лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Съ трудомъ сосчиталъ онъ назначенные ему годы. Вотъ-вотъ сейчасъ должны его выпустить... А къ нему приходятъ и объявляютъ, что срокъ его *удваивается*. Вотъ тутъ и считай!

— Да, здѣсь не только люди, но и сама Пресвятая Богородица была замурована въ стѣнѣ навѣкъ, — замѣтилъ намъ проводникъ.

Я посмотрѣлъ на него: не шутитъ ли онъ. Нѣтъ, лицо серьезное и спокойное.

— Развѣ вы не знаете,—продолжаетъ онъ,—какъ здѣшняя Казанская икона Божіей Матери, почитае-

---

[1]) Номера надъ дверями были закрашены.

мая чудотворною, была замурована новгородцами въ стѣнѣ крѣпостного храма? Около ста лѣтъ, пока городъ Орѣшекъ оставался въ рукахъ шведовъ, образъ Богоматери находился заложеннымъ въ стѣнѣ, никѣмъ невѣдомый. Только съ переходомъ крѣпости при Петрѣ I-мъ въ русское владѣніе, образъ случайно нашли и освободили его изъ-подъ штукатурки.

— Почему вы говорите случайно?

— Черезъ сто лѣтъ ни у кого изъ русскихъ не сохранилось преданія о скрытой иконѣ; но замѣчено, что одно мѣсто въ каменной стѣнѣ алтаря (бывшей шведской кирки) было постоянно влажно и на немъ не держалась штукатурка. Наконецъ, въ стѣнѣ образовалась трещина, которая и послужила главнымъ образомъ къ открытію иконы.

— Могу одно вамъ сказать: вашъ разсказъ о замурованной иконѣ хорошъ, какъ символъ, какъ указаніе на многолѣтнее заточеніе мучениковъ въ послѣдующихъ вѣкахъ.

XXV.

Родился младенецъ. Не сдѣлавъ сознательно ничего худого, ни добраго, онъ заболѣваетъ, много и долго страдаетъ и, наконецъ, умираетъ въ страшныхъ мукахъ. Зачѣмъ? Почему?—Вѣчная загадка для философовъ!

* * *

— Отсюда можно пройти въ „каменный мѣшокъ" Свѣтличной башни, въ которомъ сидѣлъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ,—приглашаетъ проводникъ меня и моихъ спутниковъ.

Насъ повели къ лѣвому концу коридора Старой тюрьмы. Тѣснымъ проходомъ между камерами № 1 и № 2 мы проникли въ дежурную комнату въ два сравнительно большихъ размѣровъ окна на передній дворъ. Изъ „дежурной" ведутъ двѣ двери. Правая—въ крошечную ванную, съ окномъ на малый дворъ, а лѣвая—въ небольшую переднюю, съ выходомъ на тотъ же потайной задній дворъ чрезъ одностворчатую дверь. Изъ передней налѣво сильно попорченная каменная лѣстница, ступеней въ восемь, ведетъ въ „каменный мѣшокъ" Іоанна Антоновича.

Мы невольно остановились въ маленькихъ сѣняхъ предъ входомъ въ историческую камеру. Вѣдь столько страшныхъ воспоминаній связано съ нею!

Проводникъ вошелъ первымъ и, при слабомъ свѣтѣ единственнаго окна направо отъ двери, сталъ вни-

мательно всматриваться въ наши лица, чтобы прочесть на нихъ впечатлѣніе отъ стариннаго тайника.

Небольшая сама по себѣ камера все-таки значительно больше каменныхъ гробовъ Новой тюрьмы. Здѣсь можно набрать, несмотря на невысокій сводчатый потолокъ, и пять кубическихъ саженъ воздуха, а не двѣ съ дробью, какъ находятъ достаточнымъ современные тюрьмовѣды. Древніе были иногда погуманнѣе новѣйшихъ.

Бѣловатыя стѣны со сводами. Полъ устланъ истертыми квадратными плитами, Амбразура низкаго окна, съ желѣзною рѣшеткою, обсѣчена грубо, неправильно.

Въ глубинѣ камеры, по преданію, находилась перегородка, за которую скрывали Іоанна Антоновича во время уборки его страшнаго жилища. Теперь этой перегородки нѣтъ, но указываютъ, какъ на слѣды ея, на два толстыхъ желѣзныхъ крюка, сохранившихся до сихъ поръ въ стѣнахъ камеры.

Сейчасъ же отъ входа налѣво изразцовая печь. Но кому-то изразцы понадобились, и на мѣстѣ ихъ зіяютъ теперь оголенные кирпичи.

Я заглянулъ въ грязное окно. Оно выходило на малый дворъ и обращено на сѣверо-востокъ, — значитъ, и солнце сюда изъ-за высокой стѣны никогда не заглядывало.

Разсматривая документы, свидѣтельствующіе о пребываніи Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургской крѣпости, несомнѣнно убѣждаешься, что онъ былъ убитъ въ цитадели крѣпости, то-есть въ томъ самомъ огороженномъ углу, гдѣ находится Свѣтличная башня, но трудно сочетать нѣкоторыя мѣста описанія съ положеніемъ „каменнаго мѣшка" въ настоящее время.

Изъ инструкціи А. Ив. Шувалова приставамъ Іоанна Антоновича можно заключить, что онъ былъ посаженъ не въ башню, а *въ казарму,* въ которой помѣщалась и стража его. Это отчасти подтверждается и донесеніемъ тюремщика, капитана Овцына, въ маѣ 1759 г. Онъ между прочимъ писалъ:

„... кто (изъ солдатъ стражи) въ постели лежа повернется или ногу переложитъ, за то (Іоаннъ Антоновичъ) сердится... приходилъ разъ къ подпоручику, чтобъ его бить; и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять, и ежели не уйму, то онъ станетъ бить.... ежели въ сѣняхъ и на галлереѣ часовой стукнетъ или кашлянетъ, за то сердится...“

Въ другомъ, іюньскомъ, донесеніи онъ пишетъ:

„... садился (Іоаннъ Антоновичъ) на окно: я опасенъ, чтобы, разбивъ стекло, не бросился вонъ...“

Значитъ, окно было безъ желѣзной рѣшетки; тогда какъ въ окнѣ каменнаго мѣшка Свѣтличной башни до сихъ поръ сохранилась грубой работы старинная рѣшетка изъ толстыхъ полосъ желѣза. Необъяснимо тоже, какъ могъ Іоаннъ Антоновичъ слышать ворочанье солдатъ въ постели или какъ могъ онъ придти къ подпоручику, если онъ сидитъ подъ замкомъ въ каменномъ мѣшкѣ.

Вообще осмотръ каменнаго мѣшка Свѣтличной башни вызываетъ много вопросовъ, какъ жилище узника-императора.

Странная судьба этого несчастнаго императора, котораго современники (см. монеты и медали 1740—1741 г.) называли Іоанномъ Третьимъ, а мы считаемъ Шестымъ! Двухмѣсячнымъ младенцемъ онъ былъ объявленъ Россійскимъ императоромъ 17 октября 1740 года и считался имъ четыреста четыре дня, до

извѣстнаго переворота 25 ноября 1741 года. Разсказываютъ, Елисавета Петровна, лично арестовавъ правительницу Анну Леопольдовну, взяла ея сына, младенца-императора, въ свои сани. По дорогѣ народные крики *ура* развеселили ребенка; онъ сталъ подпрыгивать, махать ручонками, подражая этимъ крикамъ. „Бѣдняжка, — произнесла тронутая Елизавета, — ты не знаешь, что эти клики лишаютъ тебя короны!“

Сначала малютку-императора, вмѣстѣ съ его родителями, 12 декабря 1741 г., отправили было за границу. Но уже 9 января 1742 г. ихъ задержали и заточили въ рижскую цитадель. Впрочемъ, тутъ они пробыли недолго. Въ концѣ того же года (13 декабря), несчастное брауншвейгское семейство перевезли въ крѣпость Дюнамюнде. Пробывъ здѣсь немного болѣе года, имъ пришлось въ 1744 переѣхать въ г. Раненбургъ, Рязанской губерніи. Но и въ центрѣ Россіи ихъ не оставили въ покоѣ. Въ концѣ лѣта того же 1744 г. было поручено барону Н. А. Корфу перевезти все семейство въ Соловецкій монастырь. Баронъ, жалѣя грудныхъ младенцевъ (тогда у Анны Леопольдовны, кромѣ сына Іоанна Антоновча, были еще двѣ дочери, Екатерина и Елисавета) старался дорогою оказать злополучному семейству возможное вниманіе. Онъ даже осмѣлился ходатайствовать, чтобы не посылали ихъ въ Соловецкій монастырь; но въ этомъ ему отказали. Однако осеннее бездорожье волей-неволей заставило ихъ 9 ноября 1744 г. временно остановиться на зиму въ Холмогорахъ. Императрица Елисавета потомъ согласилась оставить здѣсь семейство брауншвейгскаго принца на постоянное жительство.

Непрерывное передвиженіе несчастнаго семейства изъ одного конца Россіи въ другой объясняютъ желаніемъ правительства скрыть отъ народа мѣстопребываніе сверженнаго императора.

Но и въ Холмогорахъ его не оставили въ покоѣ. Императоръ-юноша еще болѣе внушалъ опасеніе государынѣ, и потому его прячутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1756 г.

27 февраля 1746 г. бывшая правительница, Анна Леопольдовна, родила пятаго ребенка, Алексѣя, и вскорѣ умерла отъ родильной горячки. Такимъ образомъ первый ея ребенокъ, императоръ Іоаннъ Антоновичъ, на шестомъ году своей несчастной жизни лишается родной матери. И не только матери, но и отца, и всего семейства. Несмотря на то, что живетъ рядомъ съ отцомъ въ Холмогорахъ, онъ былъ совершенно изолированъ отъ него. Они, по инструкціи, не должны были даже видѣть другъ друга. Въ Холмогорахъ Іоаннъ Антоновичъ прожилъ около двѣнадцати лѣтъ. Кто занимался въ это время его воспитаніемъ, да и занимались ли съ нимъ, у насъ не сохранилось документальныхъ данныхъ.

Г. П. Данилевскому удалось ознакомиться съ офиціальнымъ документомъ большой важности. Онъ называется „Формуляръ Шлиссельбургской крѣпости“. Въ немъ онъ нашелъ въ точности обозначеннымъ время (1756 годъ) „прибытія въ Шлиссельбургскую крѣпость брауншвейгъ-люнебургскаго принца Іоанна Антоновича“. Слѣдовательно царственному юношѣ было тогда шестнадцать лѣтъ.

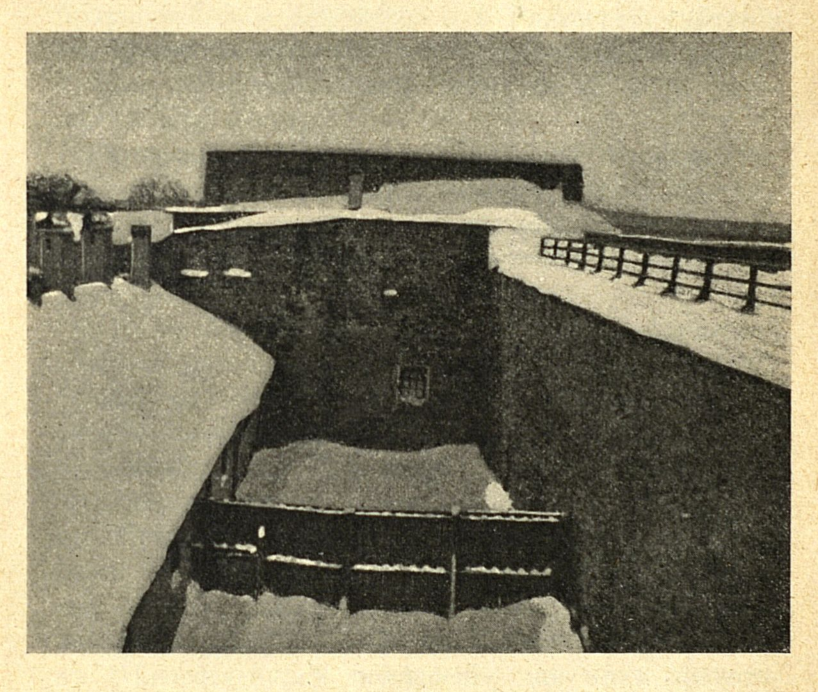
Въ томъ же „Формулярѣ Шлиссельбургской крѣпости“, подъ 1762 годомъ, Данилевскій нашелъ слѣдующую отмѣтку коменданта того времени: „18 мар-

та (1762 г.) изволилъ посѣтить эту крѣпость государь императоръ Петръ III“.

Знаменательная картина: два россійскихъ императора въ цитадели Шлиссельбургской крѣпости! Два представителя двухъ враждующихъ линій царствующаго дома! Одинъ—правнукъ царя Іоанна V, родившагося отъ Маріи Милославской; другой—внукъ императора Петра I, сына Наталіи Нарышкиной. Борьба Милославскихъ и Нарышкиныхъ, проявленная извѣстнымъ бунтомъ стрѣльцовъ 15 мая 1682 года, отразилось въ лицѣ Анны Леопольдовны и Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 г. Императрица Елисавета въ продолженіе всего своего царствованія продержала въ заточеніи Іоанна Антоновича, потомка Іоанна V-го, а изъ-за границы выписала голштинскаго принца Карла-Ульриха, чтобы закрѣпить русскій престолъ за своимъ родомъ. И вотъ этотъ принцъ, подъ именемъ Петра III, посѣщаетъ въ Шлиссельбургѣ своего соперника въ 1762 году.

Государя сопровождали любимый его генералъ-адъютантъ, баронъ Карлъ Карловичъ Унгернъ-Штернбергъ, петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, добродушный старикъ, Николай Андреевичъ Корфъ, щеголеватый оберъ-шталмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ и тайный государевъ секретарь, Дмитрій Васильевичъ Волковъ. Они замѣтили, что единственное окно, заставленное снаружи дровами, плохо освѣщаетъ небольшую камеру, аршинъ десять длиною и пять шириною. Постель, также какъ и платье свое, Іоаннъ Антоновичъ содержалъ въ порядкѣ и опрятно. Посѣтителей поразила еще особенная бѣлизна его кожи.

На вопросъ Петра III, почему Іоаннъ Антоновичъ

Малый дворъ цитадели между Старою тюрьмою и внѣшнею стѣною крѣпости. Свѣтличная башня съ окномъ изъ „каменнаго мѣшка“ Іоанна Антоновича.

воображаетъ себя императоромъ и кто внушилъ ему эту мысль, онъ отвѣчалъ, что знаетъ объ этомъ отъ своихъ родителей и отъ солдатъ.

Въ разговорѣ, говорятъ, государь упомянулъ про Н. А. Корфа, которому поручено было перевезти браунщвейгское семейство изъ Рязанской губерніи въ Архангельскую. При этомъ воспоминаніи старикъ Корфъ, присутствовавшій тутъ же, не могъ удержаться отъ слезъ.

Разсказываютъ еще, на разрѣшеніе государя попросить у него какой-либо милости, Іоаннъ Антоновичъ робко, а можетъ быть и гордо, какъ Діогенъ у Александра Македонскаго, попросилъ побольше солнечнаго свѣта и *свѣжаго воздуха*.

Это посѣщеніе родственнаго узника произвело сильное впечатлѣніе на Петра III. Онъ рѣшилъ освободить его изъ Шлиссельбурга; а въ то же время, „чтобы вступить въ бракъ съ графинею Воронцовою, намѣревался развестись съ императрицею Екатериною и вслѣдствіе того заключить и мать и сына въ Шлюссельбургъ на всю жизнь. Съ этою цѣлью былъ уже составленъ манифестъ, и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына начался переворотъ... До сихъ поръ можно видѣть въ Шлюссельбургѣ помѣщеніе, для нихъ приготовленное“ [1]).

На какое зданіе намекаетъ разсказчикъ? Теперь это трудно сказать.

Послѣ переворота 28—30 іюня 1762 г. Петра III перевезли въ Ропшу, имѣя въ виду заключить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Екатерина II сама

---

[1]) По разсказамъ Саблукова. См. „Р. Арх.“ 1869, стр. 1890 и 1891.

извѣщала письмомъ Понятовскаго объ отправленіи арестованнаго императора въ Ропшу, „tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlysselbourg".

Въ этотъ періодъ Шлиссельбургская крѣпость становится складочнымъ мѣстомъ сверженныхъ правителей Россійской имперіи. Правительница Анна Леопольдовна именемъ императора Іоанна Антоновича ссылаетъ въ Шлиссельбургъ правителя Бирона. Императрица Елисавета посылаетъ туда же Іоанна Антоновича. Петръ III готовитъ тамъ мѣсто для Екатерины II, а Екатерина II — для Петра III. Вопросъ стоялъ только въ томъ—кто скорѣй это сдѣлаетъ.

Тотчасъ послѣ вступленія на престолъ, Екатерина II сдѣлала распоряженіе о переводѣ Іоанна Антоновича изъ Шлиссельбурга въ Кексгольмъ, „а въ Шлиссельбургѣ, въ самой оной крѣпости, очистить внутренней крѣпости (т.-е. въ цитадели?) самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ по лучшей опрятности, оные". Очевидно, эти комнаты были нужны для Петра Ѳеодоровича, замѣчаетъ историкъ А. Брикнеръ.

Іоанна Антоновича перевезли въ Кексгольмъ, но, вскорѣ послѣ кончины Петра III, его снова возвратили въ Шлиссельбургъ.

Судьба двухъ россійскихъ императоровъ, двухъ нѣмецкихъ принцевъ, Іоанна VI и Петра III, роковымъ образомъ связана между собою. Оба они недолго царствовали и оба свергнуты съ престола женщинами. Петръ ѣдетъ въ Шлиссельбургъ на свиданіе съ Іоанномъ и хочетъ его освободить. Но... не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ самому Петру назначено было шлиссельбургское заточеніе. Только

смерть его избавила Шлиссельбургъ отъ второго узника-императора. Въ самой кончинѣ ихъ было что-то роковое. Оба они были убиты въ одно и то же число одного и того же мѣсяца, 5 іюля, одинъ послѣ другого ровно черезъ два года.

Нѣкоторые изслѣдователи русской старины полагаютъ, что императрица Екатерина II также поинтересовалась увидѣть „несчастно-рожденнаго", какъ она называла Іоанна Антоновича, чтобы лично убѣдиться, что онъ не опасный претендентъ на россійскій престолъ. Но когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ происходило это свиданіе?—рядъ вопросовъ, вызывающій болѣе подробное разъясненіе и болѣе вѣскія доказательства самаго факта свиданія.

Относительно умственнаго развитія Іоанна Антоновича и его грамотности мнѣнія разнорѣчивы. Приставленный къ нему капитанъ Овцынъ все время сомнѣвается, „воистину ль онъ въ умѣ помѣшался и притворничествуетъ... Опасаюсь, чтобы не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ не помѣшался, однако жъ весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ Евангеліемъ, Апостоломъ, Минеею, Прологомъ, Маргаритою и прочими книгами, сказываетъ въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святого пишется". Въ публикѣ же, которая, вѣроятно, не знала точно о мѣстопребываніи Іоанна Антоновича, ходили слухи другого характера. „Говорили о его красотѣ и любезности, о его талантахъ и о нравственномъ величіи, съ которымъ онъ переноситъ свою судьбу, о ясности, съ которою онъ размышляетъ о своемъ положеніи".

Одно то несомнѣнно, что въ одиночествѣ Іоаннъ

Антоновичъ сдѣлался мистикомъ и, кажется, много молился.

Овцынъ доноситъ: „...когда я говорилъ ему, что напрасно сердится, чѣмъ прогнѣвляетъ Бога и много себѣ худа сдѣлаетъ, на что говоритъ: ежели бъ онъ жилъ съ монахами въ монастырѣ, то бы не сердился: тамъ еретиковъ нѣтъ; и часто смѣется, только весьма скрытно".

Другіе приставники Іоанна Антоновича послѣ его кончины показали:

„...безпрестанно самъ вопросы себѣ чиня и отвѣтствуя, говорилъ такія коловратныя слова, что всякому человѣку себя вообразить трудно, объявляя по часту о себѣ, что онъ необыкновеннаго и преимущественнаго предъ нами и прочими людьми сложенія состоитъ, и что тѣло его есть принца Іоанна, назначеннаго предъ симъ императоромъ россійскимъ, который уже издавна отъ міра отошелъ, а самымъ дѣломъ онъ есть небесный духъ, а именно—св. Григорій [1]), который на себя принялъ образъ и тѣло Іоанна. Сказывалъ, что онъ часто въ небѣ бываетъ, что произносимыя нами слова и изнутри исходящій духъ—нечистый и огненный состоитъ [2]), называлъ еретиками и опорочивалъ насъ въ томъ, что какъ мы другъ предъ другомъ, такъ и предъ образами святыми поклоняемся, — симъ мерзость и непотребство наше оказывается; а небесные де духи, изъ числа коихъ и онъ, никому поклоняться не могутъ".

---

[1]) Приказано называть его Григоріемъ при высылкѣ въ Архангельскую губернію.

[2]) Вѣроятно, намекъ на куреніе табака. Іоаннъ Антоновичъ жаловался Овцыну, что „его портятъ дутьемъ, пусканьемъ изо рта огня и дыма". Самъ Овцынъ признается въ рапортѣ, что стража его „нарочно раздражаетъ".

Находясь съ дѣтства подъ надзоромъ солдатъ и офицеровъ, конечно, онъ имѣлъ самое скудное воспитаніе. Къ тому же онъ былъ косноязыченъ и своимъ поведеніемъ иногда давалъ поводъ подозрѣвать его въ помѣшательствѣ.

Еще въ январѣ 1762 года было предписано приставу Іоанна Антоновича, капитану гвардіи, князю Чурмантѣеву: „Буде, сверхъ нашего чаянія, кто бъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живого въ руки не отдавать".

При Екатеринѣ II новымъ приставникамъ-офицерамъ, Власьеву и Чекину, графъ Панинъ даетъ подобную же инструкцію и приказываетъ замѣнить арестанту имя: вмѣсто *Григорій* (съ 1744 г.) называть его *Гервасій.*

Эту жестокую инструкцію пришлось примѣнить очень скоро.

Въ іюлѣ 1764 г. на недѣльномъ караулѣ въ Шлиссельбургской крѣпости стоялъ подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, Василій Яковлевичъ Мировичъ. На разсвѣтѣ 5 іюля онъ поднялъ на ноги караулъ и повелъ его въ цитадель для освобожденія бывшаго императора Іоанна Антоновича. Но пристава царственнаго узника, капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, поспѣшили выполнить требованія страшной инструкціи, напали на спящаго узника и, послѣ нѣкоторой борьбы, зарубили его.

Такъ погибъ несчастный императоръ на 24-мъ году своей ужасной жизни. За одинъ годъ считаться государемъ онъ провелъ двадцать три года въ заключеніи, въ томъ числѣ восемь лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

XXVI.

> Чего-чего не было за это время! И настроеніе христіанской мученицы, готовой все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клѣтку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неутолимаго желанія свободы....
>
> (*В. Н. Фигнеръ*).

„Каменный мѣшокъ“ Іоанна Антоновича не соединяется ни съ верхнею „свѣтлицею“, ни съ подваломъ. Надо было выйти опять на большой дворъ и снова пройти въ башню особымъ входомъ.

Проходя Старою тюрьмою, мы заглянули на заднiй малый дворъ. Онъ былъ разгороженъ деревяннымъ заборомъ на двѣ половины, чтобы можно было одновременно гулять двоимъ заключеннымъ. Выпускали, конечно, поочередно. Сперва одного черезъ калитку въ заборѣ пропускали во вторую половину, ближе къ Королевской башнѣ, гдѣ указываютъ (въ десяти шагахъ отъ башни) могилу казненнаго Балмашева; а затѣмъ выпускали другого въ первую половину.

Выйдя на большой дворъ по другую сторону тюрьмы, проводникъ попросилъ насъ подождать немного, пока онъ сходитъ за свѣчой и спичками. Въ ожиданіи его мы разбрелись по всему двору. Одни осматривали фруктовыя деревья, насаженныя рядами, дру-

гіе копались въ заброшенныхъ грядахъ. Кто-то нашелъ глиняную реторту съ двумя горлышками.

— Не перегонный ли сосудъ для водки?—догадывается одинъ изъ спутниковъ.—Вѣдь одно время они гнали водку изъ изюма.

— Нѣтъ. Для водки они дѣлали перегонный кубъ изъ жести. Эта реторта была у нихъ для кислотъ во время химическихъ опытовъ.

Я обратилъ вниманіе на арки двухъ воротъ. На старыхъ, теперь заложенныхъ, недалеко отъ Свѣтличной башни, сохранилась арка изъ камня. На новыхъ же воротахъ, недавно пробитыхъ по направленію къ новой тюрьмѣ, арка сдѣлана изъ кирпича. Эта разница—лучшій показатель, которыя ворота древнѣе. Очевидно, чрезъ заложенныя ворота проходилъ не каналъ, какъ объясняютъ нѣкоторые, а путь къ подъемному мосту черезъ каналъ, омывающій стѣны кругомъ цитадели.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ сталъ рисовать фасадъ Старой тюрьмы.

— Какое множество трубъ на такомъ маломъ зданіи!—замѣтилъ онъ намъ.—Это показываетъ, сколько здѣсь нужно затратить топлива, чтобы бороться въ каменныхъ стѣнахъ съ холодомъ и съ сыростью.

Наконецъ, показался проводникъ и пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ въ верхнюю часть Свѣтличной башни.

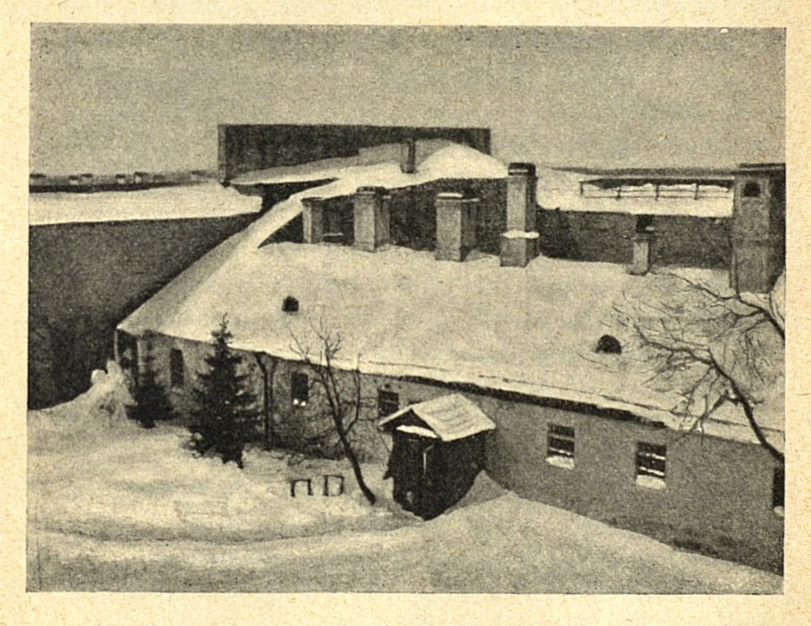
Мы подошли къ деревяннымъ дверямъ на лѣвомъ концѣ Старой тюрьмы. Когда намъ открыли ихъ, мы увидѣли предъ собою широкую каменную лѣстницу, и только. Справа прикасалось къ ней зданіе тюрьмы, слѣва было продолженіе западной стѣны цитадели.

— Пожалуйста, осторожнѣе,—упрашиваетъ нашъ

проводникъ, освѣщая въ темнотѣ искрошившіяся ступеньки лѣстницы. Я ихъ насчиталъ около двухъ дюжинъ и вышелъ на небольшую площадку. Лѣстница еще продолжалась все по одному и тому же направленію прямо вверхъ и упиралась въ крышу. Справа была небольшая дверь на чердакъ тюрьмы. Наверху подъ крышей, на правой стѣнѣ лѣстницы, видны заложенныя окна, выходящія поверхъ Старой тюрьмы. Они или освѣщали лѣстницу, или же здѣсь наверху находилась одна изъ комнатъ башни. Мы прошли съ площадки налѣво въ небольшую переднюю, а изъ нея направо, въ большую комнату Бирона, какъ ее здѣсь называютъ. Прямо передъ дверью, на противоположной стѣнѣ, видны три окна, заложенныя кирпичомъ. Они когда-то выходили на Неву. Полъ деревянный, но мѣстами половыя доски сгнили и исчезли. Ходить трудно и опасно. Потолкомъ служитъ крыша башни.

Изъ этой комнаты налѣво есть дверь съ лѣстницею куда-то внизъ. Я спустился на нѣсколько ступеней, пока не подошелъ къ обрыву. Что тамъ внизу? Неизвѣстно. И главное—никто изъ здѣшнихъ обывателей не интересовался изслѣдовать историческіе тайники. Если и лазили въ подвалы башенъ, то съ цѣлью найти кубышку съ деньгами. О зарытомъ въ землѣ кладѣ—много разговоровъ у шлиссельбургскихъ жителей. Комната Бирона значительно больше „каменнаго мѣшка“ Іоанна Антоновича и вполнѣ отвѣчаетъ нашему представленію о горницѣ-свѣтлицѣ, если открыть въ ней окна.

Преданіе связываетъ это помѣщеніе съ памятью многихъ важныхъ арестантовъ XVIII вѣка. Не опровергая этихъ преданій, я подумалъ только: а что

Большой дворъ цитадели. Старая тюрьма, за нею Свѣтличная башня.

если бы отъ всей крѣпости осталась одна какая-нибудь башня,—навѣрно съ нею бы связали всѣхъ узниковъ, какіе только были въ Шлиссельбургѣ на протяженіи двухъ вѣковъ. Но этого мало. Здѣшніе проводники укажутъ вамъ рядъ лицъ, начиная съ знаменитаго князя-правителя А. Д. Меншикова и кончая Каракозовымъ, о которыхъ вы и не подозрѣвали, что они были заключены въ Шлиссельбургской крѣпости.

Несомнѣнно, что курляндскій герцогъ Биронъ послѣ ареста 8 ноября 1740 г., по распоряженію новой правительницы Анны Леопольдовны, со всѣмъ семействомъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и провелъ до іюля 1741 года, пока надъ нимъ производилось слѣдствіе. Сенатъ приговорилъ бывшаго правителя Россійской имперіи къ смертной казни, но Анна Леопольдовна замѣнила ее ссылкою въ сибирскій городъ Пелымъ.

Полагаютъ, что Биронъ сидѣлъ въ верхней комнатѣ Свѣтличной башни. Если въ то время въ цитадели была только одна эта внутренняя башня, то предположеніе очень основательное.

Около этого времени, въ 1739 г., были привезены въ Шлиссельбургскую крѣпость изъ Березова ссыльный князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ и его дяди—князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ Долгоруковы. Всѣ они были подвергнуты пыткамъ и затѣмъ казнены 8 ноября 1739 года. Но гдѣ они сидѣли въ Шлиссельбургской крѣпости, преданіе молчитъ.

Замѣчательно, ровно черезъ годъ, въ роковое 8-е ноября, виновникъ ихъ пытокъ и казни, герцогъ Биронъ, былъ самъ арестованъ и брошенъ въ ту же самую Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ исторіи XVIII вѣка натыкаешься, напримѣръ, на такія сообщенія:

Въ 1771 году одинъ купецъ, Алексѣй Смолинъ, обратился къ Екатеринѣ II съ посланіемъ, которымъ упрекалъ императрицу главнымъ образомъ за отобраніе монастырскихъ имуществъ и за многое другое, что въ глазахъ благочестиваго купца считалось недостойнымъ. По приказанію Екатерины Смолина заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость на пять лѣтъ.

Въ „Каменномъ мѣшкѣ“ Іоанна Антоновича, полагаютъ, томился и благородный поборникъ просвѣщенія, Николай Ивановичъ Новиковъ, посаженный туда Екатериною II въ 1792 г. на пятнадцать лѣтъ; но со смертью императрицы въ 1796 г. онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости Павломъ I.

Современникъ Новикова, поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ, за свои рукописи и проекты государственныхъ реформъ былъ осужденъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Вскорѣ онъ снова былъ судимъ за найденную рукопись, въ которой было сказано: „Весьма разумно Іисуса Христа признать монархомъ всего рода человѣческаго и изъ Его ученія вѣрное составить Уложеніе“ [1]). По Высочайшему повелѣнію 25 декабря 1794 г. секретнаго арестанта Ѳедора Кречетова, привезли въ Шлиссельбургъ и помѣстили въ верхнемъ этажѣ, въ камерѣ № 5, гдѣ и держали его *наикрѣпчайше*, какъ предписано, шесть лѣтъ, до восшествія на престолъ Александра I, въ 1801 году.

Указаніе на верхній этажъ даетъ намъ основаніе

---

[1]) См. „Былое“ 1906 г., апрѣль.

предполагать, что Кречетовъ былъ заключенъ въ одной изъ казармъ-казематовъ крѣпости.

Кромѣ „государственныхъ преступниковъ“, въ Шлиссельбургскомъ тайникѣ не мало томилось и религіозныхъ, о которыхъ свѣдѣнія еще слабѣе. Имена же ихъ „Ты, Господи, вѣси“!

Извѣстно, напримѣръ, что въ Шлиссельбургѣ въ ночь на 6 января 1799 г. скончался Александръ Ивановичъ Шиловъ, послѣдователь Кондратія Селиванова.

Особенно много содержалось „религіозныхъ преступниковъ“ въ шлиссельбургскомъ замкѣ при Николаѣ I. Попадали сюда и старообрядцы за самыя невинныя вещи, напримѣръ, за провозъ черезъ границу освященнаго мира.

Изъ декабристовъ сидѣли въ Шлиссельбургской крѣпости два брата, Николай Александровичъ и Михаилъ Александровичъ Бестужевы. Извѣстный революціонный дѣятель, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, тоже отдалъ дань нашему Шильонскому замку, съ 1854—1857 г.

Называютъ какъ шлиссельбургскихъ узниковъ: основателя харьковскаго университета Каразина, гр. Ф. Раевскаго, Соколовскаго, Тюрина, Вас. Критскаго, Ибоева, Олейничука и многихъ другихъ, о которыхъ мы мало знаемъ. Понемногу тайны Шлиссельбурга раскрываются, и надо надѣяться, что скоро предстанутъ предъ нами полные списки мучениковъ за идею.

Недавно изъ-за могильнаго застѣнка на свѣтъ Божій выкопали имя Семена Никитича Олейничука [1]). Этотъ вольноотпущенный крестьянинъ по окончаніи

[1]) См. „Былое“ 1906 г., № 4.

гимназическаго курса былъ первое время учителемъ, а затѣмъ пустился странствовать, пока его не арестовали и не запрятали въ тюрьму за вредныя мысли, высказанныя въ его рукописномъ сочиненіи. Собственно, Олейничукъ, хорошо знакомый съ бытомъ Малороссіи, возмущался видѣнными имъ ужасами крѣпостного права. По Высочайшему повелѣнію Олейничука доставили въ Шлиссельбургскую крѣпость 17 декабря 1849 г., гдѣ онъ и умеръ, послѣ долговременной болѣзни, 27 іюля 1852 года, на 54-мъ году жизни.

Изъ офиціальной переписки о немъ мы узнаемъ, что арестантовъ тогда заключали „въ секретномъ замкѣ или въ другихъ крѣпостныхъ казематахъ". При обозрѣніи современной Шлиссельбугской крѣпости я еще встрѣтилъ старожила, который цитадель называлъ по старой памяти „секретомъ". Въ цитадель, или въ секретный замокъ, сажали наиболѣе важныхъ арестантовъ (къ нимъ былъ причисленъ и Олейничукъ, подъ № 11), остальныхъ же держали, вѣроятно, въ существующихъ до сихъ поръ двухъ казармахъ (№№ 15 и 7), примыкающихъ къ сѣверозападной и юго-восточной стѣнамъ крѣпости.

Въ 1869 г. въ Шлиссельбургской крѣпости упразднена была тюрьма для преступниковъ противъ вѣры и государства. Ее обратили въ военно-исправительныя арестантскія роты.

Въ 1879 г. новое измѣненіе: вмѣсто арестантскихъ ротъ — дисциплинарный баталіонъ. Но не прошло трехъ лѣтъ, какъ рѣшено крѣпость повернуть на старое, т.-е. опять устроить въ ней тюрьму для болѣе важныхъ государственныхъ преступниковъ.

Оглядываясь назадъ, на прошлое Шлиссельбург-

ской крѣпости, мы замѣчаемъ, что сначала она была тюрьмою для царственныхъ особъ и для вельможъ, потомъ—для разныхъ ранговъ государственныхъ преступниковъ, далѣе—для религiозныхъ, затѣмъ—для военныхъ арестантовъ и наконецъ—для легко провинившихся солдатъ. Такимъ образомъ на протяженiи полутора вѣковъ значенiе важности тюрьмы съ годами все понижалось и понижалось.

Въ 1884 г. снова воскресили значенiе политической тюрьмы въ Шлиссельбургѣ. Построили новое зданiе съ маленькими конурками на сорокъ человѣкъ, назначили завѣдующаго тюрьмою, дали ему помощниковъ-офицеровъ и болѣе сотни рядовыхъ, ассигновали около 80.000 рублей въ годъ на содержанiе тюрьмы [1]) и, наконецъ, привезли въ нее со всѣхъ концовъ Россiи съ полсотни отборныхъ „государственныхъ преступниковъ“, число которыхъ быстро свели до двухъ десятковъ.

Съ виду тюрьма походила на мирный монастырь. Благоговѣйная тишина затворниковъ въ кельяхъ, мягкая поступь по коридору послушниковъ-жандармовъ, надзирающихъ за затворниками, важный и рѣдко показывающiйся игуменъ-комендантъ; есть здѣсь и его главные помощники: казначей, ризничiй, келарь, въ офицерскихъ мундирахъ. Но это только съ виду тихiй монастырь, а на самомъ дѣлѣ тюремщики обратили его въ страшный звѣринецъ.

Посмотрите, что дѣлалось въ первые годы (1884—

---

[1]) М. Ю. Ашенбреннеръ („Былое“, № 1) въ своихъ воспоминанiяхъ вычисляетъ, что въ 1904 г., когда въ тюрьмѣ оставалось 12 человѣкъ, содержанiе каждаго стоило 6666 руб. 66,666... коп. въ годъ, т.-е. архизвѣриное число Апокалипсиса. Конечно, почти вся эта сумма шла на охранителей, на заключенныхъ—гроши сравнительно

1886 г.) шлиссельбургской тюрьмы. Въ каждой конурѣ, какъ свободолюбивые звѣри въ желѣзной клѣткѣ, заключенные метались изъ угла въ уголъ на пространствѣ четырехъ-пяти шаговъ до изступленія: человѣкъ рвался вонъ изъ душныхъ стѣнъ, онъ хотѣлъ физически изнемочь, чтобы заглушить сильно возбужденную работу мысли. Но и это не помогало несчастнымъ узникамъ. Началось почти повальное сумасшествіе [1]). Нѣкоторые искали смерти. Другіе набрасывались на жандармовъ, чтобы добиться для себя смертной казни.

Когда къ кому-нибудь входилъ офицеръ, онъ впускалъ прежде двухъ жандармовъ-укротителей, которые становились по сторонамъ заключеннаго съ готовностью броситься на него и схватить за горло. И только подъ защитою ихъ офицеръ осмѣливался входить въ камеру, какъ въ клѣтку свирѣпаго звѣря.

Надзоръ за страшными заключенными, конечно, не можетъ доставлять большого удовольствія представителямъ администраціи крѣпости, и потому, понятно, съ упраздненіемъ на островѣ политической тюрьмы, они всѣми силами хлопочутъ теперь объ устройствѣ мѣста заключенныхъ для уголовныхъ преступниковъ. Съ ними попроще!

Поговариваютъ, что въ Шлиссельбургскую крѣпость уже пріѣзжала комиссія чиновниковъ отъ тюремнаго вѣдомства и нашла возможнымъ устроить въ ней уголовную тюрьму на тысячу человѣкъ.

Неужели это состоится?! Неужели допустятъ этотъ островъ, гдѣ мучились и проливали свою кровь рос-

---

[1]) См. воспоминанія М. Ю. Ашенбреннера. У Л. А. Волкенштейнъ. „Полупомѣшательство же не миновало никого“.

сійскіе императоры, знатные вельможи, поборники правды и исповѣдники религіозныхъ идей, обратить въ мѣсто свалки всѣхъ отбросовъ, всѣхъ отрѣзанныхъ негодныхъ членовъ Россіи?! Неужели, отдавши Сахалинъ японцамъ, не нашли ничего лучшаго, какъ устроить новый „Сахалинъ“ у себя подъ бокомъ, въ тридцати верстахъ отъ столицы?! Развѣ можно допустить, чтобы тысяча убійцъ, грабителей, разбойниковъ, поджигателей и разныхъ другихъ преступниковъ загадила этотъ островокъ, гдѣ священная память многихъ невинныхъ страдальцевъ такъ дорога для русскаго народа?! Разскажи любому мужику про шлиссельбургскихъ узниковъ, начиная съ императора Іоанна Антоновича, онъ непремѣнно отвѣтитъ: скорѣй всего надо устроить здѣсь монастырь, но только не тюрьму!

XXVII.

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли...
Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ...
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранитъ...
Были свидѣтелемъ волны кипучія,
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ!

(*В. Н. Фигнеръ*).

Чтобы лучше понять планъ Шлиссельбургской крѣпости, насъ попросили подняться на башни и стѣны ея и съ высоты осмотрѣть расположеніе всѣхъ построекъ.

Мы взошли съ тюремнаго двора по каменной лѣстницѣ на восточную стѣну крѣпости, съ которой съ одной стороны открывается величественный видъ на Ладожское озеро, а съ другой — на внутренній дворъ крѣпости.

Здѣсь я нахожу нужнымъ прервать на время свой разсказъ объ осмотрѣ шлиссельбургскихъ тюремъ и дать небольшое описаніе крѣпости. Тогда мнѣ будетъ легче сдѣлать указанія о расположеніи тю-

ремныхъ построекъ и исторической башни, гдѣ томились въ XVIII столѣтіи „знатные арестанты“.

Рѣка Нева входила въ составъ великаго воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“ и потому съ давнихъ поръ имѣла важное значеніе въ торговомъ отношеніи. Она долгое время была спорною границею двухъ сосѣднихъ государствъ. Въ XIV-мъ столѣтіи, шведы завладѣли устьемъ рѣки Невы и въ 1390 г., поставили, при впаденіи рѣки Охты городъ, названный имъ Ландскрона—„Вѣнецъ земли“ (онъ теперь входитъ въ черту г. С.-Петербурга), а русскіе захватили истокъ Невы и на низменномъ песчаномъ островѣ, въ 1323 г., поставили городъ Орѣшекъ. Въ Новгородской лѣтописи по этому поводу сказано: „Ходиша новгородцы съ княземъ Юрьемъ и поставиша городъ на усть-Невы (невѣрно: на истокѣ Невы) на Орѣховомъ островѣ. Туже пріѣхавше послы великы отъ свейскаго короля и докончиша миръ вѣчный съ княземъ и Новымъ городомъ, по старой пошлинѣ“. Шведы много разъ пытались отбить Орѣшекъ у русскихъ, и иногда удавалось имъ это сдѣлать, но ненадолго. Въ 1353 г., новгородцы „заложили городъ Орѣховъ каменъ“, то-есть, вмѣсто деревянныхъ его укрѣпленій, заложили кругомъ Орѣхова каменную стѣну. Послѣ сильнаго пожара, въ 1410 г., заложили новую каменную стѣну. Шведы дѣлали попытки овладѣть городомъ и въ XVI столѣтіи, но всѣ онѣ были безуспѣшны. Наконецъ, въ смутное время, по договору, часть сѣверныхъ владѣній, вмѣстѣ съ г. Орѣшкомъ, отошла къ шведамъ. Они переименовали городъ въ Нотебургъ и владѣли имъ, пока Петръ I съ своими гвардейцами, въ 1702 г., снова не вернулъ Россіи ея старинную крѣпость.

Эта первая побѣда Петра на берегахъ Невы сильно обрадовала его, и въ память ея была выбита особая медаль съ надписью: „Былъ у непріятеля 90 лѣтъ“. Самый день штурма крѣпости, 11 октября, повелѣно праздновать ежегодно благодарственнымъ молебствіемъ.

Каковы были въ то время стѣны и башни крѣпости Нотебургъ, можно судить по гравюрѣ XVII вѣка, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія. Къ гравюрѣ приложенъ и планъ крѣпости съ семью внѣшними башнями. Другой рисунокъ (начала XVIII столѣтія) „Взятіе города Нотебурга“ мы имѣемъ въ Марсовой книгѣ. Сравнивая древніе виды шведской крѣпости съ современнымъ Шлиссельбургомъ, можно заключить, что теперь стѣны и башни стали ниже и лишены амбразуръ для пушекъ. Прежде были башни и внутри крѣпости, вѣроятно, по угламъ цитадели. Осадной русской артиллеріей югозападный уголъ крѣпости былъ пробитъ въ трехъ мѣстахъ. Петру I, сейчасъ же по взятіи крѣпости, пришлось ее реставрировать. Вѣроятно, онъ самъ лично принималъ участіе въ постройкѣ, такъ какъ, послѣ взятія крѣпости, ему пришлось провести на Невѣ до декабря мѣсяца. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся въ Шлиссельбургъ 19 марта и провелъ здѣсь до апрѣля мѣсяца. Заѣзжалъ онъ сюда и 15 іюля того же года. Вообще Петръ I часто навѣдывался въ свой „Ключъ-городъ“. Для усиленія крѣпости, онъ приказалъ обнести каменныя стѣны ея низкимъ землянымъ валомъ съ бастіонами.

Планъ крѣпости, очевидно, мало измѣнился съ того времени. Стѣны ея представляютъ собою удлиненный треугольникъ, обращенный основаніемъ къ

Ладожскому озеру, а вершиною—къ Невѣ. Боковыя стороны треугольника идутъ съ нѣкоторыми изгибами, такъ что общiй видъ плана крѣпости напоминаетъ разрѣзъ современнаго коническаго снаряда для нарѣзныхъ орудiй. Если посмотрѣть на крѣпость съ высоты орлинаго полета, то направленiе снаряда какъ разъ на С.-Петербургъ.

Размѣры острова очень невелики: длина—до 170 саженъ, а ширина—менѣе ста. И лежитъ онъ ближе къ южному городскому берегу, чѣмъ къ сѣверному, гдѣ находится деревня Шереметьевка.

У турокъ въ Константинополѣ роль Бастилiи игралъ извѣстный Семибашенный замокъ. Въ Россiи, въ XVIII-мъ столѣтiи, Шлиссельбургская крѣпость была буквально вторымъ „семибашеннымъ" замкомъ. Въ настоящее же время отъ всѣхъ ея башенъ осталось только пять внѣшнихъ и одна внутренняя.

Главная башня со входомъ въ крѣпость называется Государевою. Она числится въ спискѣ зданiй подъ № 17. Слѣдующая башня Головина или Круглая. Она находится на западномъ мысу острова, въ вершинѣ треугольника. На южной сторонѣ крѣпости, обращенной къ городу, осталось теперь одна башня—Головкина. Основанiе крѣпостного треугольника, обращенное на востокъ къ Ладожскому озеру, называется здѣсь Поперечною стѣною. Южный ея конецъ примыкаетъ къ башнѣ Фляжина, а сѣверный—къ Королевской башнѣ. Башня Фляжина [1]) теперь называется Освѣтительною, потому что въ ней ра-

---

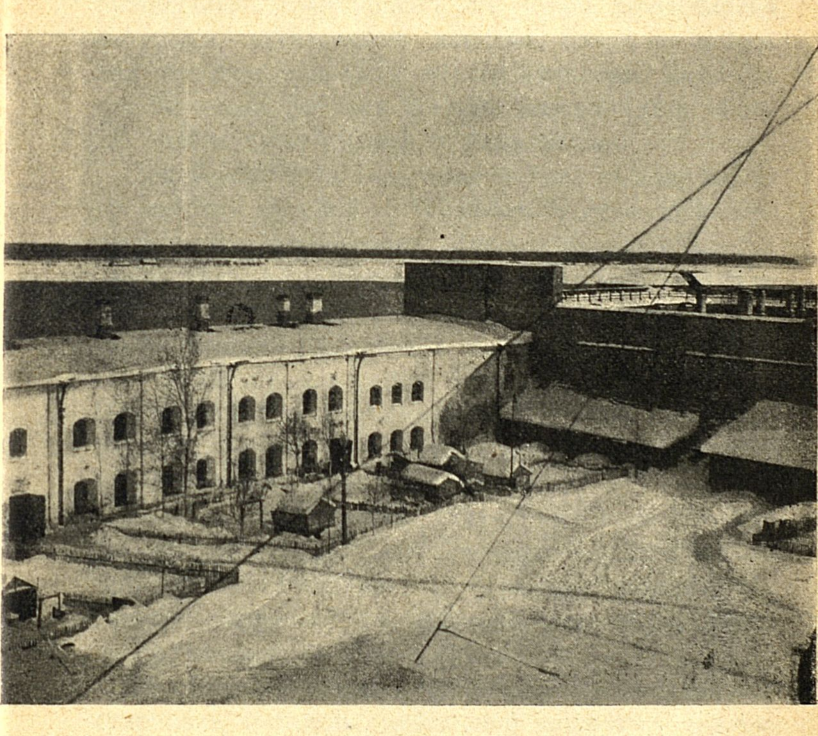
[1]) Иногда называютъ ее Флажною башнею, связывая это названiе съ *флагомъ*, который прежде развѣвался надъ нею.

ботаетъ машина для электрическаго освѣщенія. У Королевской башни, въ сѣверномъ углу крѣпости, наиболѣе скрытомъ отъ города, указываютъ на берегу мѣсто погребенія нѣкоторыхъ казненныхъ узниковъ. Вообще этотъ сѣверный уголъ острова—самая страшная его часть: здѣсь находится цитадель съ ужасною Старою тюрьмою, здѣсь же мѣсто казни и погребенія узниковъ.

Свои названія башни Шлиссельбургской крѣпости получили или по имени строителей ихъ, или въ честь сподвижниковъ Петра I. Почти одновременно строились бастіоны новой Петропавловской крѣпости въ устьѣ Невы, и тѣ названы то же по именамъ лицъ, наблюдавшихъ за работами: Государевъ бастіонъ, Меньшикова, Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головкина.

Кромѣ пяти помянутыхъ башенъ, были еще двѣ съ внутренней стороны: Колокольная, обращенная впослѣдствіи въ колокольню, отчего и получила свое названіе, и Свѣтличная, или Княжеская. Въ древности, вѣроятно, помѣщались въ Свѣтличной башнѣ жилые покои и княжеская свѣтлица. До нашего времени сохранилась только одна башня, Свѣтличная (№ 22), извѣстная своимъ страшнымъ „каменнымъ мѣшкомъ", гдѣ томился несчастный императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Другая—Колокольная была разобрана, кажется, въ началѣ прошлаго столѣтія. И сейчасъ въ изгибѣ стѣны между Государевой и Королевской башнями видны слѣды ея. Уцѣлѣлъ еще и бастіонъ, охранявшій эту башню.

Въ 1737 г., подъ руководствомъ отличнаго инженера Миниха, строителя Ладожскаго канала, былъ составленъ проектъ перестройки обветшалыхъ зем-

Уголъ цитадели — мѣсто Свѣтличной башни и Старой тюрьмы. Казарма нижнихъ чиновъ.

ляныхъ укрѣпленій Шлиссельбургской крѣпости, но онъ былъ приведенъ въ исполненіе нѣсколько позже, въ періодъ 1750—1780 годовъ.

Въ настоящее время берега острова около башенъ приподняты и выступаютъ въ озеро правильными фигурами, обдѣланными камнемъ. Вдоль же стѣнъ, или куртинъ крѣпости, берега нѣсколько ниже, съ расширеніемъ противъ средины каждой стѣны и тоже обдѣланы по краямъ булыжникомъ.

При Александрѣ I-мъ, можетъ быть, въ виду войны со шведами въ 1808 г., Шлиссельбургская крѣпость была опять перестроена. Высокія башни крѣпости были нѣсколько понижены снятіемъ ихъ верхнихъ частей съ амбразурами, вмѣстѣ съ тѣмъ въ стѣнахъ были сдѣланы бойницы и казематныя амбразуры. По окончаніи же войны со шведами, въ 1810 г., Шлиссельбургская крѣпость за ненадобностью упразднена и разоружена. Съ этихъ поръ она становится исключительно замкомъ-тюрьмою.

Въ „Географическомъ статистическомъ словарѣ Россійской имперіи“ Н. Семенова показана высота крѣпостной стѣны въ $6^1/_2$—7 саженъ, ширина—$2^1/_2$ сажени; наружный же земляной валъ возвышается не болѣе какъ на $2^1/_2$—3 сажени.

Въ сѣверовосточномъ углу крѣпости сохранилась старинная цитадель, небольшой квадратъ, отдѣленный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами. Королевская и Свѣтличная башни составляютъ углы цитадели на сѣверной сторонѣ. Южная стѣна цитадели, примыкающая подъ прямымъ угломъ къ Поперечной, отдѣляетъ мѣсто Старой тюрьмы отъ Новой. Въ ней продѣланы въ настоящее время ворота—единственный входъ въ цитадель. Въ древно-

сти, какъ это представлено на планѣ шведской крѣпости Нотебурга XVII-го столѣтія (см. „Путешествіе“ Олеарія), внутренняя канава огибала цитадель съ западной и съ южной сторонъ. Черезъ нее былъ подъемный мостъ къ нынѣ заложеннымъ воротамъ въ западной стѣнѣ цитадели. Отличный характеръ кладки камня и теперь выдаетъ это мѣсто, недалеко отъ входа въ Свѣтличную башню. Судя по древнимъ гравюрамъ и плану, и на остальныхъ двухъ углахъ цитадели были башни; изъ нихъ сохранились слѣды только одной, на югозападномъ углу, обращенномъ внутрь крѣпости. На немъ теперь стоитъ мачта для электрическаго фонаря. Нѣкоторые жандармы свидѣтельствуютъ, что тутъ осталась еще каменная лѣстница; другіе же усматриваютъ въ ней остатки древней шведской кирки.

Очевидно, цитадель—эта крѣпость въ крѣпости— и служила главнымъ образомъ мѣстомъ заключенія важныхъ арестантовъ. Но она такъ ничтожна по своимъ размѣрамъ, что съ 1882 года рѣшено было увеличить пространство тюрьмы, протянувъ западную стѣну цитадели до Братской могилы, параллельно Поперечной стѣнѣ. Новая кирпичная стѣна, прерываемая зданіемъ кордегардіи, значительно ниже древнихъ стѣнъ и другимъ своимъ концомъ поворачиваетъ къ Поперечной стѣнѣ около Освѣтительной башни.

— Можно ли пройти по двору крѣпости и осмотрѣть зданія?—спрашиваемъ проводника.

— Пожалуйста, теперь можете идти, куда хотите.

Мы прошли сперва изъ тюремнаго двора къ оградѣ „Братской могилы“.

— Не эти ли столбики въ оградѣ дѣлали заклю-

ченные въ тюрьмѣ? — замѣтилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Нѣтъ. То были точеныя балясины. Онѣ уже сгнили. А эти столбики сдѣланы нижними чинами мѣстнаго дивизіона.

— Вотъ вамъ показатель, какъ долго сидѣли здѣсь заключенные! Они сдѣлали деревянную ограду изъ толстыхъ балясинъ, и она уже успѣла сгнить, а заключенные все еще сидѣли въ своей каменной тюрьмѣ.

На входной аркѣ ограды надпись: „Братская могила воиновъ, убитыхъ при взятіи приступомъ Шлиссельбургской крѣпости, 11-го октября 1702 года". Посреди могилы металлическій крестъ. Недалеко отъ входа въ ограду дѣти катили два ядра: одно—величиною съ кулакъ, другое — съ небольшое яблоко. Противъ караульнаго дома стоитъ палисадникъ, работы заключеннаго Кочуры.

Мимо офицерскихъ корпусовъ по панели изъ плитъ мы прошли къ деревянному зданію съ надписью: „Манежъ № 12".

— Здѣсь въ худую погоду учатся нижніе чины. Манежъ намъ служитъ и театромъ. Войдите посмотрѣть!—приглашетъ проводникъ.

Манежъ представляетъ одну большую комнату во всю длину зданія. Въ глубинѣ ея—спущенная занавѣсь съ видомъ Шлиссельбургской крѣпости и съ двумя рыцарями по бокамъ въ средневѣковомъ одѣяніи. За занавѣсью на подмосткахъ устроена сцена.

Къ деревянному манежу непосредственно примыкаетъ каменное зданіе, побѣленное снаружи. Въ немъ была пекарня, передѣланная въ лавку, и кухня. Далѣе, у самой стѣны крѣпости красная кирпичная баня. Пекарня и баня образуютъ уголъ, въ кото-

ромъ, по показанію жандармовъ, повѣшены были Каляевъ, Васильевъ и Гершковичъ. Эти трое несчастныхъ не были въ оградѣ тюрьмы. До казни ихъ держали въ манежѣ, а мертвыхъ вынесли за крѣпостныя стѣны и похоронили на сѣверномъ бастіонѣ у Королевской башни.

Мы поспѣшили уйти отъ страшнаго мѣста висѣлицъ и вышли чрезъ Государеву башню за крѣпостныя стѣны.

— Пожалуйста, проведите насъ къ могиламъ, — просимъ мы своего проводника.

Сначала мы обогнули Государеву башню, на бастіонѣ которой стояли ряды сложеннаго кирпича, а далѣе—полѣнницы дровъ. Пройдя вдоль стѣны на сѣверо-востокъ саженъ сорокъ пять, встрѣтили другой бастіонъ противъ сломанной башни. Судя по задѣлкѣ въ стѣнѣ, разобранная башня была не менѣе пяти саженъ діаметромъ. Еще саженъ двадцать вдоль стѣны — и мы подходимъ къ мѣсту Свѣтличной башни. Въ ширину она захватываетъ до четырехъ саженъ. На самомъ верху видны три заложенныхъ окна два рядомъ и третье надъ ними. Это тѣ самыя окна, которыя находятся въ верхней Бироновской свѣтлицѣ. Крыша башни идетъ скатомъ на востокъ. Отъ сосѣдняго зданія—казармы—она отдѣляется кирпичною надстройкою на стѣнѣ цитадели.

Пройдя еще саженъ двадцать, мы очутились на бастіонѣ у Королевской башни. Въ самомъ углу, въ лѣвой половинѣ его, слѣды недавно зарытыхъ могилъ.

— Вотъ здѣсь рядомъ похоронены Васильевъ и Гершковичъ, а по другую сторону башни — Каляевъ,—указалъ нашъ проводникъ.

Самая сѣверная на островѣ башня—Королевская, съ заложенными кирпичомъ окнами. На выступѣ бастіона ея виситъ спасательный кругъ подъ навѣсомъ. Здѣсь самый бой воды. Она такъ же сильно крутится, какъ и на Ивановскихъ порогахъ. Во время ледохода, разсказываютъ, на здѣшній берегъ наворачиваются большія кучи озернаго льда.

За Королевской башней тянется Поперечная стѣна, слишкомъ на пятьдесятъ саженъ, до башни Освѣтительной. Въ ней имѣются теперь заложенныя Проломныя ворота. Говорятъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ чрезъ нихъ выходили на озеро. Въ этой восточной странѣ острова должно быть начало канала, проходящаго внутрь крѣпости, но я его не нашелъ. Разспрашивалъ я и старожиловъ о внутреннемъ каналѣ, но и отъ нихъ не могъ узнать, гдѣ его было начало и гдѣ конецъ.

Единственная изъ круглыхъ башенъ Освѣтительная имѣетъ незаложенныя кирпичами два окна. У ней еще другое отличіе—она надстроена выше другихъ и имѣетъ большую дымовую трубу и мачту для электрическаго фонаря. Съ нея открывается красивая панорама на городъ, а съ другой стороны—на озеро. Къ югу отъ бастіона Освѣтительной башни въ прозрачной водѣ виденъ съ берега пріемникъ водопровода для крѣпости.

Въ слѣдующей стѣнѣ, приблизительно на полпути къ башнѣ Головкина, я замѣтилъ въ самомъ низу ея задѣлку изъ новаго камня. Что это такое? Исправленіе ли стѣны, испорченной въ этомъ мѣстѣ льдомъ, или здѣсь былъ входъ канала въ крѣпость?

Въ нижнемъ этажѣ башни Головкина устроенъ ледникъ, а въ верхнемъ—складъ для старинныхъ дѣлъ крѣпости. Отъ этой башни, саженъ на шестьдесятъ

пять, тянется Южная стѣна до угловой башни, извѣстной подъ названіемъ Головина. Вѣроятно, на половинѣ этой стѣны, или нѣсколько ближе къ башнѣ Головкина, была та седьмая башня, которая обозначена на древнихъ рисункахъ. Слѣдовъ отъ нея не сохранилось, даже не осталось бастіона отъ нея. Только короткій подъ прямымъ угломъ переломъ стѣны въ одномъ мѣстѣ показываетъ, что раньше тутъ что-то было. Отсутствіе бастіона даетъ догадку, что и при Петрѣ I была уже разобрана эта башня. Не пострадала ли она при бомбардировкѣ крѣпости въ 1702 г.?

Вторая половина Южной стѣны, наиболѣе пострадавшая отъ петровскихъ ядеръ, облицована вся съ верху до низу по-новому. Вдоль этой куртины, обращенной къ городу, насажены деревья и разставлены скамейки. Здѣсь любимое мѣсто прогулки обитателей крѣпости.

Бастіонъ около башни Головина, въ остромъ углу острова, самый большой по длинѣ. Къ сѣверу отъ него крѣпостная сточная труба.

Вдоль стѣны между башнями Головина и Государевой устроена пристань для мелкихъ судовъ. Въ заливѣ между угловнымъ бастіономъ и пристанью поставлены шлюпочные сараи. Рядомъ съ ними я увидѣлъ крѣпостной катеръ съ именемъ „Ключъ". Входъ на пристань обставленъ каменной оградой и обсаженъ деревьями. Близъ Государевой башни имѣется вторая небольшая пристань для мелкихъ лодокъ.

Наше обозрѣніе крѣпости прервалъ колокольный звонъ.

— Что это такое?—спрашиваемъ проводника.

— Полдень. Послѣ взятія крѣпости, говорятъ, Петръ I приказалъ звонить во всѣ колокола ежедневно въ двѣнадцать часовъ дня. Этотъ завѣтъ свято блюдется до настоящаго времени.

XXVIII.

> Тотъ, кто былъ когда-либо подъ обаяніемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерти, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его идеаломъ, а Его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только-что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія.
>
> (*В. Н. Фигнеръ.*)

Говоря о заключенныхъ послѣдняго времени въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, нельзя обойти молчаніемъ участіе въ ихъ судьбѣ одной 78-тилѣтней старушки.

Когда нужда ближняго слишкомъ очевидна, когда видимъ горе на улицѣ, мы еще скоро отзываемся на помощь. Но если голодные, больные, холодные, страждущіе скрыты за стѣнами, мы довольно спокойно проходимъ мимо, довольствуясь однимъ добрымъ пожеланіемъ по адресу несчастныхъ. Къ счастью, есть люди, которые не ждутъ, когда къ нимъ протянется за помощью рука какого-нибудь случайно подвернувшагося бѣдняка, а сами ищутъ убитаго горемъ и безъ его просьбы спѣшатъ къ нему на помощь.

Въ петербургскомъ великосвѣтскомъ обществѣ есть нѣсколько самоотверженныхъ женщинъ, которыя время отъ времени проникаютъ чрезъ крѣпкія стѣны

темницы и по мѣрѣ своихъ силъ помогаютъ несчастнымъ заключеннымъ. Одна изъ нихъ, княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, почти всю свою долгую жизнь неослабно заботится о страждущихъ въ тюрьмахъ и острогахъ. Эта почтенная старушка, узнавъ объ условіяхъ жизни шлиссельбургскихъ узниковъ, стала усиленно хлопотать о разрѣшеніи ей посѣтить ихъ. Сначала ей ставили въ этомъ всевозможныя препятствія; когда же княжна изъявила желаніе самой быть заключенной въ Шлиссельбургской крѣпости, лишь бы только жить одною жизнью съ политическими узниками, удивительная самоотверженность женщины тронула сердца высшихъ властей, и онѣ разрѣшили ей навѣщать шлиссельбургскую тюрьму во всякое время.

Помимо заботы о тюремныхъ страдальцахъ, личность Маріи Михайловны сама по себѣ очень оригинальна и интересна. Не задаваясь сейчасъ цѣлью писать полную біографію княжны, я все-таки считаю нужнымъ передать здѣсь нѣсколько моментовъ изъ ея жизни, а главное—какъ она подошла къ неприступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ твердынямъ Шлиссельбургской крѣпости.

Марія Михайловна родилась 9-го октября 1827 года въ семьѣ княжескаго рода Дондуковыхъ-Корсаковыхъ [1]). Очень интересна была та обстановка, въ

---

[1]) Дондукъ-Омбо, внукъ знаменитаго калмыцкаго хана Аюки, въ 1735 г. былъ назначенъ „главнымъ калмыцкимъ народоправителемъ“, а въ 1737 г. получилъ высочайшую грамоту на ханское достоинство за услуги, оказанныя имъ Россіи во время Крымской войны 1736 г. Дочь одного изъ сыновей его, Іоны, вышла за полковника Корсакова, которому въ 1802 г. дозволено было именоваться княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Дочь его, Марія, была женой Михаила

которой росла молодая княжна. Изъ нея она вынесла характерное убѣжденіе, что люди грѣшатъ только, пока они молоды. Взрослыми они перестаютъ грѣшить. И какъ горько было ея разочарованіе!

Въ молодости Марія Михайловна не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, и родители повезли ее лѣчить въ Парижъ, наканунѣ февральской революціи 1848 года. Несмотря на свою болѣзнь, отъ природы умная княжна не могла не интересоваться политическою борьбою французовъ. Ея старшій братъ, непрестанно выбѣгавшій на улицу слѣдить за схватками на баррикадахъ, передавалъ ей всѣ перипетіи борьбы, а младшій — игралъ предъ ея глазами съ краснымъ флагомъ, выкрикивая по-французски: liberté, égalité, fraternité!

За-граница не помогла Маріи Михайловнѣ: у ней отнялись ноги и правая рука. Съ возвращеніемъ въ Россію, по совѣту одного священника, она прибѣгла къ силѣ молитвы. Въ февралѣ 1849 г., къ удивленію ея родныхъ и знакомыхъ, она совершенно выздоравливаетъ. Черезъ годъ болѣзнь вернулась. Марія Михайловна опять призвала на помощь молитву. Чтобы окончательно укрѣпить ея здоровье, врачи отправляютъ ее въ Гапсаль—модный курортъ того времени. Послѣ второй ванны Марія Михайловна вдругъ снова заболѣла, да такъ ужасно, что стала кричать отъ невыносимой боли въ груди и во всемъ

Александровича Корсакова, вице-президента академіи наукъ (1794—1869), которому въ 1820 г. передана фамилія князя Дондукова-Корсакова. Старшимъ сыномъ ихъ былъ генералъ-адъютантъ князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (1820—1893), извѣстный своимъ управленіемъ Кавказа съ 1882 г. по 1890 г.

„Энциклоп. словарь Ефрона“.

тѣлѣ. Лицо сразу потемнѣло. Обрамленное густыми черными волосами, оно придавало княжнѣ видъ какого-то страшилища. Докторъ предсказалъ ей скорую смерть. Отецъ въ отчаяніи... Марія Михайловна опять обратилась къ молитвѣ. Явленіе новой ужасной болѣзни она приписывала своему увлеченію свѣтской жизнью и потому рѣшила впредь жить исключительно для Бога. На другой день Марія Михайловна снова стала совершенно здорова. Такіе быстрые переходы отъ болѣзни къ выздоровленію наложили на княжну свою особую печать, и она стала относиться къ жизни не по лѣтамъ серьезно. Марія Михайловна вспомнила завѣты Іисуса Христа и все свое вниманіе стала удѣлять главнымъ образомъ бѣднымъ, несчастнымъ, страждущимъ, заключеннымъ. Между прочимъ она основываетъ въ имѣніи своего отца Псковской губерніи общину сестеръ милосердія.

До тридцатилѣтняго возраста Марія Михайловна всегда считала себя православною. Но однажды ей замѣтили, что она говоритъ какъ протестантка.

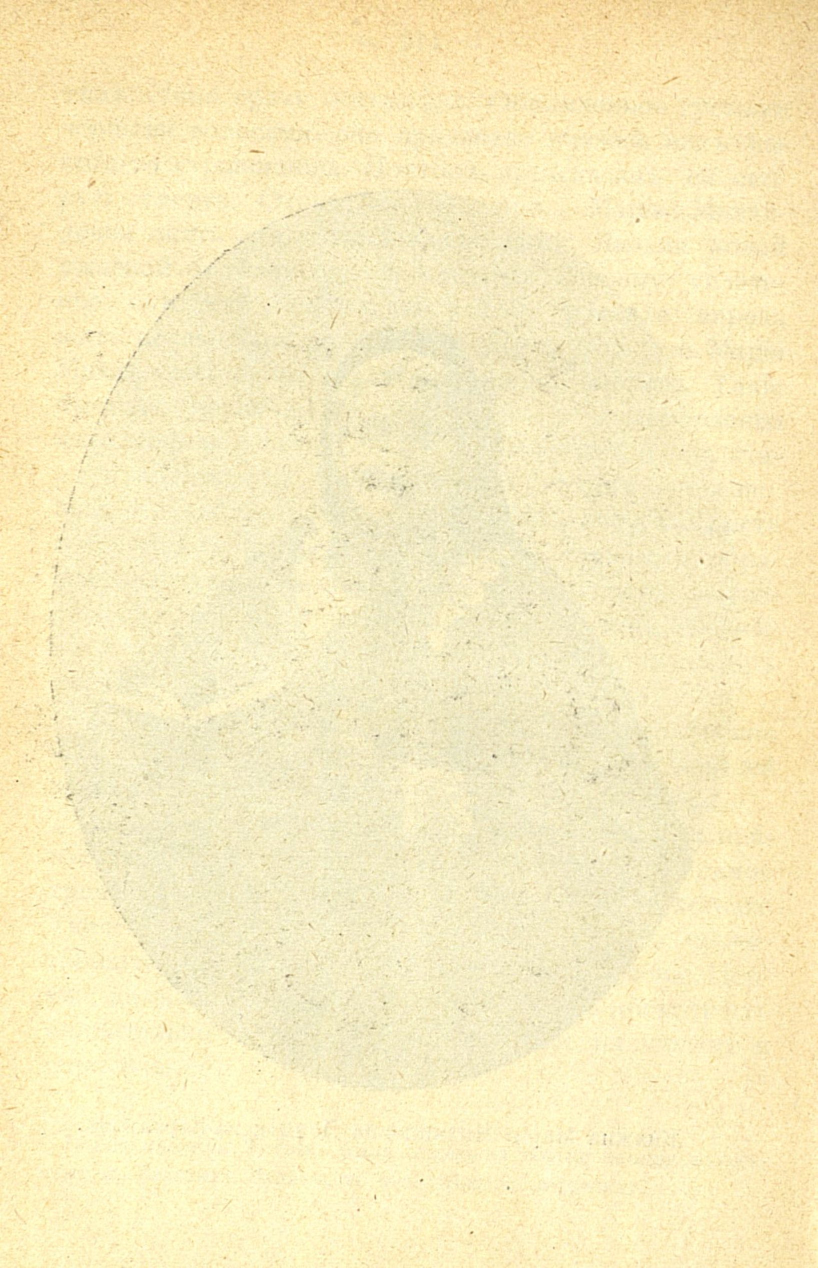
Чтобы провѣрить себя, княжна стала изучать православный катехизисъ Петра Могилы. Въ это самое время случилось ей посѣтить въ тюрьмѣ извѣстнаго Ткачева [1]). Подъ впечатлѣніемъ только-что прочитаннаго катехизиса, она высказала ему ученіе Церкви, какъ его понималъ Могила. Ткачевъ посмотрѣлъ внимательно своими умными глазами на княжну и спросилъ ее:

---

[1]) Впослѣдствіи Ткачевъ былъ отданъ на поруки одному полковнику въ Великихъ Лукахъ, но онъ убѣжалъ за-границу.

Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова.

— Марія Михайловна, да сами-то вы вѣрите тому, что вы говорите мнѣ?

Эта фраза такъ поразила, такъ ударила княжну, что сразу у ней все перевернулось: въ глубинѣ души Марія Михайловна сознала, что, дѣйствительно, она не совсѣмъ была убѣждена въ томъ, что говорила ему. Съ этихъ поръ княжна стала осторожнѣе относиться къ проповѣди догматическаго богословія, предоставляя ее исключительно пастырямъ Церкви.

Въ періодъ увлеченія Петербурга разными заграничными проповѣдниками Марія Михайловна знакомится съ англійскими представителя такъ называемой Апостольской общины, которые произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

Мое знакомство съ Маріей Михайловной произошло въ началѣ 1902 года. Однажды въ небольшомъ кругу ею приглашенныхъ лицъ я разсказалъ объ условіяхъ пребыванія заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ. Княжну болѣе всего въ моемъ разсказѣ поразило,—какъ это можно, чтобы въ христіанскомъ государствѣ не позволяли заключеннымъ ходить въ церковь на богослуженіе!

Многое сокрыто въ политическихъ тюрьмахъ отъ глазъ людей крѣпостными стѣнами Петропавловки и Шлиссельбурга, и мы долго не могли обсуждать установленные тамъ порядки. Но вотъ въ распоряженіяхъ тюремной администраціи нашлось такое слабое мѣсто, которое не прикроешь никакими объясненіями: политическихъ заключенныхъ въ столичной крѣпости, такъ же какъ и въ Шлиссельбургѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ не пускали на богослуженіе въ церковь. Такое ничѣмъ неоправдываемое насиль-

ственное лишеніе возмущаетъ христіанскую душу! Обыкновенно очень любятъ отговариваться тѣмъ, что политическіе заключенные, какъ атеисты, не желаютъ ходить въ церковь. Но это неправда! Въ мое время по праздникамъ всѣ клѣтки въ тюремной церкви Дома предварительнаго заключенія были заняты политическими. Даже не хватало этихъ клѣтокъ съ рѣшетками, и заключенные пользовались ими поочередно. Извѣстно мнѣ, что въ первые годы въ Шлиссельбургѣ цѣлая группа заключенныхъ исповѣдывалась и причащалась въ особо отведенной камерѣ у крѣпостного протоіерея, о. Іоанна Флоринскаго. Казалось бы, съ христіанской точки зрѣнія, надо не отказывать заключеннымъ, а, напротивъ, привлекать ихъ къ общенію съ Церковью, тѣмъ болѣе, что они сами пожелали того. Понятно, религіозно настроенная Марія Михайловна взволновалась:

— Вотъ брешь, — рѣшила она, — чрезъ которую надо проникнуть въ Шлиссельбургскую крѣпость!

Съ этого времени Марія Михайловна начала изслѣдовать почву этого вопроса. Выслушивая отовсюду выраженія сочувствія, однако какого-либо серьезнаго содѣйствія княжна ни отъ кого не получила въ продолженіе цѣлаго года.

XXIX.

Во времена язычества среди философовъ и людей, пренебрегающихъ Божественнымъ откровенiемъ, высказывались иногда прекрасныя нравственныя правила, и бываютъ случаи, когда христiанину приходится учиться самопожертвованiю у людей, отрицающихъ благодатную силу христiанства.

(Кн. М. М. Дондукова-Корсакова).

Вечеромъ, 4 ноября 1903 г., Марiя Михайловна сдѣлала мнѣ признанiе, что она хочетъ сама быть заключенной въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, чтобы посильно помогать тамъ несчастнымъ узникамъ.

Помню, я недовѣрчиво покачалъ головою и счелъ ея желанiе за неосуществимую затѣю. Но вотъ мнѣ говорятъ, что Марiя Михайловна 10 ноября уже была у министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве и будто нашла у него полное сочувствiе ея мысли— устроить церковь для шлиссельбургскихъ заключенныхъ. Однако нужно было по крайней мѣрѣ полгода усиленныхъ хлопотъ и напоминанiй, чтобы сочувствiе министра перешло въ канцелярiю и тамъ было оформлено хотя бы въ видѣ какой-нибудь бумаги. Вопросъ поставленъ былъ такъ: нельзя ли для устройства церкви приспособить историческую Свѣтличную башню, имѣя въ виду, что всѣхъ заключенныхъ

надо дѣлить на два несообщающіяся между собою отдѣленія, то-есть въ одномъ будутъ заключенные Новой тюрьмы, въ другомъ—Старой.

Съѣздила комиссія въ Шлиссельбургъ, осмотрѣла башню и рѣшила, что сооруженіе въ ней церкви обойдется довольно дорого, потому что придется для рабочихъ сдѣлать особый проломъ во внѣшней крѣпостной стѣнѣ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о церкви былъ принятъ къ свѣдѣнію.

Нѣсколько позже Марія Михайловна получила другое увѣдомленіе: ей разрѣшается посѣтить заключенныхъ Шлиссельбургской тюрьмы. То, чего не могли добиться родные заключенныхъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, Марія Михайловна получила черезъ семь мѣсяцевъ! Удивлялись жандармы, что всѣ ихъ препятствія для внѣшняго міра такъ легко разрываются слабой старушкой; но еще болѣе были поражены ея неожиданнымъ посѣщеніемъ сами заключенные. Сначала они не могли придумать объясненія ему, но, познакомившись съ нею, сразу поняли, что ею руководила въ этомъ случаѣ исключительно христіанская любовь.

У В. Н. Фигнеръ невольно вырвалось восклицаніе:

— Какъ васъ пропустили къ намъ?!

Вѣра Николаевна долго плакала при первомъ свиданіи съ княжной. Николай Александровичъ Морозовъ тоже былъ очень взволнованъ и обрадованъ при ея посѣщеніи. Была она еще въ тотъ памятный день, 30-го іюня 1904 г., у М. В. Новорусскаго и у М. Ю. Ашенбреннера. Сопровождавшій княжну комендантъ, послѣ четырехъ-пяти свиданій, рекомендовалъ ей пока прекратить свой первый обходъ заключенныхъ, чтобы они могли между собою перего-

ворить, подѣлиться своими впечатлѣніями отъ бесѣды съ новымъ лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣла еще княжна выйти изъ тюрьмы, какъ по всѣмъ камерамъ поднялся сильный шумъ перестукиванія узниковъ черезъ стѣны.

Я не стану говорить, сколько Марія Михайловна внесла надежды, радости и утѣшенія въ міръ несчастныхъ страдальцевъ. Объ этомъ пусть они сами намъ разскажутъ болѣе подробно.

Потомъ, года черезъ два, я разспрашивалъ нѣкоторыхъ шлиссельбуржцевъ о первыхъ посѣщеніяхъ Маріи Михайловны, и вотъ что мнѣ повѣдалъ одинъ изъ нихъ:

— Княжна Дондукова-Корсакова первая бросила бомбу въ твердыя стѣны Шлиссельбургской крѣпости. Она первая пробила въ нихъ брешь, и много лѣтъ хранимый тайникъ наконецъ раскрылъ свои двери и далъ свободу узникамъ.

Дней черезъ десять послѣ ея перваго посѣщенія новая неожиданность для заключенныхъ—пріѣздъ къ нимъ петербургскаго митрополита Антонія. Раньше, въ продолженіе двадцати лѣтъ, они видѣли у себя только должностныхъ лицъ, а тутъ вдругъ явились и княжна и митрополитъ по своей иниціативѣ. Не признакъ ли это, что непроницаемыя шлиссельбургскія стѣны значительно ослабѣли!? У заключенныхъ явилась понятная надежда на скорое освобожденіе. Ихъ новое настроеніе, очевидно, не ускользнуло отъ тюремной администраціи, потому что 13 и 14 іюля подъ какимъ-то предлогомъ Маріи Михайловнѣ было отказано въ свиданіи съ ними. А тутъ еще, 15 іюля, былъ убитъ В. К. Плеве, который разрѣшилъ ей имѣть эти свиданія. Княжна вернулась въ С.-Петер-

бургъ, но она ни на минуту не оставляла мысли о своихъ новыхъ друзьяхъ. 26 іюля она ѣдетъ къ товарищу убитаго министра и проситъ подтвержденія раньше данныхъ ей полномочій. Но этого ей не нашли нужнымъ сдѣлать. Тогда она рѣшается на болѣе сильное средство—обратиться съ прошеніемъ непосредственно къ Государю. Не прошло и двухъ недѣль, какъ ея желаніе было удовлетворено. Мало того, временно управляющій министерствомъ, П. Н. Дурново, далъ ей право видѣться съ В. Н. Фигнеръ наединѣ и передать нѣкоторымъ заключеннымъ выбранныя ею иностранныя книги.

Чтобы подѣлиться со мною своею радостью свиданія съ шлиссельбуржцами, Марія Михайловна прислала мнѣ, 14-го августа, часть подарковъ, полученныхъ ею наканунѣ отъ В. Н. Фигнеръ: букетъ цвѣтовъ, два огурца и корзинку ягодъ (крупная земляника, клубника, черная смородина и малина). Осенью того года различные подарки заключенныхъ Маріи Михайловнѣ сыпались какъ изъ рога изобилія: отъ В. Н. Фигнеръ—изящная шкатулка, отъ Н. А. Морозова—приборъ для опредѣленія положенія созвѣздій на небѣ въ любое время года, отъ М. В. Новорусскаго—точеный костяной крестъ. Кто спѣшитъ ей передать первыя крупныя яблоки, кто—кропотливо сдѣланный гербарій, кто—точеную коробочку, кто—вазу. Они старались каждый по-своему выразить свое вниманіе и благодарность неутомимой княжнѣ за ея старанія внести въ ихъ жизнь какую-либо отраду.

Несмотря на свои почтенные годы, въ это время Марія Михайловна поражала своихъ знакомыхъ бодростью и энергіей. Кто бы могъ подумать, что эта

высокая восьмидесятилѣтняя старуха, дѣлающая пѣшкомъ большіе концы по городу, въ молодости была не одинъ разъ приговорена врачами къ смерти?! Встрѣчаемыя ею препятствія не только не ослабляли ея энергіи, но, напротивъ, окрыляли ее новыми силами и давали ей поводъ къ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ шагамъ. Съ настойчивою и умною княжною трудно было бороться!

Посѣщая заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости, Марія Михайловна не забывала и другую цѣль—устройство для нихъ церкви. Собственно, она не настаивала на постройкѣ новой церкви и не указывала на одну изъ имѣющихся въ стѣнахъ крѣпости. Этотъ вопросъ она всецѣло предоставила рѣшать самой администраціи. Для нея было важно, чтобы заключенные присутствовали на богослуженіи.

Въ сентябрѣ 1904 г. страшная пасть Шлиссельбургской крѣпости снова раскрылась, чтобы выпустить еще троихъ узниковъ: В. Н. Фигнеръ, М. Ю. Ашенбреннера и В. Гр. Иванова. Однако радость Маріи Михайловны по этому поводу была опечалена грустнымъ извѣстіемъ: Вѣра Николаевна ссылается въ холодную Неноксу, Архангельской губерніи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ княжна была снова огорчена: ссылаясь на перемѣну министра, тюремная администрація опять не пустила ее въ Шлиссельбургскую крѣпость. Снова хлопоты, опять хожденія въ министерство внутреннихъ дѣлъ!.. И хотя не такъ скоро, Марія Михайловна все-таки разорвала всѣ препятствія, и въ декабрѣ мѣсяцѣ она снова ѣдетъ навѣстить своихъ друзей въ Шлиссельбургской крѣпости.

Между тѣмъ Марія Михайловна не забываетъ и ссыльную В. Н. Фигнеръ. Сначала она вступаетъ съ

ней въ переписку, а затѣмъ, 17 января слѣдующаго 1905 года, княжна отправляется къ ней въ далекую Неноксу. Она застала сосланную страдалицу больною отъ цынги и разстройства нервовъ. Оторванная отъ старыхъ друзей, Вѣра Николаевна очутилась подъ постояннымъ надзоромъ солдатъ въ холодномъ селеньи на берегу Бѣлаго моря. Къ тому же не мало ее огорчали мѣстныя интриги досужихъ людей. Напримѣръ, распустили несообразный слухъ, что священникъ въ Неноксѣ за царскимъ молебномъ во всеуслышаніе произнесъ многолѣтіе В. Н. Фигнеръ. Казалось бы, на такіе вздорные слухи не слѣдовало обращать никакого вниманія, между тѣмъ въ Архангельскѣ ему придали серіозное значеніе, пошли запросы, поднялась переписка. Марія Михайловна встревожилась и поѣхала въ Архангельскъ, а оттуда—въ С.-Петербургъ (19 марта) засвидѣтельствовать лично предъ власть имѣющими, что ничего подобнаго не было въ Неноксѣ, и священникъ тамъ—образецъ скромности и смиренія.

Разъ появившись на берегахъ Невы, понятно, Марія Михайловна опять ищетъ свиданія съ заключенными въ Шлиссельбургѣ. Ей разрѣшили, но съ нѣкоторыми, къ ея печали, ограниченіями: бесѣдовать съ заключенными можно только въ присутствіи коменданта, а приносимыя ею книги отдавать ему на цензуру.

Въ это время Марія Михайловна провидѣла для нихъ нѣчто лучшее: пора для шлиссельбургскихъ узниковъ назначить опредѣленные сроки! А такъ какъ максимальный срокъ каторжныхъ работъ въ нашемъ законодательствѣ—двадцать лѣтъ, то, слѣдовательно, всѣ они должны быть выпущены теперь же

немедленно. Съ этою мыслью она ѣдетъ къ одной изъ великихъ княгинь, обращается къ разнымъ сановникамъ. Но... въ высшихъ сферахъ нашли, что въ настоящее тревожное время нельзя выпустить старыхъ поборниковъ свободы, увѣнчанныхъ ореоломъ мученичества.

Въ Шлиссельбургѣ тоже не все обстояло благополучно. Тамъ княжнѣ довольно-таки прямо замѣтили, что авторитетъ тюремной власти, послѣ ея посѣщеній заключенныхъ, поколебался. Они, дескать, позволяютъ себѣ выходить изъ послушанія, опираясь на ея защиту въ С.-Петербургѣ.

Опять конфликтъ, опять новые переговоры въ министерствѣ...

Я не разсказываю всѣхъ перипетій борьбы Маріи Михайловны во всѣхъ подробностяхъ. Это привело бы меня къ длинному описанію, съ одной стороны, разныхъ некрасивыхъ придирокъ, канцелярскихъ закорючекъ, вѣжливыхъ обѣщаній, а иногда и рѣзкихъ отказовъ, съ другой — хожденій по министерствамъ, усиленныхъ просьбъ, нравственныхъ мукъ за другихъ и молчаливаго перенесенія личныхъ обидъ... Ежедневно къ вечеру княжна ужасно изнемогала и физически и нравственно; но на другой день рано утромъ, „забывая свое метрическое свидѣтельство", она уже идетъ по новымъ мытарствамъ.

Но я продолжу свой разсказъ о дальнѣйшихъ хлопотахъ почтенной старушки, предпринятыхъ ради шлиссельбургскихъ узниковъ.

XXX.

> Думая о... Шлиссельбургѣ, я вспоминаю свое пребываніе тамъ и удивляюсь, какъ это я теперь говорю, занимаюсь, читаю, работаю, пою, смѣюсь... Странно, какъ будто это не я дѣлаю.
>
> (*Л. А. Волкенштейнъ*).

Если нельзя выпустить изъ тюрьмы сразу всѣхъ заключенныхъ, то, можетъ-быть, возможно освободить ихъ по одиночкѣ? Первымъ на очереди считался Н. П. Стародворскій. Помогла ли ему княжна, я не знаю; но только Н. П. Стародворскаго вскорѣ увезли изъ крѣпости въ С.-Петербургъ. Вдругъ, 12 августа, Марія Михайловна узнаетъ, что Николая Петровича опять отправили въ Шлиссельбургъ. Что такое?—Произошла какая-то ошибка,—объяснили ей.

Наканунѣ манифеста 17 октября 1905 г., Марія Михайловна неожиданно вернулась изъ Шлиссельбурга, чтобы подать прошеніе Государю объ освобожденіи политическихъ заключенныхъ. Дня черезъ четыре, 21 октября, была объявлена амнистія, которая и коснулась, какъ я говорилъ выше, девяти шлиссельбургскихъ старожиловъ.

Что же—кончилась хлопотливая дѣятельность Маріи Михайловны относительно шлиссельбургскихъ узниковъ? Напротивъ. Въ эти дни освобожденія ей

пришлось поработать для нихъ еще болѣе. Она съ непонятной энергіей для ея лѣтъ принимаетъ дѣятельное участіе въ розыскѣ родственниковъ ихъ и одновременно ведетъ переговоры съ высшею администраціей. По вечерамъ квартира ея родной сестры, у которой Марія Михайловна живетъ въ настоящее время, представляла мѣсто свиданія прибывшихъ родственниковъ освобождаемыхъ. Въ это время застать дома одну Марію Михайловну очень трудно. Вотъ только-что пришла и раздѣвается въ передней почтенная старушка—мать одного изъ узниковъ, въ гостиной сидитъ братъ другого, а въ кабинетѣ княжны — сестра М. Р. Попова. Такъ было почти каждый день, пока не разъѣхались всѣ освобожденные къ своимъ роднымъ. Но могли ли они навсегда разстаться съ княжной, послѣ дружескаго общенія въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости въ продолженіе цѣлаго года?! Конечно, нѣтъ! Множество писемъ, полученныхъ ею въ послѣднее время, ярко свидѣтельствуютъ, какъ дорога имъ память о милой старушкѣ, такъ скоро сдѣлавшейся имъ родною.

„Я думаю, — пишетъ одинъ изъ нихъ 29 октября изъ Петропавловской крѣпости,—что вы, съ обычной вашей деликатностью, предоставили первые дни (свиданій) моей матери, сестрамъ или брату, хотя и знаете, что занимаете въ моемъ сердцѣ мѣсто наравнѣ съ ними“.

Вообще всѣ письма, получаемыя Маріей Михайловною отъ разосланныхъ въ разные концы Россіи ея друзей-шлиссельбуржцевъ, дышатъ неподдѣльною лаской, искреннею любовью, глубокимъ уваженіемъ и вѣчною благодарностью къ этой, исключительной въ наше время, женщинѣ.

Чѣмъ же кончился вопросъ о шлиссельбургской церкви для заключенныхъ?

Еще въ декабрѣ 1904 г. пріѣзжалъ къ Маріи Михайловнѣ директоръ департамента полиціи и сталъ ссылаться на обычную отговорку, что среди политическихъ заключенныхъ нѣтъ желающихъ посѣщать церковь. Княжна, конечно, ему возражала. Тогда директоръ предложилъ отдать имъ домовую церковь св. Филиппа.

Въ Шлиссельбургской крѣпости двѣ церкви, и мнѣ случилось осмотрѣть ихъ обѣ довольно обстоятельно. Одна, во имя св. Іоанна Предтечи, въ самомъ центрѣ острова, построена въ прошломъ столѣтіи на мѣстѣ устарѣвшей деревянной церкви. Сохранилось преданіе, что и самая деревянная церковь замѣнила когда-то раньше бывшую на этомъ мѣстѣ. Очевидно, тутъ стоялъ первый храмъ, когда еще новгородцы владѣли городомъ Орѣховымъ. Другая церковь, во имя св. Филиппа, въ тридцати саженяхъ на сѣверо-западъ отъ первой, находится въ стѣнахъ большой казармы нижнихъ чиновъ.

Шведы два раза владѣли городомъ Орѣховымъ. Въ августѣ 1346 г. шведскій король приступилъ къ городу съ большою ратью и взялъ его, говорятъ, обманомъ. Но уже 24 февраля 1348 года русскіе вернули себѣ городъ. Оставшіеся въ живыхъ изъ 800 человѣкъ шведскаго гарнизона были отведены въ плѣнъ. Другой разъ шведы получили Орѣховъ по договору въ 1617 году и владѣли имъ до знаменитаго приступа Петра I, 11-го октября 1702 года. Вотъ, мнѣ кажется, эти два случая отобранія отъ шведовъ крѣпости и ознаменованы имѣющимися въ настоящее время двумя храмами: 24 февраля празд-

нуется память св. Іоанна Предтечи, а 11-го октября—св. апостола Филиппа.

Въ новомъ Іоаннопредтеченскомъ храмѣ сохранились еще нѣкоторыя старинныя иконы. Главная изъ нихъ—Казанской Божіей Матери—съ устройствомъ политической тюрьмы въ крѣпости увезена въ городскую часовню на берегу Невы. Въ храмѣ показываютъ, какъ остатки старины, золотой крестъ съ частицами мощей 12 святыхъ и обложенное золотомъ евангеліе. То и другое пожертвовано Петромъ Великимъ въ 1703 году. Большой шкафъ для ризъ устроенъ заключенными, когда они еще работали въ мастерскихъ Старой тюрьмы. Подымался я и на колокольню. Какъ это часто бываетъ въ сельскихъ храмахъ, въ верхнемъ помѣщеніи колокольни собраны старыя церковныя вещи. Я подозрѣваю, среди нихъ можно найти кое-что и цѣнное, какъ матеріалъ для исторіи крѣпости Шлиссельбурга. Съ верхняго яруса колокольни открывается прекрасный видъ на городъ, на окружающее островъ озеро и рѣку Неву. Отсюда были сняты первыя фотографіи секретныхъ уголковъ Старой тюрьмы.

Домовая церковь св. Филиппа помѣщается въ нижнемъ этажѣ большой казармы. Входъ въ нее черезъ средній подъѣздъ направо. Церковь небольшая, низенькая, съ иконами конца XVIII и начала XIX столѣтій. Внизу одного большого образа въ общемъ иконостасѣ изображенъ видъ Шлиссельбургской крѣпости. Судя по письму и по всей обстановкѣ рисунка, надо отнести его ко времени царствованія Александра I. Среди другихъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе большая медаль, выбитая въ память взятія Петромъ I Нотебурга. На одной сторонѣ ея

изображенъ бюстъ императора, на другой—картина взятія крѣпости.

Въ лѣвомъ углу алтаря находится глухая каморка, кажется, складочное мѣсто для нѣкоторыхъ церковныхъ вещей. Но потому только, что она выходитъ изъ общаго плана-прямоугольника церкви, съ нею связываютъ представленіе о заложенномъ секретномъ ходѣ въ Свѣтличную башню для Іоанна Антоновича.

Эта скромная и по размѣрамъ и по украшенію церковь была бы очень удобна для политическихъ заключенныхъ: она вполнѣ изолирована отъ другихъ помѣщеній въ казармѣ, совершенно свободна, постоянно стоитъ взаперти и только одинъ разъ въ годъ, 11-го октября, на память апостола Филиппа, совершается въ ней богослуженіе. Впрочемъ, Марія Михайловна въ ознаменованіе великаго дня выхода шлиссельбургскихъ узниковъ изъ заточенія заказала въ ней обѣдню 27-го октября 1905 года.

Цѣлыхъ полгода рѣшался вопросъ въ департаментѣ полиціи, можно ли воспользоваться для заключенныхъ церковью св. Филиппа или строить новую. Наконецъ, къ первымъ числамъ августа 1905 года вышло рѣшеніе: удлиннить зданіе Новой тюрьмы съ южнаго его конца и верхній этажъ пристройки приспособить для церкви.

Но вдругъ сами заключенные выразили протестъ что не приличествуетъ строить церковь надъ выгребной ямой. Въ С.-Петербургѣ нашли это замѣчаніе вѣрнымъ и велѣли зданіе церкви отнести нѣсколько подальше. Пришлось разобрать новую кирпичную стѣну, отдѣляющую тюремный дворъ отъ Братской могилы. Пока свозили матеріалы и дѣлались приготовленія къ постройкѣ церкви, зимою 1905—

6 года, политическую тюрьму въ Шлиссельбургѣ упразднили.

Конченъ вопросъ о тюремной церкви? — Нѣтъ. Тутъ-то и начинается постройка. Въ апрѣлѣ заложили фундаментъ, а въ началѣ мая выводили уже арки оконъ.

Выборъ мѣста для новой церкви вызываетъ недоумѣніе у посѣтителей Шлиссельбургской крѣпости. Ужъ если допустили сломать кирпичную стѣну и вывели зданіе храма за черту тюремнаго двора, то почему бы его не поставить немного далѣе, надъ самой Братской могилой? А то какъ-то угломъ вставлена новая постройка между тюрьмою и исторической могилой, нарушая симметрію зданій. Но самое удивительное въ вопросѣ о церкви для шлиссельбургскихъ узниковъ вотъ что: съ 1885 г., когда впервые было заявлено о церкви одному изъ генераловъ, посѣщавшихъ Шлиссельбургскую крѣпость [1]), до 1905 г., то-есть до времени упраздненія тюрьмы, въ существующія церкви заключенныхъ не водили, а новой для нихъ не строили. Съ уходомъ же послѣднихъ узниковъ, 30 января 1906 года, администрація крѣпости вдругъ проявила лихорадочную дѣятельность въ постройкѣ никому уже ненужнаго теперь храма.

Будетъ ли окончена начатая постройка церкви или разберутъ выведенныя ея стѣны, этотъ вопросъ въ настоящее время мало меня занимаетъ. Но я пред-

---

[1]) Должно быть, Оржевскому, потому что недавно разсказали, какъ онъ однажды изъ тюрьмы прошелъ въ церковь Іоанна Предтечи, осмотрѣлъ ее и нашелъ возможнымъ устроить въ ней нѣсколько клѣтокъ для заключенныхъ. Больше всѣхъ возсталъ противъ такого намѣренія генерала тогдашній смотритель тюрьмы.

вижу, что на этомъ островѣ, политомъ кровью и слезами политическихъ и религіозныхъ мучениковъ цѣлаго ряда столѣтій, съ самаго основанія крѣпости, самъ русскій народъ выстроитъ грандіозный храмъ, который осѣнитъ кости погибшихъ въ борьбѣ за вѣру и свободу. Вѣдь если гдѣ были болѣе пламенны молитвы заключенныхъ, болѣе отчаянны крики страждущихъ, болѣе страшны вопли замученныхъ, такъ это именно здѣсь, въ Шлиссельбургской крѣпости. Сердце распятаго Христа Спасителя ближе всего къ мѣсту страданій. Небо скорѣе готово склониться именно къ этой маленькой земной точкѣ. А потому довольно здѣсь рыданій и вздоховъ. Пора замѣнить ихъ побѣдными гимнами Вѣчной Любви и Истинѣ.

ОБЪЯСНЕНIЕ ГЛАЗОМѢРНАГО ПЛАНА

Шлиссельбургской крѣпости, набросаннаго авторомъ 7 мая 1906 г.

А. А. Аллеи деревьевъ, насаженныя отъ крѣпостныхъ воротъ по дорожкамъ къ церкви и къ дому коменданта.

Б. Б. Небольшiе огороженные садики и цвѣтники, принадлежащiе офицерамъ.

В. Большой садъ коменданта.

Г. „Братская могила“ воиновъ, павшихъ при взятiи крѣпости въ 1702 году.

Д. Большой плацъ для фронтоваго ученiя жандармовъ.

Е. Е. Малый дворъ цитадели, разгороженный пополамъ.

Ж. Большой дворъ цитадели.

И. Дворъ Новой тюрьмы.

I. Фруктовый садъ, насаженный заключенными.

К. Мѣсто строящейся церкви.

Л, М, Н, О, П и Р. Невысокiе бастiоны, обложенные камнемъ,

О. Мѣсто погребенiя казненныхъ и умершихъ узниковъ.

Л—Р—П. Сторона крѣпости, обращенная къ городу Шлиссельбургу на лѣвомъ берегу Невы.

Л—М—Н—О. Сторона крѣпости, обращена къ деревнѣ Шереметьевкѣ на правомъ берегу Невы.

О—П. Сторона крѣпости, обращенная къ Ладожскому озеру.

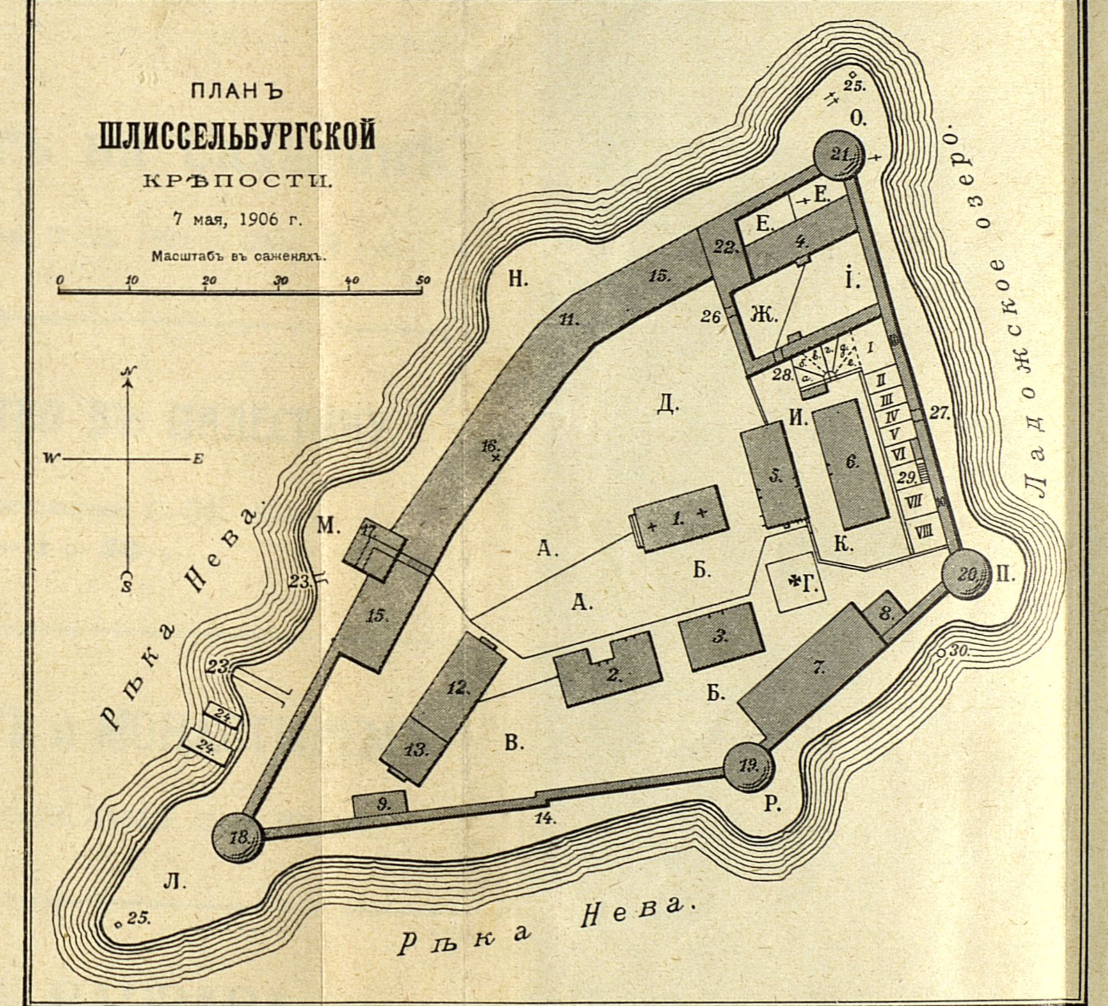
1. Церковь во имя св. Iоанна Предтечи.

2. Домъ коменданта и канцелярiя.

3. Офицерскiй корпусъ.

4. Старая тюрьма въ цитадели.

5. Кордегардiя, тюремная кухня и квартиры старшихъ унтеръ-офицеровъ.

6. Новая Государственная тюрьма.

7. Унтеръ-офицерская казарма.

8. Прачешная.

9. Баня жандармовъ.

10—10. „Поперечная“ стѣна крѣпости.

11. Мѣсто бывшей башни (Колокольной?).

12. Манежъ и театръ.

13. Лавочка и кухня жандармовъ.

14. Мѣсто бывшей башни.

15—15. Казарма нижнихъ чиновъ.

16. Церковь во имя св. Филиппа.

17. Государева башня съ входными воротами въ крѣпость.

18. Круглая башня или Головина.

19. Башня Головкина.

20. Флажная или Освѣтительная башня.

21. Королевская башня.

22. Княжеская или Свѣтличная башня, съ „каменнымъ мѣшкомъ“ Iоанна Антоновича.

23—23. Пристани для гребныхъ судовъ.

24—24. Шлюпочные сараи.

25—25. Сторожевые посты.

26. Заложенныя ворота цитадели.

27. Заложенныя ворота, выходящiя на озеро.

28. Новыя ворота цитадели.

29. Лѣстница на верхъ Поперечной стѣны.

30. Начало крѣпостного водопровода.

а, б, в, г, д, е. Первыя загородки для одиночныхъ прогулокъ. Впослѣдствiи перегородки, обозначенныя пунктиромъ, были сняты.

I—VIII. Клѣтки - огороды заключенныхъ.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“:

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. 2-ое, дополненное новыми главами, изданіе. Ц. 75 к.

Содержаніе: Отъ автора.—Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники.—Конецъ Соловецкой тюрьмы.—Предполагавшееся заточеніе гр. Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь.—Монастырскія заточенія послѣдняго времени.—Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ (священникъ Г. И. Цвѣтковъ). I. Исправленіе „строптивыхъ“ и „непокорныхъ“. II. „Возмущеніе противъ власти“. III. Монастырь-тюрьма.—Приложеніе: Донесенія архимандрита Суздальскаго монастыря въ монастырской крѣпости.

М. А. Колчинъ. Ссыльные и заключенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVII—XIX ст. Историческіе очерки.

В. Ф. Можно ли человѣку безъ работы жить? (Изъ тюремной жизни). Ц. 2 к.

Н. А. Рубакинъ. Два колеса. Разсказъ объ одиночномъ заключеніи. Съ рисункомъ Н. А. Ярошенко. Ц. 10 к.

М. Конопницкая. Затравленная. Повѣсть изъ жизни поднадзорныхъ. Переводъ съ польскаго Ю. Якубовскаго. Ц. 30 к.

М. Мельшинъ. Кобылка въ пути. Разсказъ изъ жизни ссыльно-каторжныхъ. Ц. 3 к.

А. Шиманскій. Тоска по родинѣ. Разсказъ политическаго ссыльнаго. Переводъ съ польскаго М. Троповской. Ц. 3 к.

А. Потанина. Черкесъ Ахметъ. Разсказъ изъ жизни ссыльныхъ кавказцевъ. Ц. 3 к.

П. Хотымскій. На новыхъ мѣстахъ. Повѣсть изъ жизни ссыльныхъ евреевъ. Ц. 20 к.

Д. Марковичъ. Омелько-каторжникъ. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Л. Н. Толстой. Дорого стоитъ. (Смертная казнь и тюрьма.) Ц. 3 к.

В. Гюго. Осужденный на смертную казнь. Ц. 10 к.

Смертная казнь. Сборникъ стиховъ противъ смертной казни Я. П. Полонскаго, В. Гюго, О. Уайльда, Э. Верхарна, Н. М. Минскаго и др. Составилъ С. Д—нъ. Съ приложеніемъ открытаго письма И. Горбунова-Посадова „Долой насиліе!“ Ц. 5 к.

Л. Авилова. Власть, Судебный слѣдователь и другіе разсказы. Ц. 12 к.

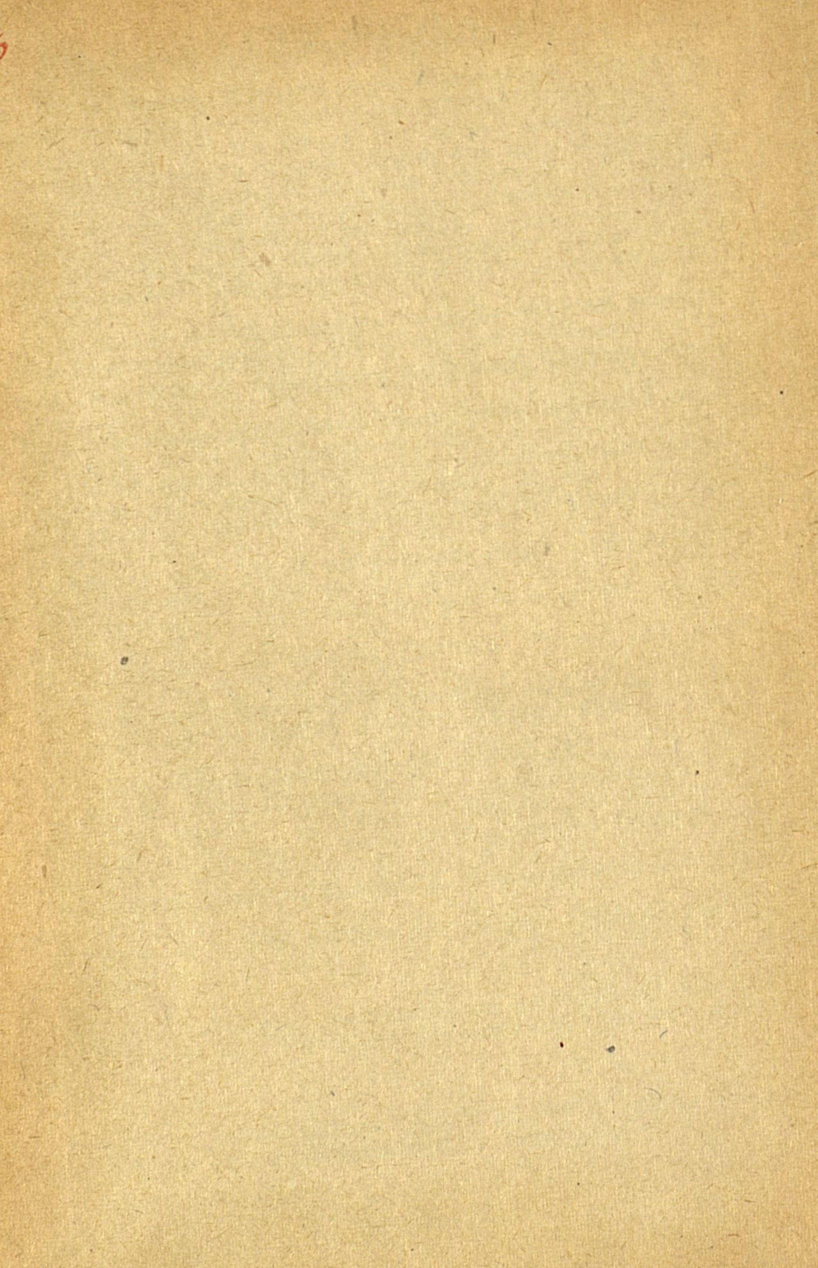
Франко. Къ свѣту. Разсказъ изъ тюремной жизни. Ц. $1^1/_2$ к.

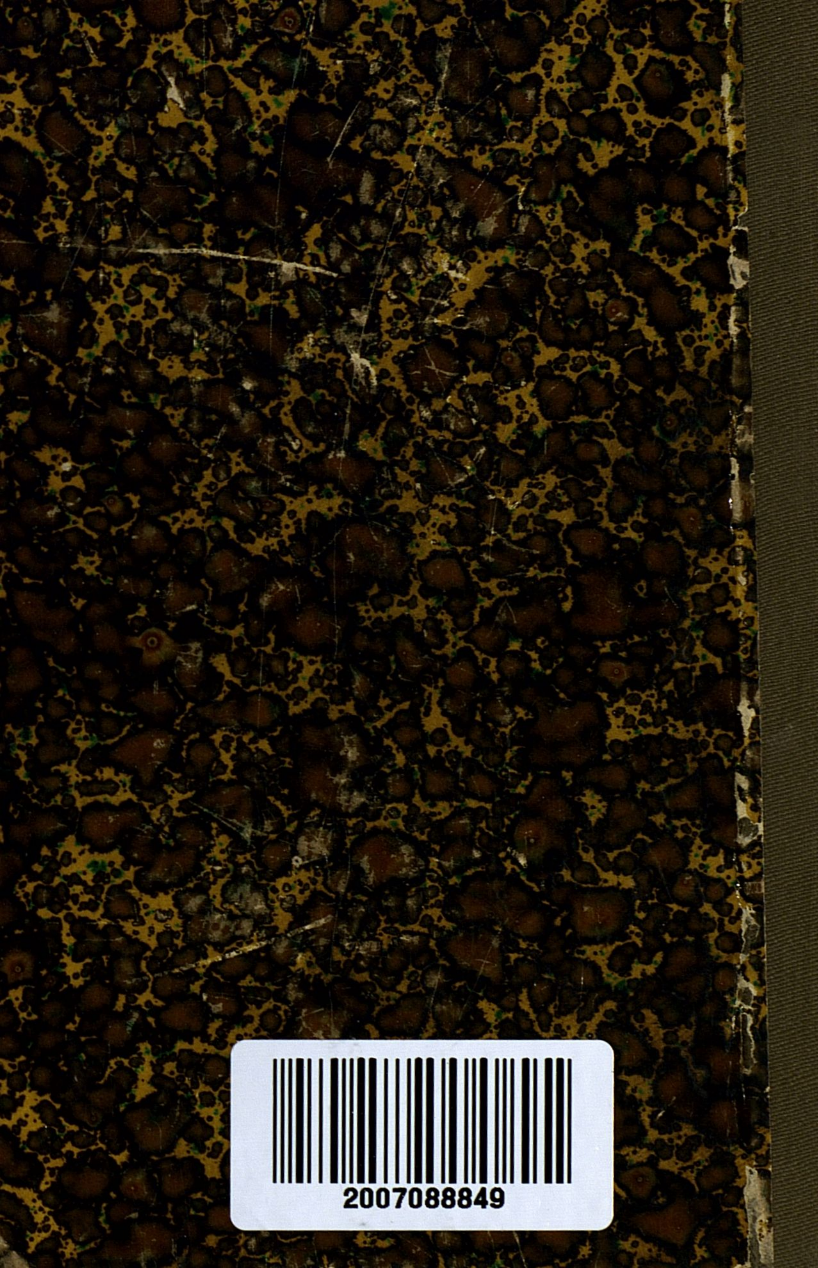
Всѣ эти книги можно выписывать изъ книжнаго магазина „ПОСРЕДНИКЪ“ (Москва, Петровскія линіи) и изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ.

Редакція и главная контора „ПОСРЕДНИКА“: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осиповыхъ, **И. И. Горбунову.**

Цѣна 80 коп.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.

2007088849